

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

КОНТРОЛЬНЫЙ №13

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1

1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

1

1980

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мурашко Г. П.</i> Словацкое восстание — начало национально-демократической революции	3
<i>Вышомирская-Кузьминская О.</i> (ПНР) Деятельность Польско-советского института	11
<i>Григорьянц Т. К.</i> К вопросу о формировании договорной системы СССР и народно-демократических стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1945—1947 гг.	21
<i>Ойматов Х.</i> БКП — организатор первомайских кампаний в болгарской деревне (1930—1934)	38
<i>Бернштейн С. В.</i> Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII—XIX веках	42
<i>Кописский З. Ю.</i> Новые документы об аграрном строе Белоруссии в XVI — первой половине XVII века	60
<i>Шолта Я.</i> (ГДР) Марксистско-ленинская концепция истории лужицких сербов	71
<i>Вилинбахов В. Б.</i> Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь»	79
<i>Твердислова Е. С.</i> Методологические и теоретические проблемы сравнительного литературоведения ПНР 60—70-х годов (на материале изучения русско-польских литературных связей второй половины XIX в.)	85
<i>Азим-заде Э. Г.</i> К сопоставительному анализу славянских и тюркских названий созвездий	96

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Пашаева Н. М.</i> Два автографа Яна Коллара в Исторической библиотеке	104
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Ненашева З. С. И. В. Чуркина.</i> Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия	108
<i>Григорян Э. А. А. Н. Нерсисян.</i> Борьба болгарского народа против султанской Турции в 70-годах XIX в.	110
<i>Стеблей Ф. И.</i> Новое исследование по истории революции 1848—1849 гг. в Австрийской империи	111
<i>Исаевич Я. Д. Б. Н. Флоря.</i> Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в.	113
<i>Горский И. К., Соловьева А. П. К. И. Ровда.</i> Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур	115
<i>Прокофьева Д. С.</i> К проблеме русско-польских литературных связей	118
<i>Фрейденберг М. М.</i> «Сплитский литературный круг»	121
<i>Мыльников А. С. И. И. Свирида.</i> Польская художественная жизнь конца XVIII — первой трети XIX в.	122
<i>Лизанец П. Н. М. М. Пещак.</i> Стиль деловых документов XIV ст.	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. М.</i> Заседание, посвященное 35-летию Словацкого национального восстания	126
<i>Орел В.</i> VII Международная конференция по «Общекарпатскому диалектологическому атласу»	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубликовский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

Г. П. МУРАШКО

СЛОВАЦКОЕ ВОССТАНИЕ — НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

Словацкое национальное восстание вошло в историю второй мировой войны как одна из самых ярких, героических страниц антифашистского движения Сопротивления на европейском континенте. В памяти людей Словацкое национальное восстание навсегда останется символом мужества и интернациональной солидарности народов, объединившихся в борьбе за свободу и независимость.

Для Чехословакии, для судеб народов этой страны Словацкое национальное восстание стало важнейшим историческим рубежом. Оно положило начало процессу революционных преобразований, который завершился победой рабочего класса в феврале 1948 г.

Словацкое национальное восстание как историческое явление — тема сложная и многоплановая. Она включает в себя целый комплекс вопросов, касающихся военной истории, истории политического и общественного развития, истории национальных и международных отношений. В судьбе народов Чехословакии Словацкое национальное восстание оставило глубокий след и оказало воздействие на все последующее развитие страны. Поэтому не случайно, что более 30 лет тема Словацкого восстания находится в центре внимания исследователей. За эти годы в историографии о восстании в целом и по отдельным его проблемам написаны сотни статей, десятки монографий, выпущены сборники документов и воспоминаний.

Отмечая 35-ю годовщину восстания, хочется остановиться лишь на одной проблеме — значении Словацкого национального восстания в развитии революционного процесса в Чехословакии.

Национально-демократическая революция в Чехословакии, как и революции 40-х годов в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, выросла из освободительной борьбы народов против фашизма. Важнейшим фактором, который должен был обеспечить возможность перехода от антифашистской борьбы к революции, являлось установление политического руководства рабочего класса в антифашистском движении.

В Чехословакии установление гегемонии рабочего класса в движении Сопротивления, превращение его в ведущую силу нации происходило в острой идейно-политической борьбе с буржуазией, ее политическими представителями в движении Сопротивления. Лидеры буржуазии в движении Сопротивления, прежде всего президент Э. Бенеш и возглавляемое

¹ Доклад, прочитанный в сентябре 1979 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященном 35-летию Словацкого восстания.

им лондонское эмигрантское правительство, ставили своей главной целью восстановление буржуазной Чехословацкой республики. Исходя из этого, они стремились не допустить широкого развертывания революционной борьбы народных масс против фашизма. Они ориентировались на захват власти в момент освобождения страны с помощью верхушечного переворота и создания сверху при участии сформированных в Лондоне органов администрации подчиненной им сети государственных учреждений, которые должны были в течение известного переходного периода обеспечить полное восстановление буржуазной государственности. С этой целью эмигрантское правительство вело переговоры с державами антигитлеровской коалиции, добиваясь того, чтобы сразу после изгнания оккупантов управление освобожденной территорией было передано его представителям.

Суть политики коммунистов в движении Сопротивления сводилась к развертыванию революционной всенародной борьбы, направленной на ликвидацию власти нацистов и их приспешников из рядов «своей» национальной буржуазии. Высшим этапом этой борьбы должно было стать вооруженное восстание и свержение фашистского режима. Стратегия коммунистов была направлена на то, что в ходе антифашистской борьбы возникнет широкий блок всех демократических сил, в котором ведущая роль будет принадлежать рабочему классу и его боевому авангарду — коммунистической партии, что будут созданы революционным путем при участии самых широких слоев народа органы новой демократической государственности, и восстановление Чехословакии, как независимого государства, будет осуществляться на иных, чем в довоенной республике, общественных, политических и национальных основах.

На международной арене свою классовую опору чехословацкие коммунисты видели в Советском Союзе и ориентировали национально-освободительное движение внутри страны на Советский Союз, успехи которого в войне с фашистской Германией были гарантией восстановления свободной и независимой Чехословакии.

В борьбе двух классовопротивоположных направлений в чехословацком антифашистском движении за его основную ориентацию, за программные установки послевоенного государственного и общественного устройства, ругался вопрос о будущем страны. В утверждении революционной концепции антифашистской борьбы в Чехословакии решающую роль (наряду с другими факторами) сыграло Словацкое национальное восстание, подготовленное Коммунистической партией Словакии, ее центральным руководством в составе К. Шмидке, Г. Гусака, Л. Новомеского.

Словацкое национальное восстание было закономерным результатом активной и упорной борьбы коммунистов Словакии против установленного с помощью гитлеровской Германии клеро-фашистского режима Тисо. Находившаяся в подполье коммунистическая партия оказалась единственной организованной политической силой в Словакии, которая никогда не прекращала борьбы. В момент наметившегося политического кризиса клеро-фашистского режима она не только обладала ясной программой действий, указывающей словацкому народу четкий выход из создавшейся ситуации, но и имела разветвленную сеть своих политических организаций, посредством которых осуществляла значительное влияние на трудовые слои нации. Тогда же в подполье коммунистами были заложены первые основы организации вооруженной борьбы народа против существующего режима. В 1943—1944 гг. целый ряд районов страны был охвачен партизанским движением, развивавшимся под непосредственным руководством коммунистов.

В декабре 1943 г. один из информаторов эмигрантского правительства сообщал, характеризуя ситуацию в Словакии: «Коммунисты лучше всех

организованы и только они способны к проведению массовых акций»².

Обладая такими важными позициями, коммунисты Словакии сумели успешно реализовать курс КПЧ на сплочение вокруг рабочего класса сил, способных вести борьбу с фашизмом и к концу 1943 г. добились реальных результатов в объединении антифашистских сил в Словакии. Переговоры с так называемым гражданским блоком, состоявшем из тех группировок словацкой буржуазии, которые под влиянием военных успехов Советского Союза поняли необходимость разрыва с режимом Тисо и начали поиски контактов с коммунистами, как наиболее сильным и организованным течением в антифашистском движении, завершились заключением в декабре 1943 г. Рождественского соглашения и созданием единого руководящего органа антифашистской борьбы в Словакии — Словацкого национального совета.

Целью борьбы объединившихся антифашистских сил должно было стать свержение фашистского режима и восстановление чехословацкой республики как общего государства чехов и словаков на основе принципа равного с равным. Сформулированная таким образом главная задача словацкого движения Сопротивления перечеркивала все устремления национального сепаратизма со стороны словацкой буржуазии и отвергала одновременно принцип «чехословакизма», т. е. существования якобы единой нации чехов и словаков, опираясь на который лондонская эмиграция рассчитывала восстановить послевоенное государство на старых довоенных национальных основах.

Вопрос о будущем социальном устройстве затрагивался в соглашении в самом общем виде, что объяснялось необходимостью не допустить раскола в складывающемся общенациональном объединении антифашистских сил.

Главное значение Рождественского соглашения заключалось прежде всего в том, что коммунисты вынудили своих буржуазных партнеров признать, что свержение фашистского режима может быть обеспечено только развертыванием массовой вооруженной борьбы всего народа, кульминационным пунктом которой станет национальное восстание.

Не менее важным и принципиальным было положение о том, что власть после свержения фашизма должна перейти в руки не представителей эмигрантского правительства, а в руки Словацкого национального совета, который и будет «осуществлять ее согласно воле народа до того момента, пока свободно избранные представители народа не смогут взять эту власть»³.

Общий политический характер Рождественского соглашения ясно свидетельствует, что подлинно руководящей силой объединенного антифашистского движения в Словакии стали коммунисты, создав здесь по существу Национальный фронт.

Это был принципиально новый фактор в развитии не только Словакии, но и всей страны в целом, ибо он обуславливал новую расстановку сил в движении Сопротивления, усилив в нем позиции революционного крыла.

Теперь стали возможны совместные действия руководства КПЧ, возглавляемого в Москве К. Готвальдом, и Словацкого национального совета, где коммунисты играли руководящую роль. Это означало качественный поворот в борьбе за гегемонию в чехословацком движении Сопротивления, в борьбе за классовое и политическое содержание новой Чехословацкой республики.

Начало Словацкого национального восстания 29 августа 1944 г. закрепило этот поворот. Ситуация в освобожденных повстанцами районах

² «Slovenské národné povstanie. Dokumenty». Bratislava, 1965, s. 123.

³ «Slovenské národné povstanie...», s. 126.

уже с первых дней не оставляла сомнений в том, что одновременно с вооруженной антифашистской борьбой в стране развивается революция, гегемоном которой является рабочий класс, руководимый коммунистами.

Взятие на освобожденной территории всех административных, исполнительных и законодательных функций Словацким национальным советом — органом революционной власти восставшего народа, в который на паритетных началах входили представители революционного крыла (т. е. коммунисты и социал-демократы) и представители антифашистских группировок словацкой буржуазии, означало государственно-политический переворот. Ведь речь шла не просто о свержении тисовского режима в этой части страны и провозглашении свободной Чехословацкой республики, но и о том, что словацкий рабочий класс через своих политических представителей, которые отстаивали и защищали интересы трудящихся во всех органах новой власти, стал классом правящим.

Сила позиций этого нового правящего класса определялась не столько количеством мест, которые занимали коммунисты и сотрудничавшие с ними левые социал-демократы в Словацком национальном совете и его органах, сколько степенью влияния коммунистов в массах и активностью этих масс.

Словацкое национальное восстание не только разбило старую структуру власти, созданную режимом Тисо, но и положило начало формированию новой системы организации власти — народно-демократической государственности.

В ходе первых же дней восстания власть на местах перешла в руки национальных комитетов — органов, созданных в подполье представителями революционных и демократических сил. «Национальные комитеты во время Словацкого национального восстания, руководимые коммунистами и честными антифашистами, были действительно революционными органами власти. Они совершили государственный переворот на местах...»⁴, — писал в своей работе «Свидетельство о Словацком национальном восстании» Г. Гусак. Национальные комитеты являлись государственно-политическими органами народных масс, а не представителей эмигрантского правительства, полномочия которого на территории Словакии не были признаны словацким движением Сопротивления и его главным органом — Словацким национальным советом. Эта позиция словацкого антифашистского движения перечеркнула планы буржуазных политиков, группировавшихся вокруг Э. Бенеша и рассчитывавших восстановить в Словакии свою власть в момент освобождения этой части республики методами, исключаящими народные массы как активный фактор политического и общественного развития.

Как известно, восстание развивалось в крайне трудных условиях, когда реальные возможности проводить демократические преобразования были ограничены, и главные усилия руководителей восстания концентрировались на защите освобожденных районов от наступающих фашистских войск. Однако есть все основания считать Словацкое национальное восстание началом национально-демократической революции, не только потому, что в ходе восстания представители широких слоев трудящихся и рабочего класса стали принимать участие в управлении, но и прежде всего потому, что в условиях восстания и вовлечения масс в антифашистскую борьбу произошли существенные сдвиги в сознании этих масс. Ими была в ходе восстания провозглашена программа глубоких преобразований существующей социальной и политической структуры общества.

⁴ H u s á k G. Svedectvo o Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1964, s. 311.

Наиболее ярко такие изменения проявились в сознании рабочего класса. Первым важнейшим показателем происходящих перемен было изживание реформистских иллюзий той части словацкого пролетариата, которая находилась под влиянием социал-демократии. Проявлением происходящих перемен в сознании этих слоев было организационное и идейно-политическое объединение рабочего класса на принципах марксизма-ленинизма. Необходимость такого объединения осознавалась постепенно в ходе совместного участия в антифашистской борьбе. «В подполье мы сблизились и убедились, что только в единстве рабочих партий можно успешно работать для рабочего класса в защиту его прав», — писал впоследствии один из лидеров левых социал-демократов Д. Эртли⁵.

Этот процесс получил свое завершение на объединительном съезде коммунистов и социал-демократов, провозгласившем создание единой коммунистической партии. Он состоялся 17 сентября 1944 г. и в нем приняли участие делегаты из всех районов Словакии. Здесь на съезде была сформулирована программа коммунистов как единой партии рабочего класса, представляющей его интересы в новых органах государственной власти.

В программе был четко определен курс на преобразование всей общественной, политической, национальной и социальной жизни в новой Чехословацкой республике, за которую сражался восставший словацкий народ. «Идея последовательной народной демократии, — говорилось в резолюции съезда, — требует, чтобы трудовой народ, который составляет подавляющее большинство населения, был носителем политической власти»⁶. Съезд выдвинул требование «социализации промышленных предприятий и банков, передачи земли крестьянам, решения национального вопроса на основе принципов равноправия. Вся программа действий словацких коммунистов, принятая на съезде, исходила из установок, разработанных руководством ЦК КПЧ, и опиралась на опыт революционной практики, приобретенный в ходе восстания. Ее единогласное принятие на съезде отражало решимость революционного авангарда рабочего класса Словакии добиваться таких коренных перемен существующего социально-политического и государственного устройства, которые открыли бы дорогу к социалистическим преобразованиям. На съезде была дана четкая формулировка внешнеполитического курса правящей рабочей партии. «Мы будем опираться на могучий Советский Союз и его Красную Армию, на нерушимый блок славянских народов и государств», — записано в резолюции съезда⁷.

Буржуазный лагерь в антифашистском движении Чехословакии тоже провозглашал курс на сотрудничество с Советским Союзом, но этот курс базировался на холодных расчетах буржуазных политиков, вынужденных признавать авторитет и могущество СССР, как ведущей державы антигитлеровской коалиции.

Внешнеполитический курс, провозглашенный на объединительном съезде коммунистов Словакии, опирался на принципы классовой солидарности и боевого братства, скрепленного кровью тех, кто штурмовал Дукельский перевал, и тех, кто защищал от фашистов первую свободную территорию Чехословацкой республики.

Оценивая программу, принятую на объединительном съезде, следует еще раз подчеркнуть, что речь шла не просто о провозглашении политической позиции как таковой; речь шла о выдвижении программы действий, за которую боролись и которую отстаивали силы, обладавшие ведущими позициями в движении Сопротивления и в возникших новых органах власти.

⁵ Husák G. Svedectvo o Slovenskom národnom povstaní, s. 281—282.

⁶ «Slovenské národné povstanie...», s. 522.

⁷ Ibid.

Касаясь вопроса о массовых организациях рабочего класса, съезд принял решение о необходимости создания единой профсоюзной организации, объединяющей рабочих независимо от их политической принадлежности. Организационное оформление единого профсоюзного движения состоялось в октябре 1944 г. на конференции заводских комитетов в Подбрезовой.

Если новая народно-демократическая государственность возникала на основе деятельности органов движения Сопротивления — национальных комитетов, то базой для создания единой массовой организации рабочего класса послужили заводские комитеты на фабриках и заводах, создание которых началось в подполье, а после начала восстания приняло широкие масштабы по всей территории Словакии.

В ходе восстания заводские комитеты взяли на себя решение ряда важнейших задач, вытекавших из революционной ситуации: они добивались, чтобы из руководства фабрик и заводов были удалены оккупанты и коллаборационисты, решали вопросы производства, зарплаты, снабжения, проблемы помощи армии и партизанским соединениям, создавали вооруженные отряды для охраны предприятий.

Это свидетельствовало о том, что в период восстания представители трудящихся не только вошли в состав государственных органов управления, но и взяли в свои руки часть важных функций по управлению производством, посягнув тем самым на самую суть капиталистических производственных отношений: неограниченное право частной капиталистической собственности на средства производства.

Объединение профсоюзного движения осуществилось на основе общего стремления рабочего класса добиться закрепления законодательным путем фактически завоеванных рабочими прав. Эти настроения наглядно продемонстрировала упомянутая уже конференция заводских комитетов в Подбрезовой, состоявшаяся 15 октября 1944 г., где собрались представители фабрик и заводов всей Словакии, а не только контролируемых повстанцами районов. В резолюции конференции было выдвинуто требование принять такой закон о правах заводских комитетов, который бы сделал их равноправными партнерами в руководстве предприятиями и предоставил бы им право участвовать в решении всех дел, касающихся управления фабриками и заводами.

Одновременно в решениях этой конференции был поднят и другой большой социальной и политической значимости вопрос. В резолюции конференции говорилось: «Мы считаем необходимым национализировать предприятия и имущество, принадлежащие немецкому и венгерскому капиталу, и имущество, принадлежащее всем внутренним и внешним врагам государства»⁸.

Осуществление такого требования означало бы по существу национализацию ведущих отраслей промышленности в этой части страны. Принятая единогласно резолюция была поставлена на обсуждение в Словацком национальном совете, но обсуждение ее было прервано из-за сложного военного положения и необходимости отступления в горы.

Объединение политических и профессиональных организаций рабочего класса Словакии на основе борьбы за коренные преобразования общественного и государственного устройства укрепило силы революционного направления в антифашистском движении всей страны в целом. В чехословацкой социал-демократии под непосредственным влиянием событий в Словакии к руководству партии пришли левые элементы, которые активно выступали за объединение рабочего движения, за тесное сотруд-

⁸ V a r t í k o v á M. Revoluční cestou. Podbrezovská konference заводních vybořů v procesu národní a demokratické revoluce (1944—1948). Praha, 1974, s. 59.

ничество с коммунистами. Бенеш и его политические сторонники оказались лишенными возможности опираться, как это нередко бывало раньше, на правых вождей в социал-демократии.

Таким образом, изменения, происходившие в ходе восстания на освобожденной повстанцами территории, полностью подтверждали правильность стратегической линии КПЧ, исходившей из того, что свержение фашизма повлечет за собой мощный подъем революционной борьбы, а решительный поворот масс влево приведет к постановке вопроса о коренных преобразованиях существующих общественных отношений.

Вместе с тем, все что происходило в освобожденных районах Словакии, означало провал концепций верхушечного переворота, вынашиваемого и подготавливаемого буржуазными кругами в эмиграции и в стране.

Противники коммунистов вынуждены были признать в конце 1944 г.: «При настоящей политической системе в Словакии страной бесспорно владеют коммунисты. Коммунисты имеют ясную программу государственную и национально-политическую, и также экономическую программу. Коммунисты в идейном отношении едины, опираются прежде всего на своих политических сторонников...»⁹.

И то, что после 27 октября 1944 г. восставшие вынуждены были в тяжелейших условиях отступить в горы, ничего не изменяло в создавшейся политической ситуации по существу. Это стало совершенно ясным, когда в начале 1945 г. началось освобождение Словакии Советской Армией. Органами власти на освобожденной территории снова стали национальные комитеты, созданные демократическим путем при участии левых сил, прежде всего коммунистов.

Высшим органом власти снова стал Словацкий национальный совет. Опубликованный им манифест от 4 февраля 1945 г. являлся как бы своеобразным завершением политических процессов, происходивших в Словакии в период восстания. В манифесте говорилось: «Новое государство будет покоиться на новых экономических и политических основах. Будет искоренено влияние немцев, венгров и их словацких прислужников, так же как всех антисловацких элементов в нашей экономике. Будут осуществлены коренные социальные реформы. Будет на практике осуществляться единственно справедливое правило: землю тем — кто ее обрабатывает.

...Рабочие станут участвовать в управлении предприятиями, на которых они трудятся, ибо будет справедливо, если решение о ценностях, созданных трудом, будет принадлежать всем, кто участвовал в их создании. Мы национализируем предприятия, имеющие ключевое значение для нашей экономики... В новой Чехословакии будет полностью осуществлен записанный в конституции ЧСР принцип, согласно которому источником власти является сам народ»¹⁰.

Таким образом широкая программа демократических общественных и социальных преобразований, провозглашенная в период восстания в программных документах рабочего класса и его партии, к началу 1945 г. стала официальной программой действий нового словацкого высшего органа власти. Это означало, что буржуазные элементы, входившие в словацкий антифашистский лагерь, оказавшись под давлением радикализированных народных масс, боясь остаться в политической изоляции, вынуждены были дать согласие на проведение ряда коренных экономических, социальных и общественных преобразований, существенно изменявших весь характер развития страны и открывавших дорогу к социализму.

⁹ «Slovenské národné povstanie...», s. 898.

¹⁰ Н у с á к G. Svedectvo o Slovenskom národnom povstaní, s. 546.

Такой исход борьбы двух концепций в движении Сопротивления в Словакии оказал огромное влияние на соотношение сил в общечехословацком антифашистском движении.

Под прямым воздействием совершившихся в Словакии изменений происходили весной 1945 г. такие важнейшие для будущих судеб Чехословацкой республики события, как ликвидация эмигрантского правительства, формирование первого правительства Национального фронта чехов и словаков, принятие его программы.

После Словацкого национального восстания оказалось невозможным осуществление расчетов буржуазных политиков на создание правительства, в котором бы представители буржуазии занимали руководящее положение. В правительстве Национального фронта чехов и словаков коммунистам и сотрудничавшим с ними левым социал-демократам принадлежал ряд таких важнейших министерств, как министерства внутренних дел, промышленности, сельского хозяйства, образования, социального обеспечения, а во главе самого правительства стал левый социал-демократ Фирлингер.

Не менее важным было и то, что в принятой правительством программе, главной целью его деятельности провозглашалось не восстановление довоенной Чехословацкой республики, а создание государства нового типа, где будут осуществлены широкие демократические и социальные преобразования. Основные положения названной программы преобразований были разработаны и включены в проект по инициативе руководства КПЧ, при этом безусловно учитывался опыт, полученный в ходе Словацкого национального восстания.

Утверждение Кошицкой программы в качестве программы правительства Национального фронта чехов и словаков означало, что в освобожденном государстве будет реализовываться концепция общественного государственного и социально-экономического развития, предложенная политическими представителями чешского и словацкого рабочего класса.

Дорога к осуществлению национально-демократической революции в масштабах всей страны оказалась открытой.

Один из самых непосредственных участников и руководителей Словацкого национального восстания, Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак так определял место Словацкого восстания в развитии революции: «Антифашистская борьба и прежде всего словацкое восстание было колыбелью тех глубоких государственных политических перемен у нас, которые знаменовали собой конец диктатуры буржуазии и начало власти трудового народа, это был тот исходный пункт, от которого потом велась борьба за социалистические преобразования нашего общества»¹¹.

¹¹ H u s á k G. O Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1969, s. 17.

ОТИЛЬДА ВЫШОМИРСКАЯ-РУЗЬМИНСКАЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОГО ИНСТИТУТА

Настоящая статья посвящена деятельности Польско-советского института в Варшаве в области научного сотрудничества с Советским Союзом. В качестве вступления несколько предварительных замечаний об историческом фоне событий, на котором возникла концепция создания этого учреждения.

Конец сороковых и начало пятидесятых годов характеризовались возрождением польской науки. Это был период оказания Советским Союзом помощи в организации и восстановлении польской высшей школы, институтов и научно-исследовательских центров, в разработке программ и учебных планов ведения семинаров и курсов, оказание научно-дидактической помощи при овладении марксистской методологией.

Исключение составляют точные науки. Например, партнерское сотрудничество в области математических наук началось в первые же дни после освобождения. Оно явилось продолжением довоенных традиций. Польская молодежь стала выезжать на учебу в высшие учебные заведения Советского Союза и в аспирантуру. Начался обмен делегациями ученых.

Положение было чрезвычайно трудным. Польская интеллигенция понесла в годы войны огромные потери. Высшие учебные заведения и научно-исследовательские центры всей страны ощущали нехватку специалистов. Процессу возрождения науки в Польше сопутствовала поляризация позиций научных работников. К этому следует добавить, что овладение марксистской методологией в отдельных отраслях науки проходило совсем не просто. В то же время строительство социализма выдвигало новые конкретные задачи. Польша в этот период стремилась к контактам и научному сотрудничеству прежде всего с Советским Союзом.

1944—1950 гг. можно с точки зрения организационной назвать периодом выработки основных форм и путей развития научного сотрудничества. Постепенно углубляются контакты с советской наукой. Все чаще в научных учреждениях, учебных заведениях и библиотеках стали появляться книги советских ученых и советские научные журналы. Нельзя не отметить и то значение, которое для развития научного сотрудничества имели непосредственные личные контакты польских и советских ученых. Польские ученые во время посещения научно-исследовательских организаций в СССР знакомились с их организационной структурой, состоянием исследований и методологией.

Начало пятидесятых годов было отмечено дальнейшим динамическим развитием и созданием новых научных центров в Польше. В этот процесс польские ученые вложили много усилий и энергии. Это было количественное и качественное развитие польско-советского научного сотрудничества. В области общественных наук укрепился марксистский метод.

С помощью опыта Советского Союза проходил процесс усвоения некоторыми отраслями науки принципов марксизма-ленинизма. Это прежде всего касалось общественных наук, в частности, истории, которая может служить примером наиболее активного сотрудничества с Советским Союзом в области науки. В первые годы формирования и упрочения народной власти в Польше неотложной задачей стало распространение знаний о СССР в области истории, истории литературы, культуры и искусства, а также изучение русского языка.

В соответствии с постановлением Первого конгресса польских ученых, а также решениями Комиссии по славяноведению в декабре 1951 г. был создан Польско-советский институт, который должен был проводить научные исследования по истории СССР, истории литературы и славянского языкознания, украинской и белорусской филологии. Предусматривалось, что институт этот будет центром информации и распространения знаний о жизни в СССР¹.

31 января 1952 г. состоялось торжественное открытие института. В докладе «Состояние и задачи научных исследований» профессор Мариан Якубец отметил пробелы в изучении проблем русистики и констатировал, что «... причины таких пробелов в официальной литературной славистике следует искать в специфических условиях, в которых развивались гуманитарные науки в Польше, в классовой структуре общества, в культурном уровне трудящихся, а также в политическом положении страны»².

Перед институтом были поставлены следующие задачи:

«1. Помощь в подготовке преподавательских кадров и научных работников в области русистики, и распространение в польском обществе знаний о литературе и искусстве русского, украинского и белорусского народов, а по мере возможности, и о литературе других народов Советского Союза путем: а) организации курсов повышения квалификации преподавателей русского языка и молодых научных работников-русистов; б) организация цикла лекций советских и польских ученых, посвященных советской литературе и искусству, и проведения польско-советских научных сессий по проблемам русистики.

2. Укомплектование и налаживание работы научной библиотеки, состоящей из научной литературы и других книг, а также газет и журналов на языках народов СССР, из польских изданий этих книг, а также польской литературы по советской тематике.

3. Создание отдела документации и информации: а) научной, культурной и экономической жизни СССР по официальным советским публикациям; б) о культурных и научных связях соответствующих польских и советских организаций...

4. Сбор материала для создания в будущем польско-советского музея, который отражал бы историю взаимоотношений польского народа и народов СССР.

5. Выпуск периодических изданий на польском и русском языках, информирующих о польско-советских отношениях в области науки и культуры»³.

Польско-советский институт одним из первых в стране начал научно-исследовательскую деятельность по изучению истории польско-советских отношений на основе марксистской методологии. Планы научно-

¹ См. А. Ш а н я в с к и й. О работе Польско-советского института. «Информационный бюллетень», 1958, № 5—6, с. 46.

² «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», t. I, 1952, s. 7—28.

³ Archiwum Zarządu Głównego TPPR. Prezydium T. Uchwały. Sygn. 1/5. Uchwała Rady Naczelnej TPPR powołująca IPR; «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», t. 1, 1952, s. 3, 4.

исследовательских работ института были согласованы с Польской Академией наук и координировались ею. Труды Польско-советского института имели важное значение, способствуя изучению всего комплекса польско-русских и польско-советских отношений.

Поскольку в то время не было еще специального исследовательского центра, который занимался бы изучением проблем славистики и русистики, Отделение общественных наук ПАН через Комитет по славистике и русистике выступило с инициативой проведения исследований в рамках договорных работ (под руководством профессора Т. Лер-Сплавиньского) в Польско-советском институте⁴.

Директором Польско-советского института до 1957 г. был профессор З. Млынарский (заместителем директора по научным вопросам — профессор М. Якубец), а после реорганизации института с декабря 1957 г. функции директора института выполнял магистр А. Шанявский.

Создание ПСИ получило широкий отклик на страницах научных журналов и в польской печати⁵. Только с февраля по июнь 1952 г. в Польше вышли 124 статьи и сообщения о создании и деятельности ПСИ. Советская печать также не обошла молчанием это событие.

В состав Научного совета ПСИ входили известные ученые и специалисты по проблемам русистики, славистики, популяризаторы знаний о СССР и польско-советских отношений в области культуры. Институт состоял из двух отделов — научно-исследовательского и научно-вспомогательного. В первом отделе был создан сектор русского языка, сектор истории, сектор литературы и сектор украинской и белорусской филологии. Научно-вспомогательный отдел состоял: из редакции изданий ПСИ, библиотеки, бюро популяризации, а также секции документации и информации.

Сразу же после создания ПСИ начал вести научную и пропагандистскую работу. Уже с 1 февраля 1952 г. были организованы научные курсы по изучению СССР для учителей русского языка школ Варшавы и предместья. 8 июля 1952 г. из 48 записавшихся курсы закончили 30 учителей⁶. Публичные лекции, посвященные популяризации советской науки и распространению знаний о СССР, начали читаться с 7 февраля 1952 г. Лекции были посвящены социально-политическим проблемам, вопросам литера-

⁴ APAN WP PAN. Sygn. 23, k. 30, 31. Sprawozdanie Wydziału I nauk społecznych PAN za rok 1954; «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1953, № 4, s. 190; 1954, № 1, s. 197; 1954, № 2, s. 192—195; 1955, № 1—2, s. 440. В перечисленных номерах «Квартальника» в постоянной рубрике публиковались «Отчеты о деятельности ПСИ» за разные периоды.

⁵ Открытие в Варшаве Польско-советского института. «Еженедельный информационный бюллетень Посольства Польской Республики в Москве», 1952, № 6, с. 3, 4; Большая популярность Польско-советского института в Варшаве. Там же, 1952, № 20; Оживленная деятельность Польско-советского института. Там же, 1952, № 7, с. 3 и др.; широкая деятельность Польско-советского института. Там же, 1952, № 2, с. 22; «Instytut Polsko-Radziecki w Warszawie (nowa placówka naukowo-badawcza)». «Stolica», 1952, № 4, s. 4; «Instytut Polsko-Radziecki». «Życie Nauki», 1952, № 1—2, s. 164, 165; Z. M ł y n a r s k i. Instytut Polsko-Radziecki. «Życie Słowiańskie», 1952, № 3; Z. M ł y n a r s k i. O Instytucie Polsko-Radzieckim. «Przegląd Kulturalny», 1952, № 12, s. 6; «Osiągnięcia i plany Instytutu Polsko-Radzieckiego». «Trybuna Ludu», 1952, № 320, s. 3; «Instytut Polsko-Radziecki — nowy ośrodek przyjaźni i współpracy». «Głos Nauczycielski», 1952, № 9, s. 2; J. B o r o w s k a. W Instytucie Polsko-Radzieckim. «Trybuna Ludu», 1952, № 130, s. 4; H. J a ź w i ń s k a. Z prac Instytutu Polsko-Radzieckiego. «Życie Szkoły Wyższej», 1953, № 10, s. 116; H. J a ź w i ń s k a. Instytut Polsko-Radziecki. «Wiedza i Życie», 1952, № 11, s. 1000—1004; D. T r y l e w i c z. Instytut Polsko-Radziecki pomaga w pracy naukowemu uczoneму. «Gazeta Robotnicza», 1952, № 13, s. 5; «Instytut Polsko-Radziecki». «Wola Ludu», 1952, № 240, s. 5; K. P y t l a r c z y k. Organizacja prac naukowo-badawczych w zakresie stosunków polsko-radzieckich w Polsce Ludowej. «Biuletyn informacyjny studentów z dziejów stosunków polsko-radzieckich», 1968, № 10, s. 34—37.

⁶ «Trybuna Ludu», 1954, № 149, s. 5; 1954, № 166, s. 3; 1954, № 263, s. 3.

туры, языка, педагогики, истории, культуры и спорта, затрагивались также проблемы естественно-технических наук. Только с февраля по ноябрь 1952 г. были прочитаны 52 лекции, на которых присутствовало 11 000 слушателей.

Началась разработка тематики научных исследований по проблемам польско-русских и польско-советских отношений в области литературы, истории, школьного образования, культуры, а также актуальным вопросам жизни и строительства коммунизма в СССР.

Были определены следующие направления научных исследований: а) сотрудничество польских и русских революционеров, при особом внимании к проблемам Январского восстания; б) польско-русские литературные связи и их развитие; в) Ленин и Сталин о Польше; г) эстетика русских революционных демократов и ее влияние на развитие польского реалистического искусства; д) польско-русский и русско-польский научные словари ⁷.

В октябре того же года были открыты продолжавшие свою работу до июля 1953 г. курсы по изучению СССР, слушателями которых были студенты первого курса университета, институтов, в подавляющем большинстве гуманитарных. Курсы посещали также молодые специалисты-русисты, полонисты, учителя, журналисты. Многие из числа слушателей выбрали для себя литературно-языковое направление, некоторые — историко-культурное. Предметом изучения были русская и советская литература, история и государственный строй СССР, грамматика русского языка, философские науки, география, традиции польско-советской дружбы. Многие лекции передавались по польскому радио. Из 46 слушателей свидетельство об окончании курсов получили 44 человека.

5 июля 1953 г. при ПСИ открылись 4-летние заочные курсы по русской филологии. ПСИ привлек к сотрудничеству специалистов с кафедр русской и славянской филологии, а также русистов из Варшавского, Ягеллонского, Вроцлавского и Лодзинского университетов.

В качестве главных научных организационных центров деятельности ПСИ осенью 1952 г. были созданы следующие научные секции: секция истории и традиции польско-советской дружбы (руководитель профессор Л. Базылев) исследовала проблемы сотрудничества польских левых сил с революционными демократами России в период Январского восстания и участия поляков в русском революционном движении 1870—1890 гг.; секция языкознания. Работавшие в ней известные специалисты трех университетских центров (Варшавы, Кракова и Вроцлава) входили в состав комитета, созданного для издания польско-русского и русско-польского словарей. Руководителем редакционного комитета был профессор Т. Лер-Сплавинский. В состав комитета входили: д-р А. Беляцкий, проф. В. Дорошевский, проф. Ст. Храбец, д-р А. Обрембска-Яблоньска, проф. В. Якубовский, проф. В. Курашкевич, проф. М. Мирович, проф. Л. Оссовский, проф. Ст. Скорупка, д-р Ф. Славский, д-р Е. Токарский, д-р Б. Вечоркевич. Коллективом, который вел подготовительную работу, руководил проф. М. Мирович. В составлении этого многотомного словаря принимали участие несколько десятков специалистов русского языка и других областей науки; секция истории литературы (руководитель — проф. М. Якубец) широко изучала проблемы влияния русской и советской литературы на польскую литературу. Эта секция объединяла три коллектива: варшавский (при ПСИ), краковский (при Ягеллонском университете) и вроцлавский (при университете во Вроцлаве). Варшавский коллектив разрабатывал следующие темы: «Декабристы в польской литературе», «Влияние

⁷ «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», t. 1, 1952, s. 145.

русского реализма (Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин) на возникновение реализма в польской литературе периода романтизма», «Публицистические издания А. И. Герцена и отклики на выступления Герцена в польских периодических изданиях 50—60-х годов XIX в.», «Леся Украинка и польская литература». Краковский коллектив при Ягеллонском университете занимался вопросами восприятия советской литературы в Польше в межвоенный период. Вроцлавский коллектив выбрал тему «М. Горький в Польше». Секция проблем культуры (ею руководил проф. Ю. Стажинский) занималась изучением вопросов искусства польского и русского народов.

Невозможно охватить в настоящей статье всего богатства проблематики, которой занимались сектора ПСИ, и проанализировать все результаты их научных исследований. Но необходимо отметить, что динамическое развитие исследований в отдельных секциях способствовало тому, что они были впоследствии реорганизованы в институты. Как историк, начну с характеристики сектора истории СССР, который занимался, в частности, изучением проблемы участия поляков в русском революционном движении (была составлена библиография польских и русских печатных материалов периода 1861—1917 гг.). В секторе широко проводились поиски новых источниковых материалов об участии русских в Январском восстании (в варшавских и келецких архивах, а также в архивах церковных приходов Келецкого воеводства). Изучались также проблемы польско-белорусских отношений, сотрудничества прогрессивных сил польского, украинского, белорусского и литовского народов в XIX и в начале XX в. Например, работы Л. Базылева, З. Млынарского, М. Ваврыковой, П. Лоссовского, К. Дунина-Вонсовича, В. Сливовской, А. Слива, Ф. Борковской, Г. Яжвиньской, К. Копколевского, М. Вежховского, Т. Боровского, сборник «Участие русских, украинцев и белорусов в Январском восстании». Следует добавить, что расширение тематики исследований ПСИ белорусскими проблемами явилось результатом развития контактов между научными работниками института и Академии наук Белорусской ССР.

В связи с 50-й годовщиной революции 1905—1907 гг. в 1955 г. начались исследования по проблеме «Братство по оружию польского, русского, украинского и белорусского народов в период революции 1905—1907 гг.». Ценные польские и советские архивные материалы по этой теме были опубликованы в сборнике «Избранные материалы, отражающие сотрудничество польских и русских революционных сил в период революции 1905—1907 гг.». Сектор подготавливал также материалы для организуемых ПСИ научных сессий по проблемам истории.

Издаваемый «Ежегодник сектора истории ПСИ» представлял собой сборник статей, в которых рассматривались вопросы польско-русских отношений XIX в. Кроме того, был подготовлен «Сборник источников по истории СССР». В секторе истории было выполнено свыше 40 работ и научных исследований по проблеме участия русских в польском революционном движении 60-х годов XIX в. и сотрудничеству польских и русских революционеров в 1870—1894 гг. Сектор активно сотрудничал с Институтом истории АН Украинской ССР. Между ними проводился взаимный персональный обмен с целью проведения архивных изысканий и обмен планами научных исследований⁸.

⁸ Архив Института истории АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 607, л. 16; AZG TPPR. Sygn. 1—16—III/1955—1956. Sprawozdanie opisowe Zakładu historii ZSSR za 1955 i 1956 r.; «Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku». Wrocław, 1956. «Prace Historyczne», t. I; см. AZG TPPR. Sygn. 1—15—VII/1955; 1—16—III/1956, к. 1. Sprawozdanie Zakładu historii IPR z prac naukowo-badawczych za 1956 r.

В институте помимо сектора истории СССР были созданы также сектор русской филологии, сектор украинской филологии и белорусской литературы. Сектор русской филологии в первую очередь вел работу по польско-русскому словарю. В 1954 г. уже было собрано около 90 000 слов. Продолжалась работа по редактированию словаря. В декабре 1955 г. состоялось обсуждение макета «Русско-польского словаря». В дискуссии приняли участие члены редакционного комитета «Словаря», Комитет языкознания ПАН, Комитет славистики и русистики ПАН. В обсуждении принял участие академик АН СССР В. В. Виноградов.

Сектор проводил исследования по лексике русского языка, диалектам русского языка, встречающимся в северо-восточных районах Польши и грамматической системе польского языка в сравнении с системой русского языка. В Кракове был создан филиал этого сектора под руководством проф. В. Якубовского. При ПСИ работали также заочные курсы русской филологии.

В секторе украинской и белорусской филологии в 1954 г. была создана лаборатория настольного словаря украинского языка. Ею руководил проф. П. Зволинский. Год спустя в печать был сдан «Украинско-польский словарь» на 30 000 слов. В основном сектор концентрировал внимание на диалектологических работах и подготовке словарей, в том числе и польско-белорусского словаря.

Сектор литературы подготовил и опубликовал большое число работ по проблемам истории русской литературы и польско-русским литературным связям. В частности, можно назвать работы таких исследователей как М. Якубец («Былины», предисловия к избранным произведениям Т. Шевченко, И. Франко и М. Коцюбинского), А. Валицкий (Предисловие и комментарий к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, к двухтомному изданию избранных философских и критических статей В. Г. Белинского, работа «Белинский и Дембовский»), Я. Урбаньская (издание «Грозы» А. Н. Островского), А. Семчук («Воскресение» Л. Толстого), Б. Гальстер («Декабристы и польская литература»).

В 1955 г. исследовательские работы сектора концентрировались в основном на подготовке к проведению Года А. Мицкевича и научной сессии историков литературы и языка, организатором которой была Научная комиссия ПАН по проведению Года Мицкевича. В это время в основном занимались изучением творчества и деятельности А. Мицкевича и польско-русских литературных связей периода романтизма.

Важную роль в углублении научных исследований сыграли сессии, организуемые секторами ПСИ совместно с Комитетом славистики и русистики ПАН. Эти сессии способствовали расширению знаний о польско-русских отношениях. Так, например, 10 декабря 1952 г. в ПСИ состоялась научная конференция о жизни и творчестве А. Радищева в связи со 150-й годовщиной со дня его смерти, 7 декабря 1953 г. — о жизни и творчестве Н. А. Некрасова (совместно с Комитетом славистики и русистики ПАН), 29 мая 1954 г. — Н. Г. Чернышевского, 11 декабря 1954 г. — А. Чехова, 26—27 ноября 1954 г. — по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией (совместно с Отделением общественных наук ПАН и Институтом истории ПАН). В официальных документах Польской Академии наук, анализирующих и оценивающих работу сектора, отмечалось оживление исследований по названной проблеме⁹.

⁹ APAN BP PAN. Sygn. 23, k. 31; AZG TPRR. Sygn. 1—14—I/1953—1954, k. 1—4; APAN BP PAN. Sygn. 48, k. 1, 2; «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1954, № 4, s. 243; «Życie Szkoły Wyższej», 1954, № 9, s. 120; R. L. «Sprawozdanie z czynności i prac PAN», 1954, № 2, Warszawa, 1955, s. 70, 71; «Вестник Академии наук СССР», 1954, № 9, с. 87; H. J a ż w i ń s k a, T. B o r k o w s k a. Sesja naukowa

Необходимо отметить также, что историки ПСИ проводили совместно с учеными АН СССР исследования по проблемам Январского восстания. Ученые из Института истории ПАН (после изменения научного профиля ПСИ) выступили в 1957 г. с инициативой издания многотомной публикации «Восстание 1863 года. Материалы и документы». Это уникальное издание насчитывает сегодня 21 том¹⁰.

Десятая годовщина подписания Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между Польшей и СССР (1955) стала поводом для обмена поздравительными посланиями между ПСИ и научными организациями, сотрудничавшими с ним¹¹.

Сотрудники ПСИ совместно с руководством Института истории ПАН, представителями учебных заведений и других научных центров Польши, представителями польских государственных архивов проводили многочисленные встречи, направленные на совершенствование польско-советского научного сотрудничества. ПСИ оказывал ценную помощь советским ученым, предоставляя им материалы (архивные, микрофильмы, библиографию, книги и т.п.), необходимые для научной работы, а также польским историкам. Только в 1954 г. ПСИ передал научным организациям Советского Союза 3000 библиографических материалов, 2000 фотокопий архивных материалов и фотокопий подлинных рукописных документов¹². Из СССР были получены архивные документы о революции 1905—1907 гг. на польских землях.

Особого внимания при изучении польско-советских контактов заслуживает деятельность сектора библиографии и научной документации, которая подготавливала обширную информацию по проблемам литературоведения, науки и просвещения. Он издавал бюллетени, содержащие библиографические материалы о творчестве Некрасова, Гоголя, Шевченко, Франко, Чернышевского, Короленко и Толстого. По просьбе научных организаций СССР сектор предоставлял и пересылал им фотокопии документов, микрофильмов и т.п. Институту истории АН СССР сектор выслал, в частности, 133 документа, относящиеся к революции 1905—1907 гг., Институт литературы АН Украинской ССР получил собрание фотокопий рукописей И. Франко, писем Т. Шевченко к Венгжиновскому, а также рукописей Сидора Твердохлеба.

Этот сектор выступал в роли посредника в контактах между польскими и советскими научными учреждениями, например, при обмене фотокопиями документов между Институтом истории государства и права Ягеллонского университета, Институтом истории ПАН и другими учреждениями Польши и Институтом истории АН СССР, Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде, Главным архивным управлением СССР. Проводился обмен результатами архивных изысканий и научной информацией с научными организациями в СССР. Например,

poświęcona trzechsetnej rocznicy zjednoczenia Ukrainy z Rosją. «Życie Szkoły Wyższej», 1955, № 2, s. 77; «Konferencja naukowa w Instytucie Polsko-Radzieckim». «Życie Szkoły Wyższej», 1953, № 2, s. 95; E. H. Sesja ukraińska. «Sprawozdanie z czynności i prac PAN», 1954, № 2, s. 59; E. H a ł o n. 300-lecie zjednoczenia Ukrainy z Rosją (Sesja naukowa Polskiej Akademii nauk i Instytutu Polsko-Radzieckiego. Warszawa dnia 26—27 listopada 1954 r.) «Nauka Polska», 1955, № 1, s. 199—205.

¹⁰ O. W y s z o m i r s k a - K u z m i ń s k a. Z polsko-radzieckiej współpracy naukowej. «Biuletyn informacyjny IKS PAN», 1976, № 42, s. 14—17.

¹¹ «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1955, № 1—2, s. 442.

¹² Архив Института истории АН СССР, ф. I, оп. 1, д. 607, л. 7, 16, 18, 20, 26, 32, 33, 98; И. С. М и л л е р. Творческое содружество советских и польских историков. «Вестник Академии наук СССР», 1955, № 8, с. 66.

ВОКС получил библиографию по вопросам происшедших в Польше в области культуры изменений за десятилетие¹³.

Сектор популяризации знаний о СССР организовал юбилейные выставки, лекции, доклады, связанные со знаменательными датами в области культуры. Библиографию по проблематике, которой занимался ПСИ, посылали также в Ленинградский университет, в Институт литературы АН Украинской ССР, в Музей Янки Купалы, в Институт литературы АН Белорусской ССР, в Музей им. М. Горького в Казани, в Институт мировой литературы им. М. Горького АН СССР, в Государственный исторический музей¹⁴. В рамках издательской деятельности были выпущены в связи с проведением «белорусской декады» бюллетени «Беларусь». В связи с Месячником укрепления польско-советской дружбы в 1955 г. был издан бюллетень «Польско-советские научные и культурные связи». Этот бюллетень содержал обзор статей о Советском Союзе, вышедших за восемь месяцев 1955 г. и насчитывал свыше 800 позиций¹⁵.

Уже в первые дни своей деятельности ПСИ принял книжное собрание прежней Центральной библиотеки Главного правления ОПСД, насчитывающее 27 854 тома. Институт получил дубликаты книг из научных библиотек Польши. Так, например, Варшавский университет и Ягеллонская библиотека передали значительное число дубликатов книг на русском языке, а также книги на польском языке по вопросам истории.

По проблемам комплектования, документации и информации ПСИ наладил тесные контакты с ВОКС, Фундаментальной библиотекой АН СССР.

На протяжении всего периода деятельности ПСИ библиотека института получала книги из Советского Союза, например, от таких организаций, как ВОКС, УкрОКС, БелОКС, Академии наук СССР, Библиотеки им. В. И. Ленина.

Библиотека ПСИ сыграла значительную роль как источник знаний для тех, кто изучал или просто интересовался русистикой и польско-советскими отношениями. Из библиотеки чисто просветительской — на первом этапе своей деятельности — она выросла в научную библиотеку, систематически пополнявшую свои фонды новыми советскими и польскими публикациями. Мы не ошибемся, если скажем, что библиотека практически состояла из двух самостоятельных книжных фондов. Книги научного характера выдавались в читальный зал, другие книги — по абонементу. И в том и в другом книжном фонде преобладали книги на русском языке, составляющие 69% от общего их числа¹⁶. В 1955 г. по решению Научного совета ПСИ библиотека изменила свой профиль на чисто гуманитарный. Были ликвидированы естественно-математический отдел и отдел точных наук. Большая часть этих книг вошла в фонды студенческой библиотеки на Елёнках.

Расширение обмена с библиотеками Советского Союза, обмен дубликатами с отечественными библиотеками и закупка книг в букинистических магазинах способствовали тому, что библиотека ПСИ стала по прошествии нескольких лет самым крупным книгохранилищем в Польше по проб-

¹³ «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1952, № 1, s. 115, 1954, № 3—4, s. 245.

¹⁴ Из Государственного исторического музея Польско-советский институт получил, например, два микрофильма рукописей XVII в. перевода на русский язык «De republica emendanda» Анджея Моджевского. См. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1954, № 3—4, s. 227.

¹⁵ «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1954, № 3—4, s. 226, 227.

¹⁶ «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1955, № 1—2, s. 433, 438; M. K o w a l c z e w s k i. Bibliografia Instytutu Polsko-Radzieckiego, s. 434.

лемам русистики. В 1955 г. книжный фонд библиотеки насчитывал около 70 000 томов книг и 6 858 названий газет и журналов.

В 1961 г. после реорганизации ПСИ богатейший книжный фонд его библиотеки был передан Институту славяноведения ПАН¹⁷. В настоящее время — пополняемый на протяжении многих лет — этот фонд является ядром отдела русистики библиотеки ПАН.

О достижениях ПСИ информировал, в частности, «Квартальник Польско-советского института», издаваемый с сентября 1952 г. на польском и русском языках, а также библиографические информационные бюллетени «Полоника в СССР» и «Советика в Польше», выходявшие на протяжении 1952—1957 гг. как приложения к «Квартальнику». В этот период «Квартальник» был единственным журналом, посвященным исключительно польско-русской и польско-советской научной и культурной проблематике. «Квартальник» редактировал издательский отдел ПСИ.

Издание «Квартальника» явилось — об этом стоит напомнить — осуществлением стремлений Адама Мицкевича о создании ежемесячника «Ирс». Этот журнал предназначался для ознакомления польского общества с русской культурой, он должен был обратить внимание поляков «на все возрастающее богатство русской литературы, на развитие науки, искусства и народного творчества...»¹⁸.

За период 1952—1957 гг. было издано 17 томов «Квартальника». На его страницах публиковали статьи по всем научным отраслям, которыми занимался ПСИ, известные польские ученые и начинающие исследователи. Немало было опубликовано работ и советских ученых.

В 1956 г. в «Квартальнике Польско-советского института» (№ 3—4) было опубликовано сообщение редакции об изменении, начиная с 1957 г. названия журнала на «Славия Ориенталис» («Slavia Orientalis») с сохранением прежней нумерации.

В пятидесятые годы Польско-советский институт был единственным в Польше центром по изучению русистики и истории польско-русских, польско-украинских и польско-белорусских отношений XVIII—XIX вв. (в меньшей степени проблем польско-советских отношений).

Итак, всю деятельность ПСИ можно разделить на два этапа.

Первый этап — с января 1952 г. до декабря 1957 г.¹⁹ В этот период ПСИ динамически развивал научно-исследовательскую и дидактическую деятельность, выступал в качестве посредника при налаживании контактов с научными организациями и научными центрами в СССР, занимался издательской, библиографической и популяризаторской деятельностью, комплектованием библиотечных фондов и предоставлением их исследователям. В этот период постоянно расширялся и углублялся объем исследований по проблемам XIX и XX вв. Фактором, благоприятствующим этому процессу, было предоставление — в результате расширяющегося научно-сотрудничества работников ПСИ с советскими учеными — широкой возможности для польских исследователей работать в советских архивах.

¹⁷ «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1955, № 3—4, s. 227.

¹⁸ AZG TPPR. Prezydium. T. Protokoły. Sygn. 1/6; «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1952, № 1, s. 5.

¹⁹ В декабре 1957 г. по решению Главного правления ОПСД Польско-советский институт был превращен в организацию, имеющую главной целью популяризацию истории взаимных отношений между двумя странами. А. П а н я в с к и й. О работе Польско-советского института. «Информационный бюллетень», 1958, № 5—6, с. 46; «Życie Nauki», 1952, № 1, s. 164; 1953, № 2, s. 95; 1952, № 5, s. 122. S. S z c z u d ł o w s k i. Instytut Polsko-Radziecki. «Życie Szkoły Wyższej», 1953, № 10, s. 158; W. T a b o r s k i. Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. «Życie Szkoły Wyższej», 1954, № 9, s. 120; 1955, № 2, s. 77.

Новые источники побуждали к разработке новых тем, к расширению и углублению проблем уже разрабатываемых.

На первом этапе ПСИ не занимался проблемами современности. Тем не менее в эти годы бесспорной заслугой его научных кадров была подготовка молодых специалистов, прежде всего по проблемам восточнославянской филологии и истории.

На втором этапе — с января 1958 г. до июня 1961 г., т. е. с момента реорганизации ПСИ, Институт утрачивает характер научно-исследовательского центра. Состоявшийся в декабре 1957 г. Пленум Главного правления ОПСД поставил перед ПСИ в качестве одной из самых главных задач организации всесторонней научной информации о СССР для польского общества.

Т. ГРИГОРЬЯНЦ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДОГОВОРНОЙ СИСТЕМЫ СССР И НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1945—1947 гг.

Уже осенью 1941 г., т. е. в самом начале Великой Отечественной войны Советское правительство высказало свою заинтересованность в решении германской проблемы, послевоенного урегулирования и послевоенного устройства в Европе¹, а также в новой организации международных отношений для обеспечения прочного и справедливого мира во всем мире. В «Декларации Правительства Советского Союза и Правительства Польской Республики о дружбе и взаимопомощи» от 4 декабря 1941 г. указывалось, что обеспечение прочного и справедливого мира «может быть достигнуто только новой организацией международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз». Эта декларация явилась первым межправительственным документом, принятым в годы второй мировой войны, в котором выдвигалась идея создания новой международной организации безопасности².

В докладе по случаю 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции глава Советского правительства следующим образом охарактеризовал программу антигитлеровской коалиции: «...уничтожение расовой исключительности, равноправие наций и неприкосновенность их территорий, освобождение поработченных наций и восстановление их суверенных прав; право каждой нации устраиваться по своему желанию, экономическая помощь потерпевшим нациям и содействие им в деле достижения их материального благополучия, восстановление демократических свобод, уничтожение гитлеровского режима»³.

В советской программе послевоенной безопасности и послевоенного урегулирования, выдвинутой в ноябре 1943 г., подчеркивалась необходимость содействия освобожденным народам Европы в воссоздании их национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями, предоставления им права самим решать вопрос о государственном устройстве, а также установления такого порядка в послевоенной Европе, кото-

¹ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Изд. 2-е. М., 1976, т. I, с. 42, 45, 46.

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946, с. 191—192.

³ Там же, с. 78.

рый бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии⁴.

Советское правительство, в отличие от правительств США, Англии и польского эмигрантского правительства⁵, высказывалось за сохранение единого германского государства и последовательно отстаивало свою позицию вплоть до Потсдамской конференции⁶.

Благодаря усилиям Советского Союза была выработана единая платформа антигитлеровской коалиции в германском вопросе, что и было зафиксировано в основных решениях последующих союзнических конференций⁷.

Политика Советского Союза в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы, поработанных германским фашизмом, вытекала из самой сути советского социалистического государства. Еще в Декларации правительства СССР на Межсоюзной конференции в Лондоне 24 сентября 1941 г., в которой участвовали также представители Польши, Чехословакии и Югославии, Советский Союз заявил, что в своей внешней политике он руководствуется принципами солидарности с национально-освободительными движениями, с борьбой угнетенных народов за национальную независимость, принципами мирного сосуществования и добрососедских отношений со всеми странами, уважающими целостность и неприкосновенность его границ⁸. В войне с общим врагом, фашистской Германией, СССР оказывал всестороннюю поддержку и помощь народам Центральной и Юго-Восточной Европы, что положило начало плодотворному сотрудничеству СССР, Польши, Чехословакии и Югославии в последующие годы.

Выступая в защиту национальных интересов этих государств, Советский Союз решительно поддерживал их требования по территориальным вопросам, являвшимся составной частью общей проблемы послевоенного урегулирования и послевоенной безопасности в целом, а также по вопросу о немецком национальном меньшинстве.

Еще в самом начале Великой Отечественной войны Советский Союз сделал совершенно ясные заявления о необходимости восстановления Чехословакии в доюнкенских границах и неоднократно подтверждал свою позицию после установления дипломатических отношений с чехословацким эмигрантским правительством 18 июля 1941 г. Об этом свидетельствовало, в частности, письменное заявление народного комиссара иностранных

⁴ Там же, с. 118—119.

⁵ Польское эмигрантское правительство еще в ноябре 1939 г. высказалось за расчленение побежденной Германии. «Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zbiór dokumentów». Warszawa, 1965, s. 125; St. Banasiak. Problem granic i jedności Niemiec w polityce wielkich mocarstw koalicji antyhitlerowskiej. In: Acta Universitatis Lodzianis. Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki hum.—społ., s. 1, z. 3, Łódź, 1976, s. 19—20.

⁶ Об американских и английских планах расчленения Германии см. А. А. Галкин, Д. Е. Мельников. СССР, западные державы и германский вопрос 1945—1965. М., 1966, с. 36—52; «Тегеран — Ялта — Потсдам». Сборник документов. М., 1971, с. 93—94. Более подробно о советской позиции в этом вопросе см. «Внешняя политика Советского Союза...», т. I, с. 58, 81; т. III, с. 45; «История дипломатии», т. IV. М., 1975, с. 410; «Тегеран — Ялта — Потсдам», с. 95; «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19—30 октября 1943 г.» М., 1978; Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. II. М., 1978, с. 362.

⁷ См. А. А. Галкин, Д. Е. Мельников. СССР, западные державы...; Л. А. Николеев. Политика Советского Союза в германском вопросе 1945—1964. М., 1966.

⁸ «Внешняя политика Советского Союза...», т. I, с. 163—166.

дел СССР чехословацкому послу в Москве 24 октября 1942 г.⁹ 12 декабря 1943 г. между Советским Союзом и Чехословакией был заключен договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Советский Союз принял во внимание просьбу Чехословакии учесть ее интересы при подписании соглашения о перемирии с Венгрией и аннулировать решения Венского арбитража от 2 ноября 1938 г., восстановить чехословацко-венгерскую границу в том виде, в каком она существовала до этого арбитража. Эти пожелания чехословацкого правительства были реализованы при заключении соглашения о перемирии с Венгрией 20 января 1945 г.¹⁰

Советский Союз с самого начала войны с фашистской Германией выступил решительным сторонником восстановления сильного, независимого польского государства¹¹. По мнению Советского правительства, особую важность для системы послевоенной безопасности имело установление справедливых границ Польши, исключавших возможность использования агрессором территории Польши в качестве «коридора» для нападения на Советский Союз¹².

Вопрос о будущей польской границе на Западе неоднократно поднимался и обсуждался польскими демократическими кругами во время второй мировой войны. Во всех программных документах польской демократии ставился вопрос о возвращении Польше ее исконных земель на севере и северо-западе¹³. Советский Союз был полон готовности помочь Польше в возвращении этих земель и поддержать ее требования на международной арене, считая, что это ослабит германский «Дранг нах Остен» и будет способствовать упрочению безопасности как Советского Союза, так и самой Польши¹⁴. Поддержка Советским Союзом польских требований сыграла решающую роль в положительном решении вопроса о послевоенных польских границах на Западе. На Крымской конференции глав правительств СССР, Англии и США была зафиксирована договоренность о том, что Польша должна получить территориальные приращения на севере

⁹ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны». М., 1960, с. 55.

¹⁰ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II. М., 1947, с. 76—81.

¹¹ В декабре 1941 г. глава Советского правительства в беседе с генералом Сикорским во время его визита в Москву заявил, что Советский Союз в качестве ближайшего и непосредственного соседа Польши заинтересован в восстановлении независимого польского государства и передаче ему земель на Западе, захваченных германскими агрессорами, с целью предотвращения в будущем новой агрессии со стороны Германии.

¹² «Тегеран — Ялта — Потсдам». с. 92, 144; «Внешняя политика Советского Союза...», т. I, с. 103, 118; I. I. Kostiuszko. *Polityka Związku Radzieckiego wobec Polski w latach 1943—1945*. In: *20 lat Ludowego Wojska Polskiego*. Warszawa, 1967; E. Seeböer. *Die Konferenz der alliierten Grossmächte in Teheran 1943 und die Beschlussfassung über Polen*. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1978, H. 1, S. 291—309.

¹³ «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945. Wybór materiałów i dokumentów». Warszawa, 1958; M. Orzechowski. *Koncepcja granic zachodnich w programie i działalności Polskiej Partii Robotniczej i Lewicy rewolucyjnej na emigracji*. «Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka». Wrocław, 1962, № 2; M. Orzechowski. *Odra — Nysa łużycka-Baltyk w polskiej myśli politycznej okresu drugiej wojny światowej*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969; A. Skowroński. *Polska a sprawa Niemiec 1945—1967*. Warszawa, 1967, s. 171—181.

¹⁴ Эта договоренность была зафиксирована в Соглашении между правительством СССР и ПКНО о советско-польской границе от 27 июля 1944 г. Советский Союз принял на себя обязательство при определении государственной границы между Польшей и Германией поддерживать требование Польши об установлении границы по рекам Одре и Нысе Лужицкой с включением города Щецина в состав Польши. См. «Советский Союз — Народная Польша. Документы и материалы». М., 1974, с. 20; «Stosunki polsko-radzieckie w latach 1917—1945. Dokumenty i materiały». Warszawa, 1967, s. 400; E. Gajda. *Polska polityka zagraniczna 1944—1971*. Warszawa, 1972, s. 11.

и на западе, размер которых будет согласован с польским правительством¹⁵. Важную роль в позитивном решении этого вопроса на Потсдамской конференции сыграл Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польшей, заключенный в последний месяц войны. Он в огромной степени способствовал достижению договоренности между великими державами об окончательном определении польско-германской границы по Одре и Нысе Лужицкой¹⁶.

С проблемой границ и тем самым с проблемой послевоенного урегулирования и безопасности непосредственно был связан вопрос о немецком национальном меньшинстве в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. События межвоенного периода и особенно кануна второй мировой войны показали, что фашистская Германия использовала немецкое национальное меньшинство в этих странах в своих провокационных территориальных притязаниях и что оно сыграло зловещую роль в деле развязывания второй мировой войны¹⁷. В сентябре 1941 г. глава чехословацкого эмигрантского правительства Бенеш выступил с инициативой послевоенного переселения судетских немцев. С таким же предложением несколько раньше выступило и польское эмигрантское правительство. В среде антифашистских патриотических кругов Чехословакии и Польши еще в период войны сложилось убеждение, что для безопасности народов Польши и Чехословакии необходимо нейтрализовать немецкое национальное меньшинство путем перемещения его в Германию¹⁸. Требование выселения немецкого меньшинства из пределов Чехословакии было зафиксировано в Кошицкой программе правительства Национального фронта чехов и словаков от 5 апреля 1945 г.¹⁹ Требования стран Центральной и Юго-Восточной Европы о выселении из их пределов немецкого национального меньшинства нашли поддержку великих держав²⁰. Как известно, на Потсдамской конференции было принято специальное решение о перемещении немецкого населения из Польши и Чехословакии на территорию Германии²¹. 20 ноября 1945 г. Союзный контрольный совет утвердил конкретный план проведения переселения немецкого населения в четыре оккупационные зоны Германии²².

В советской программе послевоенного урегулирования придавалось важное значение сохранению достигнутых во время войны союзных отношений со всеми участниками антигитлеровской коалиции, и прежде всего продолжению и расширению плодотворного сотрудничества со странами Центральной и Юго-Восточной Европы, зародившегося в совместной борьбе против германского фашизма. Именно поэтому Советский Союз ставил целью заложить основы для создания системы безопасности в послевоенной Европе на платформе антигитлеровской коалиции и привлечь к участию в этой системе страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Стре-

¹⁵ «Тегеран — Ялта — Потсдам», с. 191.

¹⁶ Там же, с. 397.

¹⁷ S. Banasiak. Przesiedlenie Niemców z Polski w latach 1945—1950. Łódź, 1968; K. Kersten. Międzypaństwowe przesiedlenia ludności w XX w. «Kwartalnik Historyczny», 1966, № 1.

¹⁸ «Die Deutschen in der Tschechoslowakei 1933—1947. Dokumenten sammlung. Zusatzg. von Vaclav Kral». Praha, 1964, S. 537, 538—547, 548, 549, 550—551.

¹⁹ «Program Československe vlády Narodní fronty Čechů a Slováků přijaty dne 5 dubna 1945 g. v Košicích». Praha, 1945, punkt VIII.

²⁰ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны», с. 77, 85, а также Б. Вевюра. Польско-германская граница и международное право. Пер. с польского. М., 1959, с. 115; а также «Die Deutschen in der Tschechoslowakei 1933—1947...», Dok. № 439, 440, 441, 442, 443, 444.

²¹ «Тегеран — Ялта — Потсдам», с. 400.

²² «Zbiór dokumentów pod red. Makowskiego». Warszawa. Polski instytut spraw międzynarodowych, 1946, № 12, s. 425—426 (далее — Zbiór dokumentów).

мясь в условиях войны реально приблизить осуществление вышеизложенных целей, Советский Союз еще в самом ее начале признал эмигрантские правительства Польши, Чехословакии и Югославии и установил с ними дипломатические отношения, поскольку в то время государственность этих стран представляли эмигрантские правительства.

Выступая за возрождение сильной и независимой Польши, дружественной по отношению к СССР, Советское правительство еще в декабре 1941 г. предлагало польскому эмигрантскому правительству заключить договор о дружбе и взаимной помощи. Однако оно так и не смогло преодолеть своей антисоветской настроенности и не только не сделало ответных шагов, но и отказалось поддержать советские предложения относительно западных и северных границ будущей Польши, диктовавшиеся исключительно интересами создания сильной, независимой и демократической Польши с целью укрепления ее будущей безопасности и безопасности Европы в целом. Реакционные польские политические круги²³ на первый план выдвигали «вопрос» о восточных границах Польши. Антисоветская направленность и антисоветские выступления эмигрантского правительства, упрямо продолжавшего антисоветский внешнеполитический курс довоенной Польши, даже вынудили Советское правительство весной 1943 г. (25 апреля 1943 г.) порвать с ним дипломатические отношения²⁴.

Считая важным шагом на пути создания будущей системы безопасности в послевоенной Европе обеспечение прочных добрососедских отношений с государствами, подвергшимися агрессии со стороны гитлеровской Германии, Советский Союз высказался за заключение договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с чехословацким эмигрантским правительством. Однако западные державы, в частности, Англия, стремившаяся любой ценой сохранить свое влияние на эмигрантские правительства, рассматривали возможность любого двустороннего договора СССР с каждой из этих стран как ослабление там собственных позиций. Как известно, Великобритания в это время уже вынашивала сепаратную программу послевоенного устройства мира, программу, носившую антисоветский характер, целью которой было установление в послевоенной Европе гегемонии Англии. В частности, Англия намеревалась вновь использовать в послевоенное время страны Центральной и Юго-Восточной Европы против Советского Союза, сохранив в этом регионе политический и социальный статус-кво. Это были прежде всего проекты создания здесь различных конфедераций — балканской, дунайской, центральноевропейской²⁵. Англия рассматривала будущий советско-чехословацкий договор как препятствие своим планам создания антисоветских конфедераций в Центральной Европе. Давление, оказанное на Бенеша британской стороной, было столь сильным, что привело к затяжке переговоров о заключении договора до декабря 1943 г.²⁶ Даже во время Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. западные державы все еще предпринимали попытки помешать его заключению²⁷. Исследования

²³ N. K o ł o m e j s z y k. Sprawa ziem zachodnich w programie i działalności Polskiej Partii Robotniczej. In: PPR na Pomorzu Zachodnim. Studia i materiały. Pod red. B. Dopierały. Poznań, 1965, s. 24—25.

²⁴ «Внешняя политика Советского Союза...», т. I, с. 346—347; «Тегеран — Лта — Потсдам», с. 93.

²⁵ W. T. K o w a ł s k i. Rola ZSSR w ukształtowaniu powojennej rzeczywistości w Europie. In: Konsekwencje polityczne klęski III rzeszy w Europie Śródkowej i Południowo-Wschodniej. Warszawa, 1971, s. 61.

²⁶ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны, с. 84, 86—102, 112—114, 121—122, 124—128.

²⁷ А. И. Недорезов. Политические аспекты советско-чехословацких отношений в годы второй мировой войны. «Советское славяноведение», 1974, № 3, с. 15.

этого вопроса позволяют сделать вывод, что против заключения договора выступали США, а также польское эмигрантское правительство, с которым чехословацкое эмигрантское правительство было связано договором о конфедерации²⁸. Однако благодаря усилиям советской дипломатии 12 декабря 1943 г. договор между СССР и Чехословакией был подписан.

Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Чехословакией имел чрезвычайно важное значение. Он был первым в ряду последовавших за ним аналогичных договоров — советско-югославского и советско-польского. Заключенный в условиях продолжавшейся войны против гитлеровской Германии, договор служил непосредственно ближайшей и конкретной цели — быстрейшему разгрому фашистской Германии и освобождению народов Чехословакии от гитлеровских захватчиков. В перспективе он был первым шагом к созданию системы безопасности в Восточной Европе, которая должна была воспрепятствовать любой попытке возобновления «Дранг нах Остен» в отношении стран этого региона со стороны Германии либо союзных с ней государств. Таким образом, договор между СССР и Чехословакией решал одновременно несколько важнейших задач: способствовал быстрейшему разгрому врага, вносил свой вклад в обеспечение послевоенной безопасности, создавал гарантии против повторения германской агрессии в будущем.

Освобождение Советской Армией стран Центральной и Юго-Восточной Европы, начавшееся летом 1944 г., возникшая перспектива близкого разгрома гитлеровской Германии, в котором основную роль играл Советский Союз, способствовали возникновению благоприятной внешнеполитической обстановки для успешного развития народно-демократических революций, их победы и установления народно-демократического строя. Между народно-демократическими государствами и Советским Союзом возникли отношения нового типа. Качественно новый внешнеполитический курс, провозглашенный народно-демократическими правительствами, пришедшими к власти в Польше, Югославии и Чехословакии, опирался на дружбу и сотрудничество с Советским государством, на союз, родившийся и окрепший в совместной кровопролитной борьбе с гитлеровской Германией.

В Манифесте ПКНО, в Кошицкой программе правительства Национального фронта чехов и словаков, в платформе Народно-освободительного фронта Югославии и программе объединенного Временного правительства Югославии подчеркивалось, что первоочередной общей задачей народов этих стран является быстрейшее изгнание фашистских захватчиков с их территорий, разгром гитлеровской Германии, установление прочного мира в Европе, развитие взаимного сотрудничества в послевоенное время и создание основ будущей системы безопасности, гарантирующей невозможность повторения германской агрессии. В этих программных документах красной нитью проходила идея дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, а также идея солидарности всех славянских государств и создания могучего барьера на пути традиционного германского «Дранг нах Остен».

Таким образом, складывавшиеся отношения нового типа между Советским Союзом и странами народной демократии носили характер военно-политического союза, рождавшегося в рамках антигитлеровской

²⁸ Е. Зеебер. Внешнеполитическая концепция СССР о демократическом мирном урегулировании в Европе в 1943—1945 гг. Первые двусторонние соглашения СССР с Чехословакией и Польшей. В кн. На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюзной научной конференции «Историческое значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и социалистическими странами Европы». М., 1977.

коалиции, направленного против германской угрозы, что нашло свое отражение и было юридически закреплено в договорах о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословакией (12 декабря 1943 г.)²⁹, Советским Союзом и Югославией (11 апреля 1945 г.), Советским Союзом и Польшей (21 апреля 1945 г.)³⁰.

Сложившаяся в конце войны система договоров Советского Союза с народно-демократическими государствами — с Чехословакией, Югославией и Польшей — была направлена прежде всего против гитлеровской Германии, на ее быстрейший разгром, против возможного повторения германской агрессии в будущем и на обеспечение послевоенной безопасности и мира в этой части европейского континента.

Договоры содержали идентичные обязательства продолжать борьбу «совместно с Объединенными Нациями против Германии до окончательной победы» и оказывать друг другу всестороннюю помощь; обязательства и по окончании войны с Германией предпринимать совместно все меры для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или союзного с ней государства, а в случае агрессии оказывать другой стороне, вовлеченной в военные действия, военную и другую помощь и поддержку; сотрудничать и после окончания войны в духе дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей и помогать друг другу в восстановлении экономики. Договоры содержали обязательства не заключать союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против другой договаривающейся стороны³¹.

Договаривающиеся стороны обязывались без взаимного согласия не вести переговоров, не заключать перемирия или мирного договора с Германией или иным государством, «связанным с ней в актах агрессии в Европе»³². Эта статья была особенно важна для согласованного послевоенного урегулирования германской проблемы в духе решений, разработанных и принятых союзниками на Тегеранской и Ялтинской конференциях. Эти решения, как известно, определяли политику держав антигитлеровской коалиции в отношении Германии после ее поражения и безоговорочной капитуляции и были направлены на искоренение милитаризма и фашизма и их социальных корней в Германии, на превращение ее в миролюбивое и демократическое государство. Они носили глубоко антифашистский и демократический характер в силу того, что решающую роль в их разработке и принятии сыграл Советский Союз³³.

Сразу же после окончания войны Германия не представляла собой источника угрозы для стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Более того, достигнутые в Потсдаме соглашения символизировали единство трех великих держав в германском вопросе. Однако уже в 1945—1946 гг. стала очевидна потенциальная опасность Германии в связи с политикой западных держав, направленной на возрождение ее экономического и военного потенциала. Вопреки политике Советского

²⁹ Новое чехословацкое правительство Национального фронта в Кошицкой программе заявило о своем полном признании и поддержке договора с СССР от 12 декабря 1943 г. См. «Советско-чехословацкие отношения 1945—1960 гг. Документы и материалы». М., 1972.

³⁰ См. о значении для Польши договора от 21 апреля 1945 г. W. T. K o w a l s k i. ZSRR a sprawa granic i niepodległości Polski. Warszawa, 1969, s. 35.

³¹ Тексты договоров о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве см. в кн. Внешняя политика Советского Союза..., т. I, с. 430—432; т. III, с. 175—178, 197—201.

³² Там же, т. I, с. 431; т. III, с. 200.

³³ Из материалов Европейской Консультативной комиссии. Документы. «Международная жизнь», 1968, № 4, 5, 6, 7, 8.

Союза и поддерживавших его Польши, Югославии и Чехословакии, предлагавших все усилия для решения важнейшего вопроса послевоенного урегулирования — германского вопроса — в духе решений Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций, западные державы встали на путь саботажа принятых совместных решений и обязательств в отношении Германии, т. е. на путь сохранения немецких монополий, главных вдохновителей германского реваншизма и милитаризма, на путь возрождения и использования экономического и военного потенциала Германии в своих империалистических планах. Результатом политики западных держав в германском вопросе явилось создание Бизонии в конце 1946 г.³⁴ Фултонское выступление Черчилля, а затем речь государственного секретаря США Бирнса в Штутгарте способствовали созданию психологического климата для бурного роста реваншистских настроений в западных зонах оккупации Германии.

Стремление западных держав воспрепятствовать укреплению позиций социализма привело к обострению внешнеполитического курса по отношению к Советскому Союзу и народно-демократическим странам. В условиях начавшейся «холодной войны» они давали совместный отпор прояскам империализма, укрепляли свое единство и сотрудничество.

Зародившаяся на платформе борьбы с германским фашизмом солидарность трех государств — членов антигитлеровской коалиции — Польши, Югославии и Чехословакии углублялась теперь еще за счет общности происходивших революционных преобразований общественного строя, становления и упрочения новых народно-демократических государств, проводивших совместную и согласованную внешнеполитическую линию. Эти три страны, как и другие страны народной демократии, переживали период коренных общественно-политических преобразований, осуществляли программы послевоенного восстановления экономики. Силы, стоявшие во главе революций в этих трех странах, их коммунистические и рабочие партии в своей деятельности исходили также из конкретной внутриполитической обстановки, сложившейся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1945—1947 гг., из учета ее специфики, связанной с только что отгремевшей войной, изгнанием гитлеровских захватчиков Советской Армией, наличием сильных антигерманских настроений после пережитой оккупации, симпатией к Советскому Союзу — освободителю от фашистского ига, протянувшего руку помощи и в трудные послевоенные месяцы. Выдвигались соответствующие данной ситуации лозунги, в которых, в частности, подчеркивалась необходимость обеспечить безопасность этих стран против возможности повторения германской агрессии, содержались призывы к региональной солидарности и славянскому единству, подчеркивалась необходимость сохранения антигитлеровской коалиции и принципа единства действий ее членов, предотвращения ее раскола.

К весне 1946 г. сложились новые исторические условия. Стало совершенно очевидно, что центр тяжести внешнеполитических усилий западных держав переместился на борьбу со складывавшимся социалистическим лагерем. В условиях начавшейся «холодной войны» народно-демократические страны продолжали укреплять систему двусторонних военно-политических союзов, дополнив двусторонние союзные договоры с СССР аналогичными договорами между Югославией, Польшей и Чехословакией.

Во всех этих договорах оборонные статьи были направлены против возможной германской агрессии. Однако в польско-югославском (18 мар-

³⁴ «История дипломатии», т. V, кн. 1. М., 1974, с. 83, 88; Текст соглашения об образовании Бизонии см. «Zur Deutschland politik der Anti-Hitler-Koalition. Dokumentation (1943-bis 1949)». Berlin, 1966, S. 154—157.

та 1946 г.)³⁵ и чехословацко-югославском (9 мая 1946 г.)³⁶ договорах оговаривалась взаимная военная помощь в случае нападения не только Германии, но и любой страны, так или иначе объединившейся в агрессии с Германией. Кроме того, в договорах содержались идентичные обязательства развивать свои отношения на основе дружбы, укреплять взаимные экономические, культурные и пр. связи. В договорах подчеркивалось, что их осуществление будет соотносываться с международными принципами, в принятии и разработке которых участвовали договаривающиеся страны. В заявлениях руководителей Польши, Чехословакии и Югославии по поводу подписания договоров подчеркивалось, что они не противоречат духу ООН, ибо служат укреплению мира и безопасности в Европе, что речь идет не о создании блока, враждебного другим странам, а о создании системы безопасности для защиты от агрессии. Об этом, в частности, говорилось в выступлениях премьер-министра ПНР Осубки-Моравского и маршала Тито на торжественной церемонии подписания договора³⁷. В выступлениях руководителей трех стран подчеркивалось также, что подписание этих договоров не направлено на создание «славянского блока», ибо Польша, Югославия и Чехословакия не заинтересованы в существовании каких-либо блоков, а выступают за заключение аналогичных договоров с другими союзниками по антигитлеровской коалиции.

На пленуме Крайовой Рады Народовой в апреле 1946 г. подчеркивалось, что договор с Югославией дает Польше союзника на случай какой-либо угрозы безопасности Польши со стороны Германии, чем «значительно увеличивает гарантии польских границ, а предусматривая сотрудничество на платформе ООН, укрепляет основы мира в Европе и во всем мире»³⁸. Всестороннюю оценку договорам дал маршал И. Броз Тито в своем докладе «О внешней политике Югославии в связи с ратификацией договора с Польшей» на заседании Народной скупщины ФНРЮ 1 апреля 1946 г. «Заключение двусторонних договоров — сначала, в прошлом году, с Советским Союзом, а сейчас с Польшей и Чехословакией — представляет собой не что иное, как логическое следствие недавнего прошлого, когда эти три братские страны, так же как и Югославия, подверглись нападению со стороны одного и того же врага — немецко-фашистских орд и их саттелитов. Эти договоры представляют собой логичное следствие того братства между славянскими странами, которое скреплено кровью в ходе минувшей войны. Эти договоры и заключены с целью устранения опасности агрессии и угрозы мирному развитию наших стран. Эти договоры не представляют собой угрозы для других стран. Эти договоры не мешают заключению подобных договоров и с другими странами. И, наконец, эти договоры представляют собой исключительно крупный вклад в дело мира, ибо воздвигают мощный барьер на пути всех врагов мира и поджигателей войны», — заявил он³⁹.

Заключение аналогичного договора между Польшей и Чехословакией 10 марта 1947 г. еще более укрепило позиции этих стран⁴⁰. Попытки договориться о заключении такого договора, предпринимавшиеся обеими сторонами в 1945 и 1946 гг., хотя и не приведшие тогда к подписанию его, помогли, однако, обеим странам взаимно выяснить множество различных вопросов и отчасти урегулировать их. Укрепление в обеих странах на-

³⁵ «Zbiór dokumentów», 1946, № 3.

³⁶ «Zbírka zákonů a nařízení republiky Československé». Praha, 1946, s. 1128—1130.

³⁷ «Zbiór dokumentów», 1946, № 3, s. 73, 74.

³⁸ Ibid., № 5, s. 106.

³⁹ И. Б р о з Т и т о. Избранные статьи и речи. М., 1973, с. 310—311.

⁴⁰ Текст договора опубликован в «Dokumenty československe zahranični politiky 1945—1959». Praha, 1960, s. 245—247; «Zbiór dokumentów», 1947, № 3, s. 105—108.

родно-демократического строя, победа революционных сил на выборах в Чехословакии (26 мая 1946 г.) и в Польше (19 января 1947 г.), необходимость взаимной поддержки ввиду обострения политики западных держав в отношении народно-демократических стран, связанной с ростом реваншистских настроений в западных зонах Германии, обусловили заключение договора о дружбе и сотрудничестве между Польшей и Чехословакией.

В преамбуле договора подтверждались общность политических целей двух стран и их стремление обеспечить безопасность перед возможной угрозой со стороны Германии. Как и аналогичные договоры Польши с Югославией и Югославии с Чехословакией, договор Польши и Чехословакии подчеркивал, что он не носит враждебного характера в отношении других стран и не противоречит духу Организации Объединенных Наций, поскольку его целью является защита безопасности обеих стран от германской агрессии, что не безразлично для всех стран Европы. Статьи договора обязывали обе стороны проводить совместную политику не только в случае агрессии со стороны Германии или союзного с ней государства, но и всеми доступными им средствами предотвращать угрозу агрессии со стороны Германии или союзного с ней государства. Обе стороны обязывались принимать участие во всех международных акциях, целью которых было бы создание системы всеобщей безопасности. В случае германской агрессии против одной из сторон другая сторона обязывалась оказать ей военную и иную помощь всеми возможными средствами. Подписание договора о дружбе и взаимной помощи между Польшей и Чехословакией знаменовало новый этап в развитии отношений братских народов, расширение их сотрудничества и укрепление безопасности. Оценивая внешнюю политику Чехословакии и заключение договоров, К. Готвальд в одном из своих выступлений летом 1947 г. заявил, что анализ международного положения еще и еще раз подтверждает, что только союз с СССР и с остальными славянскими государствами является прочной гарантией спокойного будущего и независимости Чехословакии, которая со всей решительностью выступает против попыток возрождения империалистической Германии, попыток, угрожающих самому существованию Чехословакии ⁴¹.

Все названные договоры были логическим шагом в укреплении и развитии системы договорно-правовых отношений стран социалистического сотрудничества, надежной основой упрочения их дружбы и взаимной помощи, единства действий по многим международным вопросам и прежде всего по германскому вопросу ⁴².

В 1946—1947 гг. Советский Союз последовательно выступал за выполнение совместных решений четырех держав по германскому вопросу. На сессиях Совета министров иностранных дел четырех держав Советский Союз неоднократно вносил предложения, направленные на заключение мирного договора с Германией и восстановление ее единства на демократической основе. Позицию Советского Союза разделяли и поддерживали Польша, Чехословакия и Югославия. Прежде всего они выступали в поддержку советских предложений о сохранении единства Германии, поскольку Советский Союз и страны народной демократии придавали серьезное значение вопросу совместного контроля над Германией со стороны ведущих держав антигитлеровской коалиции как гарантии их безопасно-

⁴¹ К. Готвальд. Избранные произведения, т. II. М., 1957, с. 165.

⁴² Развернутую оценку значения договора для укрепления народно-демократического строя в этих странах см. L. J. G i b i a n s k i j. K otázke spolupráce Československa, Polska a Jugoslavie v boji za upevnenie ľudowodemokratickeho zriadenia (1945—1946). «Historický časopis», 1971, № 3.

сти, а в условиях децентрализованной, разбитой на зоны оккупации Германии усматривали невозможность осуществления такого контроля. Польша, Чехословакия и Югославия поддерживали решения Потсдамской конференции о денацификации, демократизации и демилитаризации Германии, заявляли о своей поддержке Советского Союза, который осуществлял эти меры в восточной зоне оккупации и требовал от западных держав также их выполнения. Польша решительно отстаивала принцип первоочередного восстановления экономики стран, ставших жертвами гитлеровской агрессии, в то время, как западные державы считали первоочередным делом восстановление германской экономики в интересах стабилизации пошатнувшихся основ буржуазного строя в Западной Европе. Польское правительство подчеркивало, что для Польши далеко не безразлично, какое место в мировой экономике займет послевоенная Германия, ибо опыт прошлого показал, что германские монополии были пособниками и вдохновителями германской агрессии. Польша, Чехословакия и Югославия поддерживали и разделяли требование осуществления совместного контроля союзников над политическим и экономическим развитием Германии, осуществления принципа единства действий союзников в отношении Германии. Польша решительно настаивала на допущении ее к участию в политическом и экономическом контроле над Германией. Она даже выдвинула проект избрать в качестве места для подписания мирного договора с Германией Варшаву, как столицу государства, ставшего первой жертвой германской агрессии. В вопросе о своих западных границах Польша настаивала на праве представить мирной конференции проект делимитации своей западной границы, определенной Потсдамской конференцией.

Наиболее полно согласованные позиции Польши, Чехословакии и Югославии по германскому вопросу были представлены на конференции заместителей министров иностранных дел ведущих держав антигитлеровской коалиции в Лондоне в январе 1947 г., куда были приглашены для выяснения позиций по вопросу о заключении мирного договора с Германией делегации стран антигитлеровской коалиции, в том числе делегаций Польши, Югославии и Чехословакии. В специальном меморандуме⁴³ польского правительства подчеркивалось, что Польша, как восточный сосед Германии, более всего страдавший от германской агрессии, является одним из государств, наиболее заинтересованном в решении германского вопроса и нормализации статуса Германии таким образом, чтобы была гарантирована европейская безопасность. Чехословакия и Югославия поддержали требования Польши о необходимости строгого контроля над политическим и экономическим развитием Германии, о демократизации ее внутренней жизни, об искоренении нацизма, подчеркнув важность воспитания молодого поколения Германии в демократическом духе⁴⁴. Югославская делегация еще раз заявила о своей поддержке Польши в вопросе о ее западной границе по Одре и Нысе Лужицкой. Югославия выступила на конференции за единство действий антигитлеровской коалиции, подчеркнув при этом, что союзников во время войны объединяла не только совместная борьба с германским фашизмом, но и твердое намерение после разгрома гитлеровской Германии и окончания войны совместными усилиями искоренить германский милитаризм раз и навсегда. Югославия поддержала советские требования сохранения единства Германии.

⁴³ «Zbiór dokumentów», 1947, № 1—2, s. 30—33.

⁴⁴ «Prohlášení Československé delegace o všobecných názorech na mírovou smlouvu s Německem, přednesené na konferenci náměstků ministrů zahraničních věcí čtyř velmocí v Londýně. 30 ledna 1947». In: Dokumenty československé zahraniční politiky 1945—1959. Praha, 1960, s. 383—389; Keesing's Archiv der Gegenwart. 1946—1947, S. 976.

Советский Союз в свою очередь принял во внимание интересы стран народной демократии при решении германской проблемы, еще раз выступив с заявлением о нерушимости западных польских границ и о значении их для безопасности Польши и всеобщего мира⁴⁵ в период лондонского совещания заместителей министров иностранных дел.

На Московской сессии Совета министров иностранных дел в марте—апреле 1947 г. Советский Союз выступил за немедленное создание единой, миролюбивой и демократической Германии и в качестве первого шага предложил создать немецкие центральные управления и разработать демократическую конституцию силами представителей демократических партий, профсоюзов и других демократических организаций. Советский Союз представил также проект договора о демилитаризации Германии и предотвращении германской агрессии⁴⁶. На Лондонской сессии Совета министров иностранных дел в ноябре—декабре 1947 г. Советский Союз вновь выступил за заключение мирного договора с Германией и внес предложение о предоставлении в двухмесячный срок проектов основ мирного договора с Германией, который должен был бы обеспечить единство Германии на демократической основе. Заключение такого договора было бы возможно с общегерманским демократическим правительством⁴⁷. Однако министры иностранных дел западных держав отклонили все эти предложения. Практически Лондонская сессия СМВД была сорвана западными державами⁴⁸. Вопреки усилиям СССР и стран народной демократии они продолжали свою сепаратную политику в отношении Германии, направленную на вовлечение западных зон Германии в свой военно-политический блок, который они и не замедлили создать, подписав 17 марта 1948 г. так называемый Западный пакт⁴⁹. Это был первый послевоенный блок капиталистических стран, направленный против социалистических государств. В него вошли Англия, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург. В дальнейшем предполагалось включить в него Западную Германию. Для обсуждения вопросов, связанных с вовлечением западных зон в план Маршалла, западные державы намеревались созвать сепаратное совещание представителей США, Англии, Франции и стран Бенилюкса в Лондоне в феврале 1948 г.

Столь откровенный отход западных держав от совместной политики в отношении Германии, отказ от ее демилитаризации и демократизации усилили тревогу Советского Союза и стран народной демократии — бывших участниц антигитлеровской коалиции. Против намерений созвать лондонское сепаратное совещание решительно выступил Советский Союз, направив ноты правительствам Великобритании, США и Франции. Советское правительство решительно заявило, что, по его мнению, вопросы, намеченные для рассмотрения в Лондоне, могут обсуждаться и быть решены только с общего согласия всех оккупирующих Германию держав, а созыв лондонского совещания является поэтому нарушением Соглашения о контрольном механизме в Германии и Потсдамских решений об обращении с Германией как с единым целым⁵⁰. Естественно, что намере-

⁴⁵ «Правда», 1947, 18 января.

⁴⁶ «За антифашистскую демократическую Германию». Сб. документов. М., 1969, с. 384—395.

⁴⁷ Там же, с. 469—470.

⁴⁸ А. А. Галкин, Д. Е. Мельников. СССР, западные державы..., с. 106—109.

⁴⁹ Текст договора между Бельгией, Францией, Люксембургом, Голландией и Великобританией см. «Zbiór dokumentów», 1948, № 5, с. 281—290; «История дипломатии», т. 5. М., 1974, с. 262—263.

⁵⁰ См. Ноту Советского правительства правительству Великобритании от 13 февраля 1948 г. «За антифашистскую демократическую Германию. Сборник документов 1945—1949 гг.». М., 1969, с. 495—496.

ние созвать сепаратное лондонское совещание вызвало особое беспокойство у народов Польши, Чехословакии и Югославии. По инициативе польского правительства 17—18 февраля 1948 г. в Праге состоялось совещание министров иностранных дел Польши, Чехословакии и Югославии. Министры иностранных дел этих государств подтвердили полное единство мнений по всем вопросам, касающимся Германии, и приняли совместную декларацию. В ней подчеркивалось, что в западных зонах Германии нарушается решение о демилитаризации (что противоречит декларации союзников от 5 июня 1945 г., Потсдамским соглашениям и решениям Московской конференции 1947 г.) и декартелизации, нарушается принцип первоочередного учета экономических интересов стран, ставших жертвами гитлеровской агрессии, и вопреки интересам народов этих стран, проводится политика восстановления экономического потенциала Западной Германии, что также является нарушением принципов справедливости и противоречит интересам европейских народов⁵¹. Польша, Чехословакия и Югославия заявили о необходимости соблюдения принципов четырехстороннего контроля союзников над всей территорией Германии и потребовали соблюдения принципов обязательных консультаций с Польшей, Чехословакией и Югославией и всеми странами, наиболее заинтересованными в решении германского вопроса. Соблюдение этих принципов,— подчеркивалось в совместной декларации трех стран,— явилось бы залогом прочного мира и безопасности в Европе.

Советское правительство в ноте от 27 февраля 1948 г. правительствам Великобритании, Франции и США заявило, что оно разделяет позицию, изложенную в декларации Польши, Чехословакии и Югославии, и считает, что пожелание правительств указанных государств о консультации оккупирующих Германию держав с правительствами других Объединенных Наций по германскому вопросу (что было предусмотрено декларацией правительств СССР, Великобритании, США и Франции от 5 июня 1945 г.) должно получить удовлетворение. В ноте Советского правительства подчеркивалось, что «Польша, Чехословакия и Югославия относятся к числу государств, особенно заинтересованных в решении германской проблемы, отвечающем интересам мира и безопасности народов»⁵².

Откровенный курс западных держав на создание сепаратного западногерманского государства и вовлечение его в империалистический блок западных держав, направленный против стран социалистического лагеря, вынуждали Советский Союз и народно-демократические страны к дальнейшему укреплению своей безопасности. Перед народно-демократическими странами стояла задача защиты государственного суверенитета и завоеваний народно-демократических революций. Именно в этот период получили дальнейшее развитие двусторонние договорные союзнические отношения. К существующей уже системе двусторонних отношений СССР со странами народной демократии присоединились Болгария, Румыния и Венгрия. Договорное оформление отношений нового типа Болгарии, Венгрии и Румынии с другими странами народной демократии и Советским Союзом происходило более замедленным темпом в силу того, что их международное положение, как бывших сателлитов, было иным. Наряду с глубокими революционными переменами во внутренней жизни этих стран, произошли принципиальные изменения в их внешнеполитической ориентации. Внешнеполитические усилия этих стран были направлены на установление отношений дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и соседними странами, вступившими на путь революционно-демократических

⁵¹ «Zbiór dokumentów», 1948, № 3, s. 97—105.

⁵² «Нота СССР правительствам Великобритании, Франции и США». In: «Zbiór dokumentów», 1948, № 3, s. 106—107.

преобразований. Советский Союз решительно выступил в поддержку этих государств на международной арене, за быстреее заключение с ними мирного договора. Как отмечает чехословацкий историк В. Мелихар, «прежде всего заслугой советской дипломатии является то, что мирные договоры с этими странами были заключены еще в 1947 г.»⁵³ Подписание мирных договоров 10 февраля 1947 г. с Болгарией, Венгрией и Румынией юридически закрепляло выход этих стран из войны, способствовало укреплению их внешнеполитических позиций и закреплению завоеваний народно-демократических революций⁵⁴. 4 февраля 1948 г. Советский Союз подписал договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Румынией, 18 февраля 1948 г. с Венгрией и 18 марта 1948 г. с Болгарией⁵⁵. Они вошли составной частью в уже существующую систему двусторонних отношений Советского Союза со странами народной демократии — бывшими участниками антигитлеровской коалиции — Чехословакией, Югославией, Польшей.

Как и в договорах Советского Союза с Чехословакией, Югославией и Польшей, оборонные статьи были направлены против возможной агрессии Германии или какой-либо страны, объединившейся с ней. В преамбуле договоров Советского Союза с Румынией, Венгрией и Болгарией подтверждалось стремление договаривающихся сторон поддерживать между собой тесное сотрудничество в интересах укрепления всеобщего мира и безопасности, в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций.

В случае же вовлечения одной из сторон в военные действия с Германией, которая попыталась бы возобновить свою агрессивную политику, или с другим государством, которое непосредственно, или в какой-либо иной форме объединилось бы с Германией в политике агрессии, другая сторона должна немедленно оказать вовлеченной в военные действия стороне военную и другую помощь. Все три договора содержали идентичные обязательства сторон участвовать во всех международных действиях с целью обеспечения мира и безопасности народов.

Особое место в договорах занимала статья, обязывающая договаривающиеся стороны консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим интересы обеих сторон. Кроме того, в договорах содержались идентичные обязательства развивать отношения на основе дружбы и сотрудничества, укреплять экономические и культурные связи.

В систему двусторонних договоров Советского Союза с Румынией, Венгрией, Болгарией органической частью вошли аналогичные договоры Польши, Чехословакии и Югославии с Болгарией, Венгрией и Румынией⁵⁶.

⁵³ В. М е л и х а р. Исторические, политические и экономические предпосылки создания содружества социалистических государств. В сб. Формирование и развитие содружества социалистических стран. Материалы VI заседания Комиссии историков СССР и ЧССР в Минске 23—26 сентября 1975 г. М., 1976, с. 22.

⁵⁴ См. А. И. П у ш к а ш. Советско-венгерские отношения в первые послевоенные годы. В сб. На путях нерушимой дружбы. Материалы Всесоюзной научной конференции «Историческое значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и социалистическими странами Европы». Москва, 24—25 февраля 1975 г. М., 1977; К. Л. Ж и г н я. Борьба Советского Союза за дипломатическое признание правительств Болгарии и Румынии на первом этапе мирного урегулирования (1945). В сб. На путях нерушимой дружбы...; В. К. В о л к о в. Защита Советским Союзом на международной арене интересов народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны. В сб.: На путях нерушимой дружбы... .

⁵⁵ Договоры см. в кн. Внешняя политика Советского Союза 1948 г., ч. 1. М., 1950, с. 52—55, 127—130, 158—161.

⁵⁶ Тексты договоров см. «Zbiór dokumentów», 1948, № 6; 1949, № 2; «Dokumenty československé zahraniční politiky 1945—1959». Praha, 1960, s. 167—169, 219—222, 265—267; Keesing's Archiv der Gegenwart. 1946—1947, S. 1261, 1271, 1280.

Эти договоры по сути дела преследовали те же цели — создание прочного союза против возможной агрессии со стороны германского империализма и укрепление экономического, культурного и политического сотрудничества братских стран, защиту завоеваний социалистических революций и, наконец, сотрудничество в интересах всеобщего мира и безопасности в соответствии с целями и принципами ООН.

Формирование системы двусторонних договорных отношений Советского Союза со странами народной демократии, а также между самими народно-демократическими государствами имело важное значение для укрепления международных позиций молодых народно-демократических государств, для объединения внешнеполитических усилий стран социалистического содружества и, в частности, по такому важному вопросу, как германский.

Начиная с конца 1947 г. западные державы вели форсированную подготовку создания сепаратного западногерманского государства. Велись конкретные переговоры о присоединении французской зоны оккупации к Бизонии, о подготовке сепаратной денежной реформы для западных зон оккупации, создавались атрибуты государственной власти в западных зонах⁵⁷.

Обсуждение и уточнение последних деталей создания сепаратного западногерманского государства произошло на лондонском совещании западных держав при участии Бельгии, Голландии, Люксембурга, на повестке дня которого стояли вопросы включения западных зон Германии в план Маршалла, вопросы будущего устройства Германии, роли германской экономики в Европе и контроле над Руром. Совещание проходило, как известно, в две фазы: с 23 февраля по 6 марта 1948 г. и с 20 апреля по 2 июня. 7 июня 1948 г. было опубликовано окончательное коммюнике об итогах лондонского совещания и его решениях⁵⁸.

На лондонском совещании было принято решение о присоединении французской зоны оккупации к Бизонии и создании так называемой Тризонии. Англия была вынуждена отказаться от единоличного контроля над Руром и он был поставлен под контроль «международного контрольного органа», а по существу под американский контроль⁵⁹. Западная Германия была включена в план Маршалла. Совещание приняло решение о создании в западных зонах сепаратного государства, в котором наряду с конституцией должен был действовать оккупационный статут западных держав.

Решения лондонского совещания были грубейшим нарушением Потсдамского соглашения, свидетельствовавшими о том, что западные державы окопательно встали на путь использования промышленного потенциала Западной Германии в своих империалистических планах, направленных против Советского Союза и всего социалистического лагеря.

Выражением политики единства Советского Союза и народно-демократических стран в германском вопросе стало Варшавское совещание министров иностранных дел СССР, Албании, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Польши, Румынии, Венгрии 23—24 июня 1948 г. В принятой совместной декларации социалистические государства отказались «признать за решениями лондонского совещания законную силу и какой-либо моральный авторитет»⁶⁰.

⁵⁷ А. А. Галкин, Д. Е. Мельников. СССР, западные державы..., с. 111.

⁵⁸ «Zbiór dokumentów», 1948, № 7, s. 399—416.

⁵⁹ А. А. Галкин, Д. Е. Мельников. СССР, западные державы..., с. 112—113.

⁶⁰ «Совещание министров иностранных дел 8 государств в Варшаве 23—24 июня 1948 г.». М., 1948, с. 14.

Декларация констатировала, что решения лондонского совещания о государственном устройстве в западных зонах Германии направлены на завершение раскола и расчленения Германии, проникнуты антидемократическим духом, подчиняют экономику Западной Германии целям США и Англии и являются грубым нарушением Ялтинского и Потсдамского соглашений по вопросу о единстве Германии, об уничтожении ее военного потенциала и ликвидации условий, могущих облегчить новую немецкую агрессию. Политика раскола и расчленения Германии, подчеркивалось далее в декларации, срывает заключение мирного договора с Германией и поощряет немецкие ревизионистские элементы ⁶¹.

Совещание министров иностранных дел восьми социалистических государств выдвинуло конструктивные предложения по германскому вопросу, которые предусматривали: проведение по соглашению между Великобританией, СССР, Францией и США мероприятий, обеспечивающих завершение демилитаризации Германии; установление на определенный срок контроля четырех держав — Великобритании, СССР, Франции и США над рурской тяжелой промышленностью, с целью развития мирных отраслей рурской промышленности и недопущения восстановления военного потенциала Германии; образование, по соглашению между правительствами Великобритании, СССР, Франции и США, временного демократического миролюбивого общегерманского правительства из представителей демократических партий и организаций Германии — в целях создания гарантии от повторения германской агрессии; заключение мирного договора с Германией в соответствии с Потсдамскими решениями с тем, чтобы оккупационные войска всех держав были выведены из Германии в годичный срок после заключения мирного договора; выработку мероприятий по выполнению Германией ее репарационных обязательств перед государствами, пострадавшими от германской агрессии ⁶².

Эта программа решения германской проблемы полностью соответствовала решениям союзных держав, принятым на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Она предлагала конкретный путь для восстановления согласованной политики четырех держав по германскому вопросу, открывала перед немецким народом путь к единству Германии и отвечала интересам всех народов Европы. Варшавская декларация еще раз показала полное единство социалистических государств в германском вопросе.

Договоры Польши и Чехословакии с Югославией были первыми подобно рода соглашениями между странами народной демократии. Вместе с договорами СССР с Чехословакией (декабрь 1943 г.), с Югославией (апрель 1945 г.) и Польшей (апрель 1945 г.) они положили начало созданию системы договорно-правовых отношений, регулировавших внешнеполитическое сотрудничество стран возникшего социалистического сотрудничества. С одной стороны, они способствовали укреплению и развитию взаимного сотрудничества Советского Союза и народно-демократических государств, упрочению последних. С другой стороны, они являлись гарантией безопасности этих государств, создавали благоприятные внешнеполитические условия для проведения в них широких социально-экономических преобразований, ибо вся эта система договоров, в центре которой стоял Советский Союз, была направлена на сохранение безопасности и упрочение мира в Европе, на предупреждение новой агрессии со стороны Германии или союзной с ней страны. Договоры о дружбе и взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословакией, Польшей и Югославией, а также между Польшей и Югославией, Чехословакией и

⁶¹ Там же, с. 8—14.

⁶² Там же, с. 15.

Югославией и, наконец, между Польшей и Чехословакией составили систему двусторонних договоров, объединявшую все четыре вышеназванные государства, в то же время объективно они ставили знак равенства между безопасностью каждого из этих государств и безопасностью остальных. После подписания мирных договоров с Румынией, Болгарией и Венгрией эти страны также включились в договорно-правовую систему социалистических государств.

Сложившаяся таким образом договорно-правовая система социалистических стран ставила перед собой, во-первых, задачу обеспечения безопасности сторон, участвующих в договорах, во-вторых, обеспечение европейской безопасности и, в-третьих, развитие отношений дружбы и сотрудничества между ними.

Складывавшаяся в 1945—1947 гг. система договорно-правовых отношений обладала рядом особенностей. В общих чертах эти особенности можно свести к следующему: во-первых, все союзные договоры были направлены против возможности появления агрессии со стороны Германии или союзного с ней государства. Они базировались на общих принципах подхода антигитлеровской коалиции к решению германского вопроса и исходили из желательности существования единой и демократической Германии. Во-вторых, это была система, опиравшаяся на двусторонние договоры, т. е. не имевшая характера многостороннего межсоюзнического сотрудничества, но основывающаяся на отношениях нового типа, возникших между СССР и странами народной демократии.

В-третьих, в этот период двусторонние договоры Советского Союза с европейскими социалистическими странами и их договоры между собой существовали параллельно с договорами, заключенными Советским Союзом с рядом капиталистических стран, прежде всего с Великобританией (от 26 мая 1942 г.), Францией (от 19 декабря 1944 г.), а также с Финляндией (от 6 апреля 1948 г.), которые юридически были частью этой системы. Эти договоры были также направлены и против возможного возобновления агрессии со стороны Германии⁶³. С точки зрения союзнических обязательств они опирались на совместные решения держав антигитлеровской коалиции в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Это последнее обстоятельство еще раз позволяет сказать, что система договоров европейских социалистических стран, складывавшаяся в 1945—1947 гг. на востоке и в центре Европы, отстаивала принципы подхода антигитлеровской коалиции к решению германского вопроса и даже после отхода западных держав от согласованных ранее принципов была направлена на обеспечение безопасности в Европе, оформлялась как важная составная часть будущей общеевропейской системы коллективной безопасности.

⁶³ См. Ш. П. С а н а к о в. Мировая система социализма. М., 1968, с. 57—63; W. T. K o w a l s k i. *Polityka zagraniczna RP 1944—1947*. Warszawa, 1971, s. 72—73; J. T u g a n o w s k i. *Geneza i cele układów sojuszniczych europejskich krajów socjalistycznych*. In: «Konsekwencje polityczne klęski III Rzeszy w Europie środkowej i Południowo-Wschodniej». Warszawa, 1971.

БКП — ОРГАНИЗАТОР ПЕРВОМАЙСКИХ КАМПАНИЙ В БОЛГАРСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1930—1934)

Болгарская коммунистическая партия в своей идеологической работе большое значение придавала первомайскому празднику. Первомайские демонстрации трудящихся болгарской деревни в 1930—1934 гг. сыграли известную роль в привлечении народных масс на сторону БКП. Однако деятельность БКП в организации и проведении первомайских кампаний в деревне в этот период остается недостаточно изученной как в болгарской, так и в советской историографии. Это не означает, что данный вопрос совсем не разрабатывался болгарскими и советскими историками. Так, например, в работе болгарского историка П. Цанева¹ рассказано о праздновании Первого мая в селе Торос Луковитской околии в 1932 г.² В монографии Н. Ст. Барова³ говорится об образовании первомайских комитетов для празднования Первого мая в ряде деревень Болгарии в 1930 г.⁴ В статье А. Стояновой рассказывается, как отмечали этот праздник в селах Болгарии в 1930—1932 гг.⁵ Вне поля зрения указанных болгарских историков остались документы Центрального партийного архива при ЦК БКП и материалы, опубликованные в газетах «Селско знаме», «Село».

В советской исторической литературе⁶ также приводятся отдельные факты празднования Первого мая в болгарской деревне в годы кризиса. Тем не менее, следует отметить, что деятельность БКП по организации и проведению первомайских кампаний в деревне в рассматриваемый период раскрывалась в ней лишь частично.

Болгарская коммунистическая партия (незаконная), Рабочая партия (законная) использовали праздник труда и борьбы пролетариата — день Первого мая для мобилизации сил антифашистского движения в борьбе против господства капитала в стране и для воспитания трудящихся в духе интернационализма и пролетарской солидарности. БКП следовала совету В. И. Ленина, который писал: «Недостаточно указать на интернациональное значение праздника. Надо соединить с ним и борьбу за самые насущные национальные политические требования»⁷.

¹ П. Цанев. Първомайските чествуване у нас. 1893—1944. Кратък исторически очерк. София, 1956.

² Там же, с. 85.

³ Н. Ст. Баров. БКП в новия подем на антифашистското движение. 1929—1935. София, 1968.

⁴ Там же, с. 91.

⁵ А. Стоянова. Из дейността на БКП сред селяните през годините на икономическата криза (1929—1934). «Исторически преглед», 1970, кн. 3, с. 53—54.

⁶ Т. Маринов. Аграрный кризис и блок интервенции. М.—Л., 1931, с. 110; «Аграрный вопрос и крестьянское движение». Справочник, т. II, изд. 2. М., 1936.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 367.

БКП считала, что первомайские кампании укрепят веру антифашистов в успех их борьбы против фашистской диктатуры. В 1930 г. компартия приложила много сил, чтобы успешно подготовить и провести маевку в городе и в деревне. В апреле 1930 г. ЦК Рабочей партии выпустил циркуляр № 17, в котором было дано конкретное указание местным организациям по подготовке к празднованию Первого мая. В нем Рабочая партия призвала крестьян-бедняков, ремесленников, беженцев выступать на первомайской демонстрации с требованиями бесплатной земли и инвентаря, беспроцентного кредита малоимущим крестьянам, ремесленникам, освобождения безземельных и малоимущих беженцев от уплаты какой-либо задолженности государству, отмены косвенных налогов, «Долой закон о защите государства! Долой белый террор!» и др.⁸ По призыву партии первомайские комитеты, наряду с городскими, были созданы в селах: Дылбоки, Енина, Мыглиж, Крын, Торос и др.⁹ Кроме того, в конце апреля 1930 г. ЦК Рабочей партии направил всем своим организациям циркуляр № 43, в котором дал указание отметить Первое мая собраниями, митингами, демонстрациями и политическими стачками¹⁰. В ответ на это полиция запретила Рабочей партии и профсоюзам проведение первомайских демонстраций¹¹. Однако вопреки фашистскому террору во многих селах они состоялись. «Редко встречались села, — отмечал орган ЦК Рабочей партии „Работническо дело“, — где бы не чествовали праздник труда. Боевые манифестации в селах Гложене, Струпец, Каменно Поле, Ябылково, Мыглиж и других являются событиями огромного значения»¹².

В день Первого мая в селе Габровница Фердинандской околии крестьяне вышли на улицу со следующими лозунгами: «Правительство есть враг народа. Оно держится лишь террором. Мы требуем земли, помощи жертвам июньского переворота, уменьшения налогов и освобождения от них беднейших крестьян»¹³. В отдельных селах Кюстендильской околии крестьяне водрузили на зданиях сельского управления красные знамена, остававшиеся там до вечера, так как полиция, опасаясь народного гнева, не посмела их снять¹⁴.

ЦК БКП в своей резолюции об «Оценке первомайской акции 1930 г.» приветствовал хорошую организацию проведения маевки в селах Гложене, Кунино, Струпец, Долна Липница, Каменно Поле, Килифарово, Осогово, Габровница, Порибол и др.¹⁵ Одновременно ЦК БКП отметил отличие организации празднования этого Первомая, явившегося первым массовым выступлением рабочих и крестьян во всей стране¹⁶, от прошедших первомайских и других кампаний со времени 1925 г., которые проводились только в Софии. «Таким образом, Первомай стал естественным исходным пунктом для настоящей гигантской классовой борьбы»¹⁷, — отмечал ЦК БКП.

Правительство, учитывая опыт предыдущего года, в 1931 г. предприняло ряд мер, чтобы не допустить празднования Первого мая. Были произведены массовые аресты, обыски, конфисковывались призывы и

⁸ Централен партиен архив при ЦК на БКП (далее — ЦПА), ф. 6, оп. 1, а. е. 28, л. 1.

⁹ Н. С т. Б а р о в. Там же, с. 91.

¹⁰ Там же, с. 92.

¹¹ Там же.

¹² «Работническо дело», бр. 2, от 29 май 1930 г. От Първи май към 9 юни.

¹³ Т. М а р и н. Там же, с. 110.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЦПА, ф. 3, оп. 4, а. е. 273, л. 49, 73. Оценка на първомайската акция 1930 г. от 27/VII—1930 г.

¹⁶ Там же, л. 67.

¹⁷ Там же, л. 46, 64.

листовки ¹⁸ Рабочей партии. Несмотря на полицейский террор, в ряде деревень все же были организованы первомайские демонстрации. Многолюдные собрания и митинги состоялись в селе Енина Казанлыкской околии, в деревне Крын ¹⁹, в селах Дервишко, Типченица и Трамбеш, в Торосе, Караджалово, Долни Герен и др. ²⁰.

В день Первого мая 1932 г. правительство «Народного блока» оказалось бессильным воспрепятствовать первомайскому шествию трудящихся городов и сел, организованному Болгарской коммунистической партией. Для разгона демонстрации трудящихся оно использовало полицию и войска, жестоко расправилось с демонстрантами. В своем запросе в Бюро XXIII ОНС и министру внутренних дел от 10 мая 1932 г. депутат Л. Станев (Левица БЗНС) приводит такой факт. За четыре дня до первомайского праздника пять полицейских во главе с Л. Цветковым-Царским были отправлены в село Торос Луковитской околии, чтобы не допустить празднования Первого мая. В день праздника после обеда население села организовало хоро. В это время на деятеля Рабочей партии Лило Йотова, который на груди носил красную ленту, напали полицейские и по указанию кмета села К. Бочева стреляли в него, ранив в голову. Раненый Л. Йотов под открытым солнцем лежал до вечера, так как полицейские никому не разрешили подойти к нему. В деревне власти ввели осадное положение. Только вечером Л. Йотова отправили в больницу, где на следующий день он скончался ²¹.

Несмотря на правительственный террор, по инициативе компартии более чем в 700 селах Болгарии были организованы первомайские манифестации трудящихся ²². В деревне Драгошовец Преславской околии, вопреки полицейским мерам, состоялась большая демонстрация с пением революционных песен, в которой участвовали 60 женщин и детей. В деревне Церква Софийской околии свыше 400 человек участвовали в первомайской демонстрации, и в том числе 12 солдат. Один из них — О. Пенев — был братом секретаря местной организации Рабочей партии. В деревне Изворово Свиленградской околии состоялась большая первомайская демонстрация с пением революционных песен. Произошли столкновения демонстрантов с полицией.

В деревнях Долни Герен и Караджалово даже 2 мая продолжалась демонстрация крестьян. В обоих селах было убито четыре крестьянина и один солдат ²³. В деревне Сотир солдаты отказались стрелять по демонстрантам. В ряде сел солдаты скрылись, чтобы их не мобилизовали для расправы с демонстрантами ²⁴. «В целом первомайская акция в этом году, — отмечал ЦК Рабочей партии, — представляла собой шаг вперед в ходе борьбы в условиях резкого усиления фашистского террора» ²⁵. В демонстрациях, состоявшихся почти во всех уголках страны, деревенские массы участвовали значительно активнее, чем в предыдущие годы. Во многих местах был дан решительный отпор полицейским властям и фашистам. Следует отметить, что массовые собрания и демонстрации в селах имели больший размах, чем в городах ²⁶. Характерной особенностью первомай-

¹⁸ А. Стоянова. Там же, с. 53.

¹⁹ Там же.

²⁰ ЦПА, ф. 3, оп. 1, а. е. 389, л. 14.

²¹ Централен държавен исторически архив, ф. 173, оп. 5, а. е. 501, л. 63—65.

²² «Селско знаме», год 1, бр. 7, от 25 мая 1932. 1 май в селата.

²³ «Първомайските разстрели и борбата за воинците». «Комунистическо знаме», 1932. № 5, с. 4.

²⁴ Там же, с. 6.

²⁵ «Резолюция на ЦК по майската акция 1932 година». София, 1932, с. 2—3.

²⁶ Там же, с. 3—4. О первомайских демонстрациях 1932 г. см. «Работническо дело», бр. 45, от 2 май, бр. 46, от 27 май 1932 г. Първи май в провинцията.

ских демонстраций 1932 г. в деревнях было то, что в них принимали активное участие не только мужчины, молодежь, но и женщины, дети и даже солдаты.

Буржуазная газета «Мир» выступила с клеветой на организаторов первомайских демонстраций 1932 г. Она заявляла, что эти демонстрации были проведены по «распоряжению Москвы коммунистами Болгарии против нынешнего государственного строя»²⁷.

В 1933 г. ЦК Рабочей партии развернул большую подготовительную работу по организации празднования Первого мая. Чтобы оправдать террор, внутренняя реакция распространяла ложные слухи о том, что ЦК Рабочей партии в день Первого мая организует вооруженные демонстрации. ЦК Рабочей партии опроверг эти провокационные слухи. Накануне Первого мая полиция усилила массовый террор²⁸.

Несмотря на репрессии крестьяне некоторых деревень по инициативе местных организаций Рабочей партии организовывали первомайские демонстрации. В селе Слатине Ловечской околии полицейские открыли огонь по демонстрантам (свыше 100 человек) и ранили семь человек. Но крестьяне не разбежались, а схватили полицейских и чуть не растерзали их²⁹.

В связи с празднованием Первого мая 1934 г. руководство компартии в своей «Директиве по первомайской кампании» и в «Воззвании к рабочему классу и трудящимся крестьянам» выдвинуло не отвечавшие политическому моменту и степени развития классовой борьбы в стране лозунги: «Выгоняйте сборщиков налогов!»... «Бедные и малоимущие крестьяне, захватывайте государственные, царские, церковные и крупных капиталистов земли, леса и пастбища!»³⁰. Трудящиеся города и деревни проявили большую готовность к борьбе за свои непосредственные интересы. Первого мая 1934 г. во многих селах по инициативе местных организаций партии состоялись собрания, демонстрации, митинги с красными знаменами: Александрово, Острец, Балабаново (Троянской околии), Карагач, Калугерово, Карлуково, Торос, Червен бряг, Маково, Могила (Луковитской околии), Слатино, Дылбоки (Старозагорской околии), Долни Дыбник, Дедово и в других³¹.

Организатором первомайских кампаний в деревне в 1930—1934 гг., как и в городах, являлась Болгарская коммунистическая партия. Каждый раз первомайские демонстрации давали мощный толчок для развертывания массовой антифашистской борьбы и поднимали революционное движение на более высокую ступень, выявляя новые изменения в настроении масс и в соотношении классовых сил в стране. Участие в них трудового крестьянства свидетельствовало о солидарности и связи борьбы крестьян с борьбой рабочего класса в стране и во всем мире. Первомайские демонстрации и митинги выливались в мощную волну революционной борьбы против диктатуры буржуазии.

²⁷ «Мир», бр. 9548, от 5 май 1932 г. Първомайският празник.

²⁸ П. Цанев. Там же, с. 86.

²⁹ «Аграрный вопрос и крестьянское движение», с. 151.

³⁰ ЦПА, ф. 1, оп. 3, а. е. 449, л. 1.

³¹ «Село», год 1, бр. 17, от 4 май 1934 г.

С. В. БЕРНШТЕЙН

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ БОЛГАР В РОССИЮ В XVIII—XIX ВЕКАХ

Памяти Н. С. Державина по
случаю столетия со дня
его рождения

По данным переписи населения в 1970 г. в Советском Союзе живет 351 200 болгар (в УССР — 234 тыс., в Молдавии — 74 тыс., в других союзных республиках свыше 40 тыс.). Кроме болгар, главным образом, на территории Молдавии, насчитывается около 125 тыс. гагаузов, в других республиках около 30 тыс. Обе эти этнические группы, составляющие вместе 500 тыс. человек, являются потомками тех «задунайских переселенцев», которые в течение XVIII—XIX вв. заселили «пустопорожные земли» Новороссии и Бессарабии. Во всех сохранившихся документах этих переселенцев всегда называют только болгарами¹, несмотря на то, что значительное место среди колонистов занимали гагаузы, тюркоязычный народ православного вероисповедания. Примечательно, что из общей массы задунайских переселенцев не выделяли гагаузов не только представители русской администрации, но и большинство ученых. А. Скальковский в своей книге пишет: «В этнографическом отношении должно заметить, что хотя элемент болгарский значительно преобладает над другими в колониях, в числе народонаселения их находится однако много молдаван, греков, арнаутов, малороссиян и даже цыган, как можно видеть это из следующей приблизительной, но довольно верной таблицы. В 1846 г. в количестве 87 894 о.п. душ населения всех болгарских колоний, считалось: болгар — 73 230, молдаван — 11 818, греков — 825, арнаутов — 1092, малороссиян — 862, цыган — 67»². Таким образом, исследователь в общее число болгарских колонистов включил всех гагаузов. На необходимость различать среди бессарабских колонистов собственно болгар и гагаузов указал еще В. И. Григорович, который весной 1869 г. посетил многие села русской части Бессарабии. «Значительную часть колоний, — писал он, — населяют так называемые гагаузы. Это суть выселенцы из Добруджи и других восточных окраин Болгарии. Гагаузы говорят турецким языком и мало понимают болгарский»³. Однако последующие исследователи прошли мимо этого сообщения одесского слависта.

¹ И. И. Мещеряков. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг. Кишинев, 1957, с. 10.

² А. Скальковский. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848, с. 100.

³ «Собрание сочинений В. И. Григоровича (1864—1876)». Одесса, 1916, с. 136.

Даже Н. С. Державин, сам уроженец болгарского села Преслав и отдавший изучению языка и быта русских болгар почти два десятилетия, в своем двухтомном труде «Болгарские колонии в России» всех гагаузов безоговорочно причислил к болгарам. В первом томе опубликован «Список болгарских колоний Бессарабской губернии с чисто болгарским населением»⁴. Среди указанных колоний находим села: Татар-Капчак, Бешалма, Дезгинже, Чадыр-Лунга, Кириет-Лунга, Волконешти и ряд других, в которых со времени их заселения живут только гагаузы. В с. Кубей, Комрат, Кирсово и др. живут болгары и гагаузы. Каждая из этнических групп в этом случае занимает свою часть села. Точную картину о соотношении болгар и гагаузов в селах Молдавии и Украины получили лишь во время работы над «Атласом болгарских говоров в СССР»⁵.

Иностранной колонизации юга России посвящено много различных исследований, статей, заметок и публикаций. Эти вопросы живо интересовали как специалистов историков, так и статистиков, краеведов и лингвистов. Из наиболее фундаментальных трудов можно указать на книгу профессора Г. Г. Писаревского⁶; большой интерес для историков представляет работа профессора Е. А. Загоровского⁷; не утратила своего значения статистическая сводка А. Клауса⁸.

Интерес к болгарской колонизации юга России проявился рано. Болгарским населением Бессарабии заинтересовался еще Ю. И. Венелин, который во время своего пребывания в Кишиневе в 1823—1825 гг. имел возможность близко познакомиться с бытом и языком колонистов⁹. Позже, находясь уже в Москве, Венелин продолжал интересоваться бессарабскими болгарскими. В 1832 г. по возвращении из поездки на Балканы, он написал генералу И. Н. Инзову о необходимости приступить к систематическому изучению болгарского населения Бессарабии. Для этой цели важно «учредить подобную наблюдательную точку в Болграде, как в центре, в котором можно найти людей из разных областей придунайской и забалканской Болгарии»¹⁰. Заинтересовались болгарскими колонистами и представители европейского славяноведения. В 1830 г. Е. Копитар писал о необходимости скорейшего изучения языка болгарских переселенцев пока они не забыли на чужбине родной язык¹¹. Опасения венского слависта оказались напрасными: до сих пор болгарское население Украины и Молдавии хорошо сохраняет родной язык.

Первым исследователем, собравшим и опубликовавшим большой и весьма ценный статистический и исторический материал о русских болгарях, был А. Скальковский. Его перу принадлежит капитальное статистическое описание всей Новороссии¹². В упоминавшейся книге «Болгар-

⁴ Н. С. Державин. Болгарские колонии в России. Материалы по славянской этнографии. «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. XXIX. София, 1914. с. 26—27.

⁵ Атлас болгарских говоров в СССР. Составители С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Э. И. Зеленина. М., 1958.

⁶ Г. Г. Писаревский. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909.

⁷ Е. А. Загоровский. Славянская колонизация Новороссии в XVIII в. Сербские военные поселения. Киев, 1913.

⁸ А. Клаус. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869.

⁹ П. Безсонов. Предисловие ко второму изданию книги Ю. Венелина «Древние и нынешние болгары». М., 1856, с. VI.

¹⁰ Там же, с. XXXIII.

¹¹ «Wiener Jahrbücher für Literatur», LI, 1830, S. 120.

¹² А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I, II. Одесса, 1850—1853.

ские колонии...» Скальковский приводит сведения о переселении болгар, о времени основания сел, дает краткий статистический очерк состояния колоний к 1846 г. Посетив почти все села «со специальной целью изучения этого замечательного явления в хозяйственном и административном отношении», Скальковский больше доверял сведениям, полученным от самих колонистов, нежели данным архива новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Именно этим объясняются многие ошибки (главным образом, в датировке основания сел). Так, Кубей был основан не в 1809 г., как указывает Скальковский, а в 1812 г.; Кайраклия не в 1822 г., а гораздо раньше (это село указано в сохранившейся ведомости, составленной 25 мая 1816 г.); Кирсово не в 1830 г., а вскоре после заключения Бухарестского мира; Кот-Китай не в 1822 г., Шикирлик-Китай не в 1819 г. (оба эти села отмечены в указанной выше ведомости). Никто из последующих историков не занимался проверкой данных Скальковского. Вот почему те же ошибки в «Опытах» Клауса, в монографии И. Титорова «Българите в Бесарабия» (София, 1903) и в других книгах.

В разное время о болгарских переселенцах в Россию писали П. Э. Задерацкий, А. Левицкий, А. Защук, Г. Занетов, И. С. Иванов, А. Ф. Музыченко, П. Кисимов, П. А. Крушеван, В. Дякович, И. Титоров, М. Г. Попруженко и другие. По вопросу о переселении болгар в Россию почти все они ограничивались теми общими сведениями, которые находили у своих предшественников. Архивные материалы привлекались недостаточно.

После революции вопросами переселения болгар в Россию заинтересовался ленинградский болгарист Д. Димитров, уроженец приазовского болгарского с. Дяновки. Он опубликовал две статьи, написанные на основе старых работ без привлечения новых архивных материалов¹³. Безо всяких оснований автор пытался возродить уже опровергнутую историей концепцию Г. Раковского о гибельности для болгар переселения в Россию¹⁴.

Сохранился интерес и к языку болгарского населения Украины и Молдавии. После Н. С. Державина языком местного болгарского населения занимались Л. А. Булаховский, Д. П. Дринов и С. Б. Бернштейн.

В 1934 г. автор данной статьи приступил к систематическому изучению болгарских говоров Советского Союза. Необходимо было решить вопрос о времени поселения каждой группы болгар и установить ее связь с коренным болгарским населением. В то время решить поставленные нами задачи только с помощью диалектологических данных было невозможно: слишком поверхностными и случайными были сведения о говорах Болгарии. Вот почему лингвист-диалектолог вынужден был на время сменить свою специальность и засесть за изучение архивов. В течение второй половины 1934 г. были обследованы все фонды новороссийского генерал-губернатора в Областном историческом архиве г. Одессы, относящиеся к вопросам болгарской колонизации нашего юга. Обнаружено было много новых материалов. Часть из них была обработана и на их основе опубликовано несколько статей. В дальнейшем собранные материалы помогли в работе над «Атласом болгарских говоров в СССР». Во время Великой Отечественной войны Одесский областной исторический архив очень сильно пострадал, многие из обследованных в 1934 г. дел были утрачены.

Большой интерес в послевоенный период к истории задунайских переселенцев в Бессарабии проявляют молдавские историки. Если прежде основное внимание было обращено на изучение истории самого переселе-

¹³ Д. Д и м и т р о в. Из Бесарабия в Таврия. Язык и литература, т. VI. Л., 1930; е г о ж е. Болгарское переселение в Украину и Крым. «Сборник работ студентов-выпускников, аспирантов и научных работников». Л., 1931.

¹⁴ Речь идет об известной брошюре: Г. С. Р а к о в с к и й. Преселение в Русия или руската убийствена политика за българыты. Букурещ, 1861.

ния, то теперь в центре стоят вопросы социально-экономической истории местного болгарского и гагаузского населения. Значительно расширена источниковедческая база. Прежде всего следует указать на фундаментальный труд «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского»¹⁵, где опубликовано 425 документов, относящихся к 1811—1819 гг. Труд открывается обращением М. И. Кутузова от 26 апреля 1811 г. к задунайским переселенцам и завершается указом правительствующего сената А. Н. Бахметьеву от 29 декабря 1819 г. о предоставлении задунайским переселенцам Бессарабии прав иностранных колонистов. «В задачу сборника входит освещение вопроса о том, на каких началах происходило устройство задунайских переселенцев в Бессарабии, в какие формы выливалась борьба выходцев из-за Дуная за свои права иностранных колонистов и, наконец, в чем выразилось участие в этом значительном мероприятии А. П. Юшневского — одного из передовых деятелей нашей родины, в будущем активного участника революционного движения декабристов»¹⁶.

Много и плодотворно в послевоенные годы изучал историю болгарского и гагаузского населения Бессарабии молдавский историк И. И. Мещеряк¹⁷. В первой из названных книг подробно рассмотрены развитие сельского хозяйства, промыслы, ремесла, мелкие промышленные предприятия. На большом архивном материале автор хорошо показывает процесс зарождения и развития капиталистических отношений в болгарских и гагаузских селах. В другой монографии Мещеряк рассматривает основные события, которые происходили здесь в связи со стремлением местных бессарабских помещиков закрепить колонистов, и деятельность Переселенческой комиссии 1816 г. Третья его книга освещает последний этап массового переселения болгар. Труды Мещеряка выполнены на основе большого и в ряде случаев нового архивного материала. Много лет он отдал фронтальному обследованию центральных и местных исторических архивов. Много ценных фактов для изучения истории задунайских переселенцев в Бессарабии содержится в книгах молдавских историков¹⁸.

Первые сведения о болгарях в Бессарабии относятся к середине XVII в. В середине октября 1657 г. Измаил посетил антиохийский патриарх Макарий и его многочисленные спутники. Сын Макария, архидиакон Павел Алеппский, составивший ценное описание всего путешествия, писал: «Затем мы прибыли к известному городу Смил, который турки называют Исмаилом, дав ему наименование, любезное их сердцу. Говорят, что в этом городе проживает более двенадцати тысяч семейств валахов и болгар, которые бежали от притеснений турок и поселились тут, ибо жизнь здесь приятна, и они пользуются справедливостью и безопасностью, а налоги, помимо харача, ничтожны»¹⁹. Прибыв в Килию, Павел Алеппский отмечает: «Все соседние деревни населены татарами»²⁰.

¹⁵ «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского», сб. документов, сост. К. П. Рыжановская, Е. М. Русев, под ред. Л. В. Черепнина. Кишинев, 1957.

¹⁶ Там же, с. V.

¹⁷ И. И. Мещеряк к. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808—1856). Кишинев, 1971; е г о ж е. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг. Кишинев, 1957; е г о ж е. Переселение болгар в южную Бессарабию 1828—1834 гг. Кишинев, 1965.

¹⁸ Я. С. Гросул. Крестьяне Бессарабии (1812—1861). Кишинев, 1956; Я. С. Гросул, И. Г. Будаки. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812—1866). Кишинев, 1967, см. также статью М. П. Мунтяна, И. А. Андупова и др.

¹⁹ «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским», пер. с арабского Г. Муркоса, вып. 5. М., 1900, с. 105.

²⁰ Там же.

Действительно, вся южная Бессарабия (Буджак) была в то время заселена, главным образом, татарами. Не только в середине XVII в., но и в первой половине XVIII в. болгарского сельского населения не было на территории Бессарабии.

Местное татарское население делилось на несколько самостоятельных больших племен, часто враждовавших между собой. С середины XVIII в. началось переселение местных татар в другие места. В 1759 г. Крым-Гирей переселил в Крым большое едисанское племя, заселявшее прежде юго-восточную часть Буджака (район Аккермана и соседних областей). Однако наиболее значительные переселения происходили во время русско-турецких войн в 1768—1774 и 1787—1791 гг. Последние сведения о пребывании буджакских татар в Бессарабии относятся к 1807 г. Начиная с середины XVIII в. русское правительство обратило серьезное внимание на заселение своих южных окраин. Своих людских резервов было очень мало. Даже центральные губернии России страдали от недостатка земледельцев. Вот почему особое внимание было обращено на привлечение иностранных колонистов. Немало в это время было создано различных проектов, большая часть которых, однако, не была осуществлена.

Неудивительно, что особое внимание было обращено на заселение Новороссии южными славянами. Русское правительство считало, что славянская колонизация будет иметь не только экономическое, но большое политическое и военно-стратегическое значение, так как усилит симпатии к России христианских подданных Турции. Несмотря на это, не только при Елизавете Петровне, но и при Екатерине II переселение славян организовано было очень плохо. Этим умело воспользовались местные помещики, которые на кабальных условиях оказывали колонистам материальную помощь. Начался процесс закрепощения колонистов, который нанес большой вред и затормозил колонизационный процесс. В дальнейшем это вызвало острый конфликт между молдавскими помещиками и русской администрацией, ответственной за заселение Бессарабии и Новороссии.

Первыми южнославянскими переселенцами Новороссии были сербы (в 1751 г. — 218 человек). В последующие годы переселено было большое число сербов из Австрии. Это были военные люди. Из них и организовывались на Украине военные поселения. Лишь незначительная часть офицеров прибыла в Россию со своими семьями. Солдаты и основная часть офицеров завели семьи на Украине, что привело к тому, что уже через несколько десятилетий сербский язык был забыт. Сербское прошлое долго сохранялось лишь в наименовании административных областей: Славяно-Сербия (в настоящее время часть Донецкой, Ворошиловградской и Днепропетровской областей) и Новая Сербия (ныне северо-восток Одесской области). Среди местного коренного населения и теперь часто встречаются сербские фамилии ²¹.

В иных формах проходила болгарская колонизация. В основном, переселялись крестьяне с женами и детьми со своим имуществом, нередко пригоняли большие стада овец. В истории заселения болгарами нашего юга следует различать несколько периодов, связанных с событиями истории России второй половины XVIII — первой половины XIX в. Уже во второй половине XVIII в. болгарская колонизация играла некоторую роль в общем плане ближневосточной политики России. Однако, начиная с 1752 г., когда 24 апреля указом правительствующего сената были поселены в России первые болгарские колонисты, и до начала XIX в. болгар-

²¹ Д. И. Багалей. Колонизация Новороссийского края и первые шаги ее пути культуры. Киев, 1889, с. 83.

ская колонизация была слаба. По своим размерам в это время она значительно уступала сербской. В 1752—1754 гг. появилась первая болгарская группа, включавшая 620 семейств. Достоверных сведений об этой группе сохранилось мало. Известно лишь, что эти болгары хотели поселиться на польских землях, но затем изменили свои планы и вместе с сербами поселились в Новой Сербии в селениях сербского гусарского полка. «Часть Новомиргорода, находящаяся близ малого озера или болота Лунго, и доселе именуется Болгарией, в память первых и трудолюбивых своих основателей»²². Дальнейшая судьба этой группы болгар неизвестна. Как свидетельствует Скальковский, уже в 1848 г. память о ней сохранилась только в топонимике.

Известно, что значительные группы болгар появлялись на территории Бессарабии и Новороссии во время русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг. На территории Бессарабии никаких следов от этих переселенцев не сохранилось. Здесь они селились, главным образом, в крепостях Измаила, Килии, Бендерах, Аккермане. С уходом русских войск и они покидали эти крепости. Иначе сложилась судьба большой группы болгар, известной в настоящее время под названием ольшанской группы. Это самая старая группа болгар на территории Советского Союза. Предки ольшанских болгар переселились в Россию из с. Алфатар, что около болгарского города Силистры. По свидетельству Л. Милетича, в этом селе «после ухода коренного населения поселились переселенцы из Сливенского района, в частности, из села Михайлово (Черкешли) возле г. Сливена. Старое население Алфатара выселилось в Бессарабию в прошлом веке, а именно в 1773 г.»²³. В данном случае Л. Милетич допустил неточность: предки ольшанских болгар переселились не в Бессарабию, а в Херсонскую губернию Новороссии. В XVIII в. Бессарабия не входила в состав России.

Летом 1773 г. жители Алфатара покинули родное село и оказались на территории, занятой русской армией²⁴.

Примечательно, что это была единственная группа болгарских переселенцев — бугских казаков, которая сохранила до сих пор свой родной язык. Во всех других местах в прошлом военизированные болгарские группы давно уже забыли болгарский язык.

В XVIII в. все болгарское население жило еще в одном селе — Ольшанке, на реке Синюхе. На географической карте Вознесенского наместничества, составленной в 1796 г., показана только Ольшанка. В расположенных к востоку от Ольшанки с. Добра, Станковата и Малая Мазница живут выселенцы из Ольшанки. Эти соседние села были основаны уже в XIX в. В 1857 г. в Ольшанке насчитывалось 1524 души мужского пола. В настоящее время общее число ольшанских болгар составляет приблизительно 8 тыс. человек.

Ольшанские болгары в своем быту сохраняют много старины. Хорошо сохраняется и родной язык, в котором, однако, находим много украинских заимствований. Все болгарское население этого района хорошо владеет местным украинским говором. Ольшанские болгары мало связаны с болгарским населением других районов Советского Союза. Очень своеобразен местный болгарский говор²⁵.

²² А. Скальковский. Опыт статистического описания..., с. 3.

²³ Л. Милетич. Старото българско население в североизточна България. София, 1902, с. 164.

²⁴ А. Скальковский. Опыт статистического описания..., с. 5; В. Лобачевский. Бугское казачество и военные поселения. Киев, 1887, с. 5—6.

²⁵ С. Б. Бернштейн. Болгарские говоры Украины (Ольшанский район). «Наукові записки Одеського державного нед. ін-ту», т. I. Одесса, 1939; И. К. Бунина. Лексический состав говора ольшанских болгар. «Статьи и материалы по болгар-

Следующая волна болгарского переселения была вызвана русско-турецкой войной 1787—1791 гг. В эти годы на землях, занятых русскими войсками, оседало много болгарских купцов, ремесленников, крестьян. Многие оставались на территории Бессарабии, селились в городах Измаиле, Рени, Бендерах, Аккермане, Кишиневе, Килии на землях молдавских бояр. Некоторые болгары принимали самое активное участие в военных действиях на стороне русской армии²⁶. Большое число болгарских семейств было поселено в различных волостях Херсонской губернии. Была сделана попытка поселить болгарских крестьян по левому берегу Днестра²⁷. Однако она по различным причинам оказалась неудачной, в связи с чем 287 семейств поселили за Бугом. Много болгар (главным образом, купцов и ремесленников) осело в городах Новороссии. Точных данных о количестве болгарских переселенцев этого периода нет. Какая-то часть их после заключения яесского мирного договора вернулась в Болгарию. Особенно много вернулось обратно крестьян, которые поселились на землях молдавских бояр. От периода данной войны на нашей территории неизвестно ни одного болгарского села.

В 1795 г. было обращено особое внимание на заселение земель возле нового города Одессы. Графом Зубовым были разработаны «два положения о устройении в г. Одессе и окрестностей оного селений единоверных нам народов»²⁸. Имелось в виду, конечно, христианское население Турции и прежде всего болгары.

Положение болгар в Турции в конце XVIII — начале XIX в. было очень тяжелым²⁹, поэтому желавших переселиться в Россию было много. Организация была возложена на русского посланника в Турции Тамара, который с помощью специальных людей осуществил тайную переброску болгар в Россию через порт Созополь.

Первая группа болгар и небольшого числа греков в 148 человек была доставлена в Одессу 29 сентября 1801 г. Это были болгары из с. Кючюк-Буялык Адрианопольского вилайета. Об их прибытии Миклашевский сразу же уведомил Александра I. Последний рескриптом от 25 октября приказал принять прибывших болгар. Одновременно царь указал на необходимость для избежания ложных толков соблюдать большую осторожность, «официально не вызывать, но добровольно прибывающих немедленно принимать и водворять». Новым переселенцам на месте заброшенного татарского кочевья была предоставлена земля возле самой Одессы. Здесь они построили новое село, названное в честь родного села Малый Буялык. По данным Скальковского, к 1848 г. здесь проживало 1350 человек. После Ольшанки это самое старое болгарское село в Советском Союзе.

Аналогичным способом в 1802 г. в Одессу были доставлены еще две большие группы болгар из сел того же Адрианопольского вилайета. И здесь среди болгар было небольшое число греков. Одна группа была поселена на территории старого татарского кочевья к северу от Малого Буялыка. Новое село также в честь своего старого села в Болгарии было названо «Большой Буялык». Чаще, однако, местные болгары его называют Кошково. Это название село получило от речки Кошачья (приток Большого Куяльника). По данным Скальковского, в середине XIX в. здесь

ской диалектологии СССР», вып. 3. М., 1953; е е ж е. Звуковой состав и грамматический строй говора ольшанских болгар. Там же, вып. 4.

²⁶ А. Скальковский. Опыт статистического описания..., с. 5.

²⁷ Г. Писаревский. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909, с. 338.

²⁸ Там же, с. 339.

²⁹ Н. С. Державин. История Болгарии, т. III. М.—Л., 1947, с. 115.

обитало 2103 человек. Другой группе болгар была предоставлена земля возле г. Николаева при впадении речки Терновки в Ингул. От прежнего татарского поселения здесь сохранилась мечеть, которую вскоре перестроили в православную церковь. В середине XIX в. здесь жило 1397 человек. По имени речки село стали именовать Терновка, а всю колонию — Терновской.

В Одесском историческом архиве сохранилось «Дело из канцелярии новороссийского генерал-губернатора о водворении греков и болгар 1803—05 гг.», № 4. В «Деле» сохранилась «Ведомость о числе выданных иностранцам грекам и болгарам на обустройство и прокормление денег с показанием какой именно колонии, семействам и где произведена выдача оных» от 9 июня 1803 г.:

	Число семейств	Им выдано казенных денег	
		руб.	коп.
Терновская колония в Терновке			
Новообустройство	8	619	40
Кормовых	11	319	50
Той же колонии в Одессе	41	3489	10
Новообустройство			
Большобульської колонии			
В урочище Кошачьей балки в Одессе на новообустройство	49	4169	90
Малобульської колонии в урочище Аджемке на новообустройство	29	2314	20
Итого:	137	11078	80
Главный судья		Контениус	

В 1803 г. в Одесский порт была доставлена новая группа болгар из с. Граматиково и Стоилово. После прохождения карантинного срока болгары временно были поселены где-то возле Одессы. Сами же болгары выразили желание поселиться в Крыму. С этой целью они отправили в Крым двух ходоков. Пробыв некоторое время в Крыму, ходоки по неизвестным причинам не вернулись обратно в Одессу, а переправились в Болгарию и уже с новой группой болгар из с. Граматиково в количестве 220 человек 3 августа 1804 г. на судне «Дидона» высадились в Севастополе. Местное начальство непременно хотело переправить болгар в Одессу, однако болгары остались в Крыму и были поселены на месте татарского аула Кишлау. В дальнейшем в разные годы в село прибывали небольшие группы болгар из тех же сел³⁰.

Кроме Кишлава, в Крыму существовала еще болгарская колония Старый Крым или Болгарштина. Скальковский ошибочно датирует основание старокрымской колонии 1802 г. В действительности эта колония была основана лишь в 1810 г. В ней поселились по распоряжению Ришелье те болгары из с. Граматиково и Стоилово, которые прибыли в Одессу еще летом 1803 г. и посылали ходоков в Крым.

Осенью 1934 г. мы обнаружили в Одесском историческом архиве документ³¹, содержащий точные сведения о времени поселения болгар в старокрымской колонии. Во второй половине XIX в. из Кишлава и Бол-

³⁰ А. Ф. Музыченко. История населения и фонетические особенности говора крымских болгар. «Известия II Отд. АН», т. XII, кн. 2, 1907, с. 103—111.

³¹ Гос. архив Одесской обл. Дело канцелярии новороссийского генерал-губернатора по Таврической губернии по жалобе поселенных в Старом Крыму болгар на армянского архимандрита Мануила за недопущение пользоваться землей, 1816, № 4. (Об этом подробно см. С. Б. Бернштейн. Из истории болгарских поселений в Крыму. В сб. Исследования в честь М. С. Дринов. София, 1960, с. 273—281).

гарштины в разное время выселились отдельные семейства и основали новые болгарские села: Кабурчак, Марфовку, Османчик, Коктебель и др.

В 1804 г. в Одесский порт были доставлены новые группы болгар из Адрианопольского вилайета, которые были поселены в с. Кубанка и Парканы. Согласно ведомости «Сколько и когда именно в 1804 г. прибыло в Новороссийский край для поселения колонистов» от 12 октября 1804 г., прибыло 320 семейств (869 взрослых, 535 малолетних). Последняя группа болгар, доставленная морем в 1806 г., основала с. Катаржино, названное так по имени начальника пограничных дел генерал-майора Катаржи. На этом и завершился данный этап истории болгарской колонизации. Началась новая страница в истории болгарского переселения в Россию, связанная уже с русско-турецкой войной 1806—1812 гг.

Болгарские переселенцы 1801—1806 гг. сыграли большую положительную роль в развитии сельского хозяйства Новороссии³².

Сохранились свидетельства высокой оценки колонистов новороссийским генерал-губернатором Э. И. Ришелье, принимавшим непосредственное участие в судьбе болгарских колонистов³³. По его инициативе в Парканах начали развиваться шелководство.

В ноябре 1806 г. началась новая русско-турецкая война, в ходе которой были заняты многие районы северо-восточной Болгарии. В военных действиях вместе с русскими принимало участие болгарское земское войско. Большое число болгарских семей переселялось на территорию, занятую русской армией. В 1809 г. по инициативе Ришелье П. И. Багратион распорядился перевести в Херсонскую губернию из занятых русскими войсками областей значительное число болгарских семей, но это мероприятие по разным причинам осуществить не удалось. В 1811 г. во главе русской армии был поставлен М. И. Кутузов, который под Руцукон нанес турецкой армии сокрушительное поражение. Еще до окончания войны Кутузов уделял большое внимание устройству болгарских беженцев³⁴. 26 апреля в Бухаресте он подписал воззвание ко всем задунайским переселенцам. В нем он даровал им «трехгодичную льготу для освобождения от всяких земских податей и повинностей»³⁵. Однако во время войны переселение носило хаотический характер, многие переселенцы считали свое пребывание на новых землях временным³⁶. Сохранилось много документов, свидетельствующих, что командование русской армией и администрация уделяли много времени устройству на новых землях задунайских переселенцев. Однако лишь после завершения войны и установления новых границ администрация Бессарабии и Новороссийского края получила возможность заняться устройством болгар на новом месте их жительства.

Прежде всего встал вопрос о заселении Бессарабии, что представляло собою дело первостепенной важности, поскольку в 1812 г. во всей Бессарабии было только около 240 тыс. жителей³⁷.

Переселение в Бессарабию во время войны носило плохо организованный и даже хаотический характер. Положение осложнялось еще и тем, что многие представители администрации (например, наместник Бесса-

³² А. Скальковский. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793—1823. Одесса, 1837, с. 98; Д. И. Багалей. Там же, с. 88; Я. С. Гросул. Крестьяне Бессарабии..., с. 87.

³³ «Устройство задунайских переселенцев...», с. 46.

³⁴ Там же, с. 1.

³⁵ Там же, с. 3.

³⁶ Там же, с. 23.

³⁷ Я. С. Гросул. Разложение феодально-крепостнических и формирование капиталистических отношений в Молдавии в первой половине XIX в. В сб. Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв. Кишинев, 1950, с. 194.

рабской области А. Н. Бахметьев) фактически держали сторону помещиков. Эта близорукая политика наносила большой вред делу заселения Бессарабии, что прекрасно понимали Д. П. Ватикиоти, А. П. Юшневский и др. Однако они не находили серьезной поддержки в высших правительственных сферах³⁸.

Улучшилось положение лишь в 1818 г., когда указом от 22 марта было учреждено положение о попечительстве над колонистами, которое не находилось в непосредственном подчинении местным властям. Во главе попечительства был поставлен генерал И. Н. Инзов. Местопребыванием попечительства сперва был избран Екатеринослав, через короткое время оно было переведено в Кишинев. В мае 1818 г. Александр I лично посетил Бессарабию и Новороссийский край. Инзов представил царю подробный письменный доклад о положении болгарского населения в России³⁹. Царь также принял представителей болгарских колонистов, которые вручили ему письменное прошение.

29 декабря 1819 г. был обнародован указ сената о предоставлении задунайским переселенцам Бессарабии прав иностранных колонистов, который освобождал от податей старых переселенцев на три года, переселившихся во время войны 1806—1812 гг. на семь лет, защищал их от произвола местных помещиков. Было установлено новое административное деление на четыре округа — Прутский, Кагульский, Измаильский и Буджакский. В списках тех лет указано 57 сел. Село Измаильского округа Табаки стало административным центром бессарабских колонистов. По желанию болгар с. Табаки называли Болградом. Однако оно недолго носило это название. По инициативе Инзова на высоком берегу лимана Ялпух начали строить новый город Болград. Уже в 1823 г. администрация смогла переехать туда, а селу вернули старое наименование Табаки⁴⁰. В 1823 г. были внесены некоторые изменения в административное деление⁴¹.

По указу 1819 г. каждая семья получала 60 десятин земли в вечное потомственное пользование. Звание колонистов не было пожизненным. Колонисты имели право переходить в другие звания (например, вступать в гильдии или в цеха). И. И. Мещерюк с полным основанием пишет, что «задунайские переселенцы в Южной Бессарабии составили категорию крестьян, получивших права и привилегии, которыми они не пользовались на своей родине и которых в пределах их новой родины не имела ни одна категория крестьян, за исключением иностранных колонистов»⁴².

Историки болгарской колонизации Бессарабии отмечают, что болгары переселялись компактными массами земляков, крепко держались друг друга и селились в одном месте. Именно это обстоятельство объясняет необычную для новых поселений диалектную устойчивость болгарских говоров Бессарабии. Естественно, что большинство болгар этого периода было из северо-восточной Болгарии. Из многих сел местное население уходило вместе с русскими войсками.

Из Шуменской области почти целиком ушло население четырех сел: Могилы (к югу от Нови-Пазара), Равны, Кривны (к северу от Провадии) и Новосела. Кроме того, часть населения ушла из с. Каспичан. В Бессарабии шуменские болгары поселились в четырех различных селах: Чеш-

³⁸ И. И. Мещерюк. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар...

³⁹ Там же, с. 19.

⁴⁰ С. Б. Бернштейн. О языке города Болграда. Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. т. II. М., 1950, с. 225—226.

⁴¹ И. И. Мещерюк. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел..., с. 17.

⁴² Там же, с. 35.

ма-Варуита, Бабели, Анадол и Кубей. Лишь в этих селах Бессарабии живут болгары, говорящие на различных говорах шуменского диалекта. Указанные четыре села были основаны в 1812—1813 гг. По данным Л. Милетича, в Чешма-Варуите поселились выходцы из с. Каспичан⁴³. Основная масса переселенцев была из Добруджи. Многие из них осели в городах Бессарабии, другие основали в 1811—1814 гг. ряд сел, обычно на месте заброшенных татарских сел, третьи поселились на землях молдавских помещиков. Именно в это время были основаны села: Сатунов, Карагач, Импуцита, Курчи, Каракурт, Шоп-Тараклия, Таш-Бунар, Чийшия, Долукей и др. Вероятно, к этой же группе принадлежали болгары, поселившиеся еще в 1806 г. в Джурджулешти. С полной уверенностью этого, однако, утверждать нельзя, так как в дальнейшем эти болгары переселились в соседние села. Эти переселенцы (так называемые джурковцы) не сохранили свой говор. Значительно позже в этом селе поселились сливенцы, которые в языковом отношении подчинили себе старое население. В настоящее время в с. Табаки господствует сливенский говор.

Некоторые из основанных сел в этот период были очень большими. Так, в 1819 г. в Табаках жило 146 семейств, в Комрате 136, в Каракурте 182.

Во время переселения много болгар оказалось в городах Измаиле, Кишиневе, Килии, Рени, Аккермане и др. Среди них были не только купцы и ремесленники, но и крестьяне. О жителях Кишинева Ю. И. Венелин писал: «Значительную часть населения многолюдного города Кишинева составляют его задунайские выходцы и занимают часть города, называемую Болгарией»⁴⁴. После указа 1819 г. по распоряжению И. Н. Инзова крестьянам была выделена земля. В 1820 г. началось их переселение из городов в новые села. Так, большая группа во главе со стариком Бано переселилась из Измаила на север и основала в 1821 г. с. Бановку. В 1822 г. группа болгар (244 семьи) была переселена из Кишинева на свободную землю, где и основала с. Задунаевку, известное тем, что в нем учительствовал Х. Ботев. В том же году выселенцы из Аккермана поселились в заброшенном татарском с. Ески-Кубей, которое в честь Инзова назвали Новоивановкой.

Среди болгарских переселенцев периода русско-турецкой войны 1806—1812 гг. были выходцы и из южной Болгарии. Именно они основали с. Кайраклию, Кот-Китай, Траян, Еникей, Шикирлик и Кирсов. Все эти села указаны в ведомости от 25 мая 1816 г. В потоке переселенцев оказалась и большая группа шопов (болгар из западной Болгарии). Они поселились в с. Тараклия вместе с выходцами из северо-восточной Болгарии. После этого село стали называть Шоп-Тараклией; это одно из самых крупных болгарских сел Бессарабии.

Задунайских переселенцев по указу 1819 г. начали переселять на казенные земли. Им было разрешено, при согласии жителей сел, переселяться в существующие болгарские и гагаузские села, хотя таких новых переселенцев было немного. Так, в Шоп-Тараклии на 182 семейства переселилось три семьи, в Табаках на 136 переселилось 10 семей, в Таш-Бунаре на 114 — одно. Жители некоторых сел (например, Чешма-Варуита) отказались принять новых жителей. Иное соотношение было в с. Кирсов и Комрат. Здесь переселенцев с помещичьих земель было больше. Примечательно, что первыми жителями сел были болгары, а с помещичьих земель переселились сюда гагаузы. Много переселенцев с помещичьих земель поселилось в Шикирлике, но это были болгары, близкие по языку первым поселенцам.

⁴³ Л. Милетич. Там же, с. 77, 78.

⁴⁴ Ю. И. Венелин. Там же, с. 4.

Среди задунайских переселенцев начала XIX в. было еще много гагаузов. Можно сказать, что с русскими войсками из северо-восточной Болгарии ушла большая часть местного гагаузского населения. Это подтверждается тем, что в настоящее время в Болгарии живет значительно меньше гагаузов, нежели в Советском Союзе. Гагаузы стремились селиться отдельно от болгар. Они основали многочисленные поселения: Чадыр-Лунгу, Кириет-Лунгу, Гайдары, Авдарму, Томай, Дизгиндже, Татар-Капчак, Волканешти, Конгаз и др.

В результате интенсивной болгарской колонизации в первой четверти XIX в. западная часть Буджака в основном была заселена задунайскими переселенцами. Число новых колонистов здесь было так велико, что район их поселения стал официально называться «Новой Болгарией»⁴⁵. По данным местной статистики, в Бессарабии в 1821 г. было 32 тыс. болгар и гагаузов. Всего же по Бессарабии, Херсонской и Таврической губерниям насчитывалось в этом году 46 598 человек⁴⁶.

Некоторая часть болгар поселилась за пределами Бессарабии в Херсонской губернии. Еще во время войны большая группа болгар осела в Бендерах. Позже, в 1822 г., они отсюда были переселены в Парканы и в Катаржино. Здесь они начали строиться в непосредственном соседстве со старым болгарским поселением. Рядом со старыми Парканами возникли новые Парканы, жители которых сильно отличались по языку: старое население говорило на одном юго-восточном болгарском диалекте, новые переселенцы на северо-восточном. В дальнейшем произошло смешение населения, в связи с чем сформировался единый говор с южными и северными элементами.

К середине 20-х годов XIX в. устройство всех колонистов на новых землях в основном было завершено. Хотя указ 1819 г. ограждал болгар и гагаузов от притязаний бессарабских и херсонских помещиков, в колониях шел интенсивный процесс имущественного расслоения среди самих переселенцев. Кроме того, положение осложнялось трудными годами (засухи и налеты саранчи в 1824, 1828 гг.).

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. не прошла бесследно для истории заселения болгарами нашего юга⁴⁷. Переселение началось еще во время войны в 1828 г. Наиболее интенсивным оно было в 1830 г. В послевоенный период происходило последнее массовое переселение болгар в Бессарабию. Новороссию это переселение затронуло сравнительно мало. Здесь новые переселенцы оседали преимущественно в городах.

Переселение в Россию во время этой войны существенным образом отличалось от предшествующих переселений. Иным было отношение к нему в высших правительственных сферах Петербурга. Николай I относился с большим подозрением не только к славянам католического вероисповедания, но и к зарубежным православным славянам. Он считал, что балканские увлечения брата Александра I не оправдали себя во всех отношениях. Он запретил верховному командованию второй армии вооружать болгарское население, так как это могло привести к вооруженному восстанию народа, которого Николай боялся больше всего. Всякая инициатива со стороны болгар решительно пресекалась⁴⁸. Хорошо известен

⁴⁵ С. Б. Бернштейн. Болгарские говоры южного Буджака. В сб. Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР, вып. 2. М., 1952, с. 5—20.

⁴⁶ А. Скальковский. Болгарские колонии в Бессарабии..., с. 34.

⁴⁷ С. Б. Бернштейн. Страница из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. I. М.—Л., 1949, с. 340.

⁴⁸ В. Д. Конобеев. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828—1830 гг. Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. XX. М., 1960.

случай с отрядом Георгия Мамарчева, который был по приказу русского командования расформирован, а сам Мамарчев арестован. Николай боялся развития национально-освободительного движения даже в стране врага. Болгарам Бессарабии и Новороссии было запрещено принимать участие в войне на положении Донского казачьего войска, т. е. быть самостоятельной войсковой единицей в составе второй русской армии. Им было разрешено подавать просьбу о зачислении в армию только поодиночке и только в полки 4-й уланской дивизии ⁴⁹.

Многие крупные государственные деятели России этого периода считали, что пришло время прекратить переселение болгар в Россию. 27 апреля 1829 г. министр финансов Канкрин писал управляющему главным штабом Чернышеву: «По моему мнению, в Новороссийский край елико можно должно избегать привлечения иностранцев, стараясь усилить число русских, хотя бы от того сей край развился несколько позже» ⁵⁰. Апатичные суждения встречаются в это время в официальной переписке весьма часто.

Претерпела глубокие изменения и демографическая политика Бессарабского наместничества и Новороссийского генерал-губернаторства. М. С. Воронцов, генерал-губернатор Новороссии и наместник Бессарабской области в 1823 г., полагал, что следует значительно ограничить привлечения новых хлебопашцев. Основное внимание и все средства должны быть направлены на привлечение матросов, судостроителей, ремесленников, торговцев, виноделов. Именно в людях этих специальностей край испытывал острый недостаток ⁵¹.

Не дало желательных результатов болгарское переселение и в деле значительного увеличения городского населения, виноделов. Основная масса болгарских переселенцев состояла из хлебопашцев. Несмотря на новые льготы, которые предоставлялись переселенцам, согласившимся перейти в сословие матросов и судостроителей, таких среди болгар почти не было. Были ремесленники и торговцы, но число их значительно уступало числу земледельцев. Переселенцы в городах на 10 лет освобождались от податей и от рекрутской повинности. Так селились болгары в Одессе, Измаиле, Кишиневе, Аккермане, Болграде и др. городах. В своей массе они были выходцами из Бургаса, Ямбола, Сливена, Адрианополя, Созополя и других городов юго-востока Болгарии.

Воронцов полагал, что новым переселенцам земли не потребуется, так как они будут селиться в портовых городах. В апреле 1829 г. он писал Чернышеву: «Поэтому каждому начальнику семейства дать не более трех или четырех десятин под усадьбу и виноград, а не под хлебопашество, которое отвлекло бы их от настоящей задачи» ⁵².

Однако уже первые группы переселенцев обнаружили всю нереальность этих планов. Лишь немногие из прибывших болгар изъявили желание остаться в городе. 27 IV 1829 г. Воронцов писал Инзову: «Контр-адмирал Кумани препроводил ко мне на днях около 600 человек обоего пола болгар, из коих едва ли 4 или 5 человек могут водвориться в портовых городах» ⁵³. В связи с прибытием новых групп последовали новые письма. Ответы Инзова были неутешительными. Он решительно отказался предоставить новым поселенцам земли Бессарабии, несмотря на то, что в восточной части Буджака было еще много свободных земель. Инзов соглашался

⁴⁹ Там же, с. 234—235.

⁵⁰ С. Б. Бернштейн. Страница из истории болгарской иммиграции..., с. 333.

⁵¹ Там же,

⁵² Там же, с. 330.

⁵³ Там же, с. 331.

предоставить колонистам только земли в Херсонской губернии в размере 4598 десятин (при Терновке — 1360 десятин, Парканах — 1878, Катаржише — 1360). На этих землях и поселилась часть новых переселенцев. Через некоторое время прибыло еще несколько групп болгар из юго-восточных районов Болгарии. Воронцов был чрезвычайно обеспокоен результатами организованного им переселения⁵⁴.

Часть прибывших болгар в нарушение указа 1819 г. Воронцов поселил на землях херсонских помещиков. На это он получил согласие Инзова, который в письме Воронцову от 21 мая выговаривал лишь право Попечительному комитету следить за выполнением условий, заключенных между помещиками и переселенцами⁵⁵. После прохождения карантинного срока многие болгарские семейства были перевезены в Крым на земли местных помещиков. Эти действия Воронцова позже были санкционированы Николаем I⁵⁶.

В июне месяце было принято решение приостановить перевозку болгарского населения. Было приказано прекратить всякую агитацию за переселение в Россию.

Новая колонизационная волна, начавшаяся после заключения Адрианопольского договора 1829 г., вскоре приняла массовый характер. Очень много болгар решило переехать на постоянное жительство в Россию. Среди основной массы болгар были и греки. Гагаузов среди этих переселенцев было очень мало. Николай I через Чернышева 4 октября приказал «заняться вопросами переселения, направлять прибывших из турецких владений в карантин и после прибытия туда обеспечить продовольствием»⁵⁷. Основная масса хлебопашцев была направлена в Бессарабию, а выразившие желание поселиться в городах были приписаны в мещане Одессы, Николаева, Херсона, Феодосии, Керчи, Измаила, Аккермана, Килии, Кишинева, Рени и других городов. Возле с. Сатунова был организован карантинный лагерь, через который проходили все болгары, направленные на жительство в Буджак⁵⁸.

Наиболее интенсивным переселение болгар в пределы России было от апреля до сентября 1830 г. По данным сохранившихся документов, с апреля по конец июля в Бессарабию переселилось около 25 тыс. человек. И. И. Мещеряков полагает, что «в действительности количество переселившихся было большим»⁵⁹.

Ко времени появления новых колонистов в Буджаке было еще много свободных земель. Однако лучшие из них были уже заняты. Свободными оставались земли восточного Буджака, где, однако, было мало черноземных земель и ощущалась острая нехватка воды. Кроме того, размеры свободной земли не давали возможности наделить каждую семью положенными по принятому указу 60-ю десятинами земли. Инзов обратился ко всем старым колонистам Буджака уступить по 10 десятин в пользу новых поселенцев. Это предложение было принято. С этого времени земельный надел на семью в Бессарабии стал 50 десятин.

Новые колонисты в ряде случаев селились в старых селах, где и получали свои земельные наделы. Резко увеличилось население Болграда, где поселились выходцы из городов Сливена и Ямбола. В дальнейшей истории города большую роль начинают играть сливенцы, их говор становится

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, с. 334.

⁵⁶ Там же, с. 336.

⁵⁷ И. И. Мещеряков. Переселение болгар в южную Бессарабию..., с. 85.

⁵⁸ Там же, с. 110.

⁵⁹ Там же, с. 93.

господствующим⁶⁰. В 1830 г. две большие группы болгар наделяются землей в с. Вале-Перже, в котором до этого жили молдаване и небольшое число гагаузов. В одной части села поселились выходцы из районов южных Балкан, в другой — из Фракии. Переселенцы из бургасского с. Аланкайрак в 1830 г. поселились в с. Сатунове. Небольшая группа болгар из провадийского с. Девня поселилась в Комрате, несколько семей сливенцев осело в Табаках. Однако в западной части Буджака старые болгарские и гагаузские села не могли принять много новых колонистов. В редких случаях отдельным группам удавалось самим найти свободные участки, которые они и занимали. Так было, например, с выходцами из южнобалканского с. Твардица, или выходцами из адрианопольского с. Вайсал.

В 1829—1830 гг. были основаны села: Твардица, Вайсал, Новый Траян, Пандаклия, Гасан-Батыр, Фынтына-Дзинилор, Селиоглу, Голица, Девлетагач, Чумлен, Дюлмен, Купоран, Исерлия, Тропеклу, Новый Карагач, Боргудж, Дерджилер, Камчик, Кулевча, Главан и др. Заселение этих сел не всегда шло гладко. Возникало много разнообразных трудностей, споров, столкновений⁶¹.

На основе разнообразного и во многом неизвестного архивного материала И. И. Мещерюк составил очень ценную карту, на которой показаны те населенные пункты, из которых происходили болгары, переселившиеся в Россию в 1829—1830 гг. Она наглядно показывает, что наибольшее число переселенцев было из сел, расположенных между Сливеном, Новой Загорой, Ямболом, Карнобатом. Меньше болгар было из сел между Бургасом и Айтосом, из района между Шуменом и Варной, из Странджи, из района Адрианополя. Ушла значительная часть населения городов Сливена, Ямбола, Карнобата, Бургаса, Шумена, Анхиало. Они селились в Измаиле, в Рени, в Аккермане, в Кишиневе и городах Новороссии. Многие из них уже через несколько лет стали играть крупную роль в экономической жизни местного края. «Среди болгарских колонистов в 1847 г. насчитывалось 13 гильдийских купцов и 435 купцов, постоянно торговавших без записи в гильдии. Болгарские купцы-колонисты торговали главным образом рогатым скотом..., а также зерном... Богатые болгарские купцы имели торговые связи с Константинополем и другими zahraniчными рынками»⁶². Однако значительная часть горожан переселилась в Дунайские княжества. Туда перешло немало и болгарских крестьян из Бессарабии.

Переселение, связанное с войной 1828—1829 гг., привело к существенному увеличению числа болгар в Бессарабии и в Новороссии, хотя точных статистических данных нет. Это в первую очередь относится к городскому болгарскому населению. О числе поселенцев по многим городам совсем нет сведений, а там, где они есть, ненадежны. Наиболее надежные источники указывают 50 тыс. человек⁶³. Трудно сказать, какая часть из этих переселенцев осталась в России.

В отличие от сельского населения болгарское население городов (особенно крупных) постепенно ассимилировалось. Уже к XX в. о болгарском прошлом многих жителей Одессы, Кишинева и других городов свидетельствовали лишь фамилии Цонев, Желязков, Неделчев, Стоянов, Пенчев, Жечев, Ангелов...

Новые изменения в жизни болгарского и гагаузского населения Бессарабии были связаны с событиями русско-турецкой войны 1853—1856 гг. В начале войны в связи с временным продвижением русских войск в Бол-

⁶⁰ С. Б. Бернштейн. О языке города Болграда, с. 226—227.

⁶¹ И. И. Мещерюк. Переселение болгар в южную Бессарабию..., с. 115, 116.

⁶² Я. С. Гросул. Крестьяне Бессарабии..., с. 92.

⁶³ И. И. Мещерюк. Переселение болгар в южную Бессарабию..., с. 95.

гарию часть местного болгарского населения из Силистры перешла на русскую территорию.

Как известно, по Парижскому мирному договору весь южный Буджак отошел от России и был присоединен к молдавскому княжеству. В связи с этим 40 болгарских и гагаузских сел (из общего числа 83) вместе с Болградом оказались на территории Молдавии. От России отошли следующие болгарские села: Джурджулешти, Анадол, Карагач, Сатунов, Импуцита, Курчи, Табаки, Чешма-Варуита, Бабели, Каракурт, Дермендере, Кайраклия, Долукей, Вайсал, Таш-Бунар, Фынтына-Дзинилор, Шикирлик, Новопокровка, Еникей, Старый Траян, Тропоклу и Новый Карагач. Кроме этого, отошли города Болград, Измаил, Килия и Рени, имевшие большое болгарское население.

Мирный договор давал право жителям отошедших от России населенных пунктов в течение трех лет решать вопрос о местожительстве и подданстве. Обеспокоенные своей будущей судьбой болгары отошедших от России сел обратились со специальным воззванием к Европейской комиссии для устройства княжеств Молдавии и Валахии. Молдавское правительство торжественно заявило, что оно будет признавать все права и привилегии, которые мирное население имело прежде⁶⁴. Однако сразу же по истечении трехлетнего срока льготы колонистов-болгар, данные им прежде русским правительством, стали нарушаться. В конце 1860 г. была даже предпринята попытка ввести рекрутскую повинность. Это вызвало бурный протест болгарских колонистов, закончившийся 8 ноября 1860 г. кровавой расправой, учиненной правителями Молдавского княжества. После этого началось массовое переселение (фактически бегство) болгар на русскую территорию, которое происходило без особых осложнений, так как молдавских войск на границе почти не было, а русская пограничная стража не препятствовала переходу границы. Поэтому колонисты почти из всех болгарских сел каждую ночь переходили границу в различных местах⁶⁵. Началось такое стихийное перемещение в ноябре 1860 г. и продолжалось почти полтора года. В этот период на территории южного Буджака происходили значительные передвижения: одна часть населения уходила на русскую территорию, другая, оставаясь на территории южного Буджака, меняла местожительство. Из некоторых сел южного Буджака ушло все болгарское население (например, из с. Тропоклу, Нового Карагача и Новопокровки). Все болгары ушли из с. Бабели, в котором остались только молдаване.

Ушла значительная часть населения с. Кайраклия. Здесь первоначально поселились болгары из с. Сатуново, в котором в настоящее время болгар осталось очень мало. Основное население села говорит на молдавском языке.

Ушла часть населения из Карагача, Импуциты и некоторых соседних гагаузских сел. Освободившуюся землю в различных селах заняли переселенцы из Джурджулешти (так называемые джурковцы), где болгар не осталось. В настоящее время говор джурковцев утрачен, и мы ничего не знаем о диалектной принадлежности болгарского населения с. Джурджулешти. В Анадоле болгарского населения почти не осталось. Нам, однако, удалось разыскать несколько человек, которые еще помнят местный болгарский говор.

Переселилась на русскую территорию часть населения с. Чешма-Варуита, Шикирлика, Каракурта, Бановки, а также большая часть населения с. Еникей, Старого Траяна, Дермендере, Долукея, Таш-Бунара, юж-

⁶⁴ И. С. Иванов. Сборник статей. Кипинев, 1896, с. 9.

⁶⁵ И. Титоров. Българите в Бесарабия. София, 1903, с. 182.

ной части Вайсала. Из северной части Вайсала ушло немного людей. Сильно сократилось население города Болграда.

В связи с уходом значительной части болгарского населения из сел южного Буджака здесь началась перегруппировка населения. В Бановку переселились несколько семейств из Шикирлика, а также несколько семейств украинцев и молдаван. В Курчи, Каракурте, Дермендере и Таш-Бунаре поселилась часть болгарцев. Много болгар из различных сел переселилось в Еникёй. Сильно смешалось население в с. Долукёй. На жительство в Старый Траян перешло много гагаузов.

В результате переселения большого числа болгар на русскую территорию в селах северного Буджака была нарушена нормальная жизнь. Болгары русской части Бессарабии могли дать лишь временный приют своим сородичам. Долго они оставаться здесь не могли, так как не было ни свободных жилищ, ни свободной земли. Местной русской администрации пришлось проделать в это время большую работу. Учтена была вся свободная земля, обнаруженная возле самой новой границы. К северу от с. Табаки были организованы две новые колонии: Болгарийка и Кайраклия II, в которых поселились выходцы из различных сел и Болграда. Позднее сюда переселились болгары из сел северного Буджака (например, из Шоп-Тараклии). В 1862 г. к северу от Вайсала было основано с. Калчево, в котором поселились многие болгарцы.

Часть переселенцев удалось разместить в местных болгарских селах. Однако все эти меры не могли решить основного вопроса, так как населения, перешедшего границу, было во много раз больше, нежели могла принять русская часть Бессарабии. Позже, по указанию центрального правительства, для болгар были выделены земли в Таврической губернии, на территории северного Приазовья, куда осенью 1861 г. и началось новое переселение. Переселялись болгары группами, на волах, со своим имуществом и скотом. Во главе каждой группы переселенцев стоял наиболее чтимый и уважаемый старик. Часто самую группу называли по его имени. Вместе с беженцами пошли в Таврию отдельные лица из сел русской части Бессарабии, так как здесь уже ощущался недостаток в земле. Каждая группа переселенцев посылала вперед своих ходоков, которые к приходу основной массы должны были выбрать удобное место для будущего села. По далеко неполным данным, в 1861—1862 гг. в Таврию переселилось около 22 тыс. человек.

Выходцы из Кайраклии шли двумя группами. Они поселились в самой северной части отведенного района и основали здесь два села — Радоловку и Гюневку. Между прочим, самую бессарабскую Кайраклию первоначально называли Радоловкой. В Гюневке вместе с болгарами поселилась часть гагаузов.

Недалеко от кайраклийских переселенцев остановились болгары из Шикирлика. Они основали большое село, получившее официальное название Софиевка. Однако местное население до сих пор называет его Шикирлик. Возле Софиевки основано с. Палаузовка, в котором осели выселенцы из с. Бабели (бабелинцы) и из Фынтына-Дзипилор (кукеры). Живут они здесь обособленно. В селе господствует сливенский говор кукерей. К западу от Палаузовки остановились переселенцы из с. Старый Траян. Они ушли двумя группами, каждая из которых основала свое село. Одна группа поселилась в с. Траяны, а другая в с. Андровка. К югу от Гюневки выходцы из Еникея основали с. Романовку (Коларовку) и Вячеславовку. Между Романовкой и Гюневкой остановились долукейцы, выселенцы из Долукёй. Через несколько лет их село и все имущество погибло от страшного урагана. Часть крестьян разместилась в соседних селах, часть вернулась в Бессарабию. Переселенцы из Бановки основали здесь с. Ба-

новку и Мариновку (Дрипова Бановка), из Таш-Бунара — с. Преслав и Инзовку. В дальнейшем Преслав стал культурным центром приазовских болгар. К концу XIX в. Преслав и Инзовка становятся самыми богатыми болгарскими селами Приазовья.

Переселенцы из Вайсала шли двумя группами. Выходцы из южного Вайсала основали с. Дяновку, из северного — Райновку. В Райновке также поселилось несколько кубейских и таш-бунарских семейств. И в настоящее время старики называют эти села Вайсалом (Долни Вайсал, Горни Вайсал). В селах Зеленовке и Манойловке поселились выходцы из Импуциты. Возле этих сел нашли себе землю выходцы из Карагача. Они основали три села: Петровку, Анновку и Перво-Николаевку.

Чушмелийцы (выходцы из Чешма-Варуиты) основали с. Богдановку, небольшая часть чушмелийцев вместе с выходцами из Болграда поселилась в соседнем с. Степановке. Жители бессарабской Чешма-Варуиты очень консервативны в своем быту. Примечательно, что и в Приазовье чушмелийцы сохраняют до сих пор такие этнографические особенности, которые в других селах уже давно исчезли. В с. Федоровке поселились выходцы из Новопокровки, в Гирсовке — из Тропюклу, в Надеждине — из Нового Карагача. В селах Цареводаровке (Ботево) и Строгановке поселились выходцы из Дермендере (Калинчака).

К западу от Мелитополя поселились албанцы из Каракурта и переселенцы из гагаузских сел. Здесь же была предоставлена земля для вновь прибывших из Болгарии видинских переселенцев, которые основали с. Терновку. Жители этого села говорят на западноболгарском (видинском) диалекте.

Демографические сведения, связанные с переселением начала 60-х годов XIX в., были получены в Приазовье в середине 30-х годов, а в Бессарабии участниками диалектологических экспедиций в конце 40-х годов непосредственно от местных стариков. Среди информаторов 30-х годов в Приазовье еще были люди, которые сами в детском возрасте участвовали в знаменитом переходе из Бессарабии в Таврию. Они отлично помнили все бессарабские села, откуда были родом. Память их хранила много различных эпизодов из первых лет жизни на новом месте.

После 1862 г. никаких существенных перемещений болгарского населения на территории России и Советского Союза не было. Возникали новые хутора в несколько дворов или небольшие выселки на отдельных свободных участках.

В конце XIX в. к северу от Комрата возникло с. Новое Вале Перже, в котором поселились выселенцы из с. Вале Перже, Твардица, Чийшия и Девлетагач. Еще в конце 40-х годов здесь сохранились четыре самостоятельных болгарских говора.

Болгарское население в городах сохранилось плохо. Во всяком случае родной язык уже утрачен. Совсем иную картину наблюдаем в селах. Здесь хорошо сохраняется болгарский язык и многие элементы старого крестьянского быта. Болгары Советского Союза знают русский язык, многие из них практически владеют украинским языком. Среди болгарского населения Бессарабии часто встречаются люди, умеющие говорить по-молдавски и по-гагаузски.

З. Ю. КОПЫССКИЙ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ АГРАРНОМ СТРОЕ БЕЛОРУССИИ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Расширение источниковой базы составляет важнейшее условие дальнейшей разработки истории крестьянства Белоруссии. Такую возможность предоставляют документы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве БССР, многие из которых не опубликованы. Они содержат важные и интересные данные, крайне необходимые для изучения аграрного строя, положения белорусского крестьянства в XVI — первой половине XVII в. — в период интенсивного развития крепостнического поместья и резкого возрастания феодальной эксплуатации.

Внимание исследователя привлекают документы фондов 694 и КМФ-5, опись 1¹. Несомненный интерес представляет информация о содержании документов в описях (реестрах), составленных в XVII и XVIII вв. Описи эти образуют в фонде 694 около 100 дел, а в некоторых случаях находятся среди документов в других делах.

Сопоставление сохранившихся документов с описями убедило, что последние воспроизвели не просто общий смысл, но и терминологию документа. Это крайне важно при оценке достоверности данных, содержащихся в описях. Например, одна из записей сообщает о жалованной грамоте великого князя литовского от 5 марта 1499 г. «на имение Несвиж и на фольварок (курс. мой. — З. К.) Крутой берег к Несвижу относящийся» и о ее подтверждении в 1528 г.² В другой описи передано содержание жалованной грамоты от 20 октября 1707 г., т. е. 1499 г., подтверждавшей право «пану подчасему на куплю фольварка (курс. мой. — З. К.) Тучина» имения Холхла Минского повета³. Еще одна опись сохранила сообщение о грамоте королевы Боны от 20 ноября 1524 г., которой она «утвердила клецкому боярину Яцку Горбуновичу право на имение, относящееся к Адамчичам, выданное князем Иваном Ярославичем..., который фольварок (курс. мой. — З. К.) позже перешел во владение Кости Борисевича...»⁴. Эти свидетельства описей заставляют критически пересмотреть утверждение Д. Л. Похилевича, «что ко времени издания Первого статута (т. е. к 1529 г. — З. К.) фольварочно-барщинная система в Литве и Бе-

¹ Фонд № 694 составил Несвижский архив князей Радзивиллов, фонд КМФ-5, оп. 1 образован из микрофильмированных копий документов, присланных Главным архивом древних актов в Варшаве. Общую характеристику фонда 694 см. Т. Е. Леонтьев. Документальные материалы фонда князей Радзивиллов. В сб. Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР. Минск, 1971, с. 306—318.

² Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА) БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5790, л. 21.

³ Там же, д. 5704, л. 149.

⁴ Там же, д. 6113, л. 15, 18.

лоруссии отсутствовала»⁵. Приведенные нами тексты описей, а также опубликованные грамоты великого князя литовского от 19 VIII 1528 г. и 2 XI 1529 г., упоминающие фольварки при имениях Мстиславль и Радомль, т. е. на востоке Белоруссии, позволяют говорить, что фольварк, т. е. барщинно-крепостническое хозяйство, утвердился в Белоруссии на рубеже XV—XVI вв. Другие свидетельства описей убеждают, что задолго до «Уставы на волоки» 1557 г. фольварк прочно вошел в экономику феодального поместья, став хозяйственной традицией в организации для господствующего класса Белоруссии источником получения феодальной ренты⁶.

Серьезные коррективы вносят документы ЦГИА БССР в сложившееся представление о времени и содержании волочной померы в Белоруссии. Описи зафиксировали не известную ранее грамоту великого князя Сигизмунда от 20 июня 1532 г., предписывавшую «боярам бельским, чтобы [они] предьявили на свои имения грамоты»⁷. Подобную проверку как подготовительный акт к осуществлению волочной померы провела королева Бона в августе 1533 г., т. е. на год и месяц позже. Очевидно, В. И. Пичета ошибался, утверждая, что великокняжеское правительство «не было инициатором проверки прав на землю при осуществлении аграрной реформы» и приписывая эту инициативу Боне⁸.

Последующие за проверкой прав на землю мероприятия в области аграрной реформы также получают в свете документов обоих фондов новое освещение. Сохранилось ранее не известное письмо Сигизмунда-Августа от 7 апреля 1554 г., адресованное воеводе, трокскому князю Михаилу Юрьевичу Радзивиллу. В этом письме за три года до «Уставы на волоки» 1557 г. излагается ее главный замысел. Король в письме этом уведомлял воеводу, «што первосего умысливши есмо для розмноженья пожитков и лепшого покою подданных наших рассказали есмо земли вси замков, мест и волостей наших гдрских на волоки померыти, при которой помере волочной их потреба постановенья платов и пожитков наших и повинностей подданных ку вряду. Не меншую тех потребу обачивши коло порядности гдрства домового так в будованью дворном, в гумнах, в пашнях, в быдлах, в причиняню фолварков и ставов и иных всяких пожитков нших»⁹. В заключительной части письма сказано: «То все добре уваживши... послали есмо до тых дворов нших Лиды и Белицы и иных дворов и волстей нших где *волоки померены* сут (курс. мой. — З. К.) дворянина шного Мартина Фоленцкого, давши ему достаточную науку на писме за печатью шною и особливе реистр Уставы якося твья масть и врядники твои против подданным ншим справовати мают»¹⁰. Следовательно, во владениях Лида и Белица волочная помера была проведена до 1554 г. В 1554 г. уже возникла необходимость провести ее вторично, о чем говорят строки того же письма, предписывающие, чтобы там, где помера проведена была «неслушне... не подле уставы шное, таковыя померы казали есмо в нивошито оборочати и знову их померати...»¹¹. Из ряда других свидетельств видно, что волочная помера проводилась значительно раньше, причем неоднократно. Так, одна

⁵ Д. Л. По х и л е в и ч. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957, с. 11. По мнению М. Ф. Спиридонова, феодалы Белоруссии начали создавать фольварки еще в XV в. См. «Беларуская Савецкая Энцыклапедыя», т. XII. Минск, 1975, с. 91.

⁶ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5704, л. 149; д. 5724, л. 111; оп. 7, д. 934, д. 353.

⁷ Там же, д. 5724, л. 116.

⁸ В. И. П и ч е т а. Проверка прав на землю во владениях королевы Боны. В кн. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв. М., 1961, с. 11, 12.

⁹ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1336, л. 7.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

из описей называет несколько документов о проведении волочной померы в имении Жупраны в 1544 г., 1553 г., 1554 г.¹² Выписка из судебных книг старосты кобринского, державцы добучинского и селецкого Станислава Шалчевского, датированная 22 июня 1544 г., сообщает, что в Кобринской волости «...воляне (т. е. жители волости. — З. К.) гдрские в наших старых уходех с уряду (т. е. с разрешения властей. — З. К.) волоки себе разобрали». Показания жалобщиков, зафиксированные в этом документе, позволяют отнести начало померы к предшественнику названного выше старосты, т. е., видимо, к концу тридцатых годов XVI в.¹³ Текст инвентаря имения Ошмяны «Реестр попису двора гдрского Ошменского» прямо свидетельствует о проведении здесь волочной померы в 1551 г.¹⁴ По другим данным уже в 1551 г. проведенная волочная помера вызвала протест шляхты. На Виленском сейме 18 октября 1551 г. они обратились к великому князю литовскому от имени «княжат, панят, шляхты и всего рыцарства» с просьбой «абы шляхта листов на именья и на земли перед мерчыми волочными не покладали, иле для тых листов не мало земель шляхетских у волоки господарские померано, а отмены не дано». Примечателен ответ князя: «...его милость тую померу волочную на своих землях и на своих подданных постановити рачыл для розмноженья пожитков своих господарских, то ест волно его милости вчинити, бо теж и вы сами на своих именьях пожитки себе чините, а его королевская милость вам того не боронить...»¹⁵.

Приведенные данные серьезно корректируют суждения о времени и ходе проведения в Белоруссии волочной померы. Ошибочным оказывается утверждение будто королева Бона провела первый акт волочной реформы¹⁶. В действительности он хронологически выступает не первым, а по меньшей мере, третьим. Отпадает и версия будто у королевы Боны была своя собственная устава. Последняя уже существовала и служила основой при проведении померы во владениях великого князя литовского. Приведенные документы уточняют и датировку В. И. Пичетой волочной померы в Кобринской экономике на два десятилетия¹⁷. И что особенно существенно, позволяют дать более широкую оценку сущности самого акта о волочной помере. Отправной для такой оценки точкой послужило наблюдение К. Маркса, который, характеризую феодальный способ производства, отметил, что «при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть решающую роль. Ясно далее, что здесь... господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон»¹⁸. «Устава на волоки» 1557 г. законодательно оформила сложившуюся полувековую практику господствующего класса и верховной власти. Установленный ими социальный и хозяйственный режим, обеспечивавший рост доходности феодального поместья на основе барщинно-крепостнической эксплуатации, получил в «Уставе на волоки» наиболее полное нормативное обобщение. Не случайно для «Уставы на волоки» фольварк не является чем-то новым. Ста-

¹² Там же, д. 5724, л. 106, 107, 116.

¹³ Там же, д. 813, л. 334.

¹⁴ Там же, ф. КМФ-5, оп. 1, № 2972, л. 1.

¹⁵ «Русская историческая библиотека», т. XXX. СПб., 1914, ст. 176.

¹⁶ В. И. Пичета. Там же, с. 21.

¹⁷ В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958, с. 234.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 356.

тя 28, например, называет фольварки в числе традиционных, действующих объектов владения, представлявших денежную отчетность¹⁹.

Издание «Уставы на волоки» подготовило второй этап проведения волочной померы, суть которого состояла, как свидетельствуют архивные данные, в осуществлении вторичной померы, ввиду допущенных при первой ошибок. В Ошмянской волости она была осуществлена к 1560 г., в Пинском повете, имениях Ивье, Сухличи («в земле Клецкой»), Лебедеве (возле Молодечно) — к 1561 г. Как велика разница между первой и второй померой можно видеть на примере села Житновичи в Пинском повете. Здесь при первой помере в одном дворце было вымерено 2 волоки 17 моргов 20 прентов, во втором дворце — 2 волоки 7 моргов 5 прентов. При вторичной помере в этих дворцах оказалось соответственно 7 волок и 5 волок 15 прентов, т. е. в два с лишним раза больше. Новая помера увеличила общую сумму побора более чем вдвое²⁰. Все эти обстоятельства не получили отражения в историографии, но они серьезно корректируют представление о ходе осуществления волочной померы в Белоруссии.

«Устава на волоки» несомненно ускорила развитие фольварочно-барщинной системы в Белоруссии. К концу 60-х годов XVI в. она проникла во владения бояр. С этой точки зрения интерес представляет упоминание в одной из описей документа от 21 ноября 1571 г., содержание которого передано так: «Лист пана Яна Ходкевича земянам, шляхте и боярам Лебедемским, чтобы разрешили слугам князя его милости Миколая Радзивилла воеводы виленского осмотреть и переписать их фольварки»²¹. А ранее не известный документ, озаглавленный «Реестр померы волок имения Ивейского вельможной пани Анны Радзивилловны воеводицы Витебской Станиславовой Кищиной через Станислава Липского 1561 года» позволяет прийти к выводу, что «Устава на волоки» не являлась единственным нормативным документом, регулировавшим осуществление волочной померы и организацию барщинного поместья в Белоруссии. Весь документ, написанный на польском языке, состоит из двух текстов. В первом дано описание господского двора, города Ивье. Завершает эту часть документа предписание о посещениях костела мещанами и волощанами. Второй текст, озаглавленный «Устава на чинш»²², также на польском языке. Эта часть дословно совпадает с документом из другого фонда, написанным кириллицей в той же манере, что и «Устава на волоки», и озаглавленным «Устава на цынш»²³. В заглавии нет указания, кому эта «Устава» предписана, но статья 14 разъясняет это в таком предписании: «А каждый подданный на волоках своих зиме и лете у мили от двора Ивейского не мает заецов бити ни сетями ани псы... под виною рублем гроши...»²⁴. Другим ориентиром является раздел «Уставы», озаглавленный «А то Устава мещаном Ивейским»²⁵. Идентичность содержания обоих текстов позволяет заключить, что перед нами один и тот же документ в белорусском подлиннике и в переводе на польский язык. В польском тексте есть и прямое указание, кому и когда была выдана эта «Устава». После описания города Ивье и повинностей мещан сообщается, что «Устава дана под печатью ее милости пани (Анны Радзивилл. — З. К.) на волоки, а боярам путным, людям тяглым и осад-

¹⁹ «Устава на волоки и дополняющие ее документы шестой книги Литовских публичных дел Метрики Литовской». Юрьев, 1913, с. 25, 26 (далее — «Устава на волоки...»).

²⁰ ЦГИА БССР, ф. КМФ-5, оп. 1, № 1467; ф. 694, оп. 4, д. 1089, л. 4—5; д. 5724, л. 111, 129; оп. 5, д. 70, л. 6, 14—16.

²¹ Там же, ф. 694, оп. 4, д. 5724, л. 129.

²² Там же, ф. КМФ-5, оп. 1, № 1467, л. 1—13.

²³ Там же, ф. 694, оп. 2, д. 2347, л. 25—33.

²⁴ Там же, л. 27.

²⁵ Там же, л. 30.

ным вольным всего имения Ивейского как они в бытность и во время отсутствия своей госпожи должны нести работы, отдавать чинши, жито, овес, сено и выполнять другие повинности. 1561 августа 25...»²⁶.

Сопоставление белорусского текста «Уставы на цынш» и «Уставы на волоки» не оставляет сомнения в их генетической связи. Сходно построение текста, определение размера ряда повинностей и платежей, наименование групп крестьян, видов повинностей. Она также разбита на статьи. В разделе об имении их 27, в «Уставе мещанам» — 15.

Дословные и частичные совпадения текстов, нормативов, регламентационных предписаний отчетливо видны при сопоставлении обеих «Устав». Статьи 1, 8, 10, 11, 14, а также 16—18, 21—22, 27 Ивейской «Уставы» полностью либо частично соответствуют 1, 15, 19, 27, 33, 7, 13 статьям «Уставы на волоки». В разделе о повинностях мещан Ивья такие же совпадения статей 2, 3, 4—11, 14 Ивейской «Уставы» и соответственно 9, 10 и 11, 12 «Уставы на волоки».

Однако более примечательными следует признать расхождения между «Уставами». Они есть уже в первой статье о путных боярах. «Устава на волоки» знает только бояр «путных стародавних, а не вкупных»²⁷. Ивейская же «Устава» имеет в виду: «Бояре путные, з волоки, которые на жадные посылки от врадника з листа и на дорогу военную ездити, и на работу дворную николи ходити не мают»²⁸. Их положение резко отлично. В первой «Уставе» ничего не говорится о барщине и оброке, во второй (т. е. в Ивье) предписывается внесение оброка и чинша в размере: бочка овса и бочка жита, воз сена, два гуся, одна курица, 20 яиц (либо денежный взнос по указанным ставкам), а также платежи за невод два гроша, за стацию — 2,5 гроша, чинш за волоку — одна копа грошей. Кроме того, летом им предписывалась барщина — 12 толок²⁹. Бояре в Ивейской «Уставе» приравнены, по сути, к осадным крестьянам.

По-разному трактуют оба документа некоторые повинности тяглых крестьян. Статья 15 «Уставы на волоки» и статья 5 Ивейской «Уставы» называют одинаковое число дней еженедельной барщины (2), количество толок летом (12) и размер оброка. Но «Устава на волоки» предусматривает три нерабочих недели в году, приуроченных к рождеству, мясопустку и пасхе. Этого не знает Ивейская «Устава». Особенно резко отличаются размеры чинша. Согласно «Уставе на волоки», тяглые за надел хорошей земли платили 21 грош, средней — 12, плохой — 8, очень плохой («песковатого альбо блотливого») — 6 грошей³⁰. Ивейская же «Устава» требовала за надел хорошей земли 40 грошей, средней — 30, плохой — 20, т. е. в 2—2,5 раза больше³¹.

Текст об осадных крестьянах в «Уставе на волоки» составляет часть статьи 15, где идет речь и о тяглых повинностях, а в Ивейской «Уставе» он составляет статью 6. Оба текста дословно совпадают, но плата за надел в Ивье была вдвое большей. И еще одна очень важная особенность: в Ивейской «Уставе» бояре отличаются от крестьян только тем, что не выполняли еженедельной барщины. Остальные повинности у них были те же, что и у осадных крестьян. По оброку бояре, а также тяглые и осадные крестьяне в Ивье составляли одну группу, а «Устава на волоки» четко разграничивает эти три группы как по видам, так и по объему оплат, оброков, барщинного труда.

²⁶ Там же, ф. КМФ-5, оп. 1, № 1467, л. 13.

²⁷ «Устава на волоки...», с. 6.

²⁸ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2347, л. 25.

²⁹ Там же.

³⁰ «Устава на волоки...», с. 13.

³¹ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2347, л. 25.

С весьма существенным расхождением воспроизводит статья 10 Ивейской «Уставы» статью 19 «Уставы на волоки». Текст последней заканчивается указанием на часы отдыха в течение дня. Составители Ивейской «Уставы» это место опустили, но сохранили указание на общую длительность рабочего дня: от восхода до захода солнца³². Текст статьи 33 «Уставы на волоки» скорректирован в статье 14 Ивейской «Уставы» применительно к Ивейскому двору: «А каждый подданный на волоках своих зиме и лете у мили от двору ивейского не мает зацов бити, ни сетьми, ани псы... под виною рублем грошев, оком каждый на своей волоцы будет волен бити волка, куницу, лисицу, рыся, росомаху, белку»³³.

Как и статья 7 «Уставы на волоки», статья 15 Ивейской «Уставы» предусматривает смертную казнь, если войт будет уличен в том, что «подданным в работах фолкгу вчинил», беря за это плату. Но в ней значительно резче и категоричней подчеркнута полновластие господина в своем имении. «Устава на волоки» предусматривает при смене войта ревизорам ставить «мужа тоеж волости неподозроного, на которого подданные зvolent». Ивейская же «Устава» знает только волю господина, на что прямо указывают в ней статьи 18 и 21³⁴.

Общий смысл корректировки норм повинностей состоит в заметном увеличении размеров денежной ренты, нивелировки повинностей не только между тяглыми и осадными крестьянами, но и между боярами и обеими группами крестьян.

Рассмотренный документ раскрывает неизвестную ранее попытку создания феодалами на базе «Уставы на волоки» собственной регламентационной системы. Вариант этот в Ивейской «Уставе» отчетливо направлен к получению более высокой ренты. Он ярко отражает полное бесправие крестьянства и беспощадное самовластие феодала.

Ивейская «Устава на чинш» 1561 г. вносит серьезные поправки в сложившуюся трактовку осуществления волочной реформы. Судя по тексту Ивейского документа, система повинностей, установленная «Уставой на волоки», весь административный и хозяйственный режим, разработанный в ее статьях, играл роль образца, но отнюдь не единственно возможного варианта.

Ивейская «Устава на чинш» интересна и крайне важна как источник не только потому, что является уникальным документом. Его содержание позволяет уточнить сложившееся в литературе представление о значении «Уставы на волоки» 1557 г. для развития аграрных отношений в Белоруссии и Литве. Из содержания Ивейской «Уставы» не трудно заключить, что «Устава на волоки» была документом авторитетным и ряд ее положений имел нормативный характер. Однако, как мы могли убедиться, Ивейская «Устава» в ряде важнейших сфер социальной и хозяйственной жизни поместья не придерживается норм, узаконенных «Уставой на волоки», и тем самым порывает с традицией. Напомним ее самостоятельное определение повинностей боярства, собственные ставки чинша, иное решение вопроса о порядке замещения должности войта.

Даже если считать Ивейскую «Уставу на чинш» 1561 г. единственным документом, не знавшим аналогии в других крупных владениях, то и в этом случае «Устава на волоки» 1557 г. предстает не как новый шаг вперед в аграрных отношениях, а как законодательное оформление, юридическое обобщение сложившейся системы и нормы феодальной эксплуатации. Но если «Устава на волоки» 1557 г. обобщила и узаконила традицию, то Ивейская «Устава на чинш» 1561 г. отразила новые тенденции в развитии фео-

³² «Устава на волоки...», с. 16—17; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2347, л. 26.

³³ Там же, л. 27.

³⁴ Там же, л. 28, 28 об.

дального гнета, всей системы аграрных отношений. Крупный феодал порывал с традицией, низводя боярина до уровня барщинного крестьянина, резко увеличивая размер денежной ренты, категорически порвав с общинной нормой выбора сельского старшины. Все это указывало на стремление феодала к усилению крепостнической эксплуатации.

С рядом ранее не известных явлений знакомят документы о волочной помере на востоке Белоруссии. 20 января 1596 г. датирована грамота Сигизмунда III, в которой излагается жалоба мещан Кричева и крестьян Кричевской волости. Уже первые строки грамоты указывают на не известную ранее историкам Белоруссии категорию крестьян: в тексте после перечисления фамилий четырех мещан названы восемь волощан и среди них один «старец чернокунский». Далее излагалась жалоба перечисленных «от себе и именем всех и волощан чернокунцев и всех подданных наших крычовских на произвол Кричевского старосты князя Богдана Соломорецкого»³⁵. Интересно само известие о такой группе крестьян. Из последующего текста выясняется, что столкновение со старостой произошло вследствие сопротивления волощан и мещан, которое они оказали ревизорам и мерникам, проводившим в старостве волочную померу в 1593—1594 гг.³⁶ Это упоминание слишком общее, но позволяет точнее датировать распространение волочной померы на востоке Белоруссии. Документы ЦГИА содержат также прямые указания на проведение волочной померы в 1600 г. в имении Копысь, в 1609 г. — в Чечерском и Пропойском староставах, в 1639 г. — в имении иезуитов в Оршанском повете³⁷.

Особый интерес представляет выписка из земских книг Кричевского повета акта, составленного ревизорами 12 октября 1604 г.³⁸ В нем зафиксирован перевод служб, принадлежавших князьям, боярам, церковным приходам, городу, а также 43 селам «державы Крычовское», в волоки. Князья и бояре перечислены поименно, названо каждое село. Необычна и норма перевода: в каждой волоке ревизоры считали не 30, как обычно, а 20 моргов; в каждой службе насчитывалось по 10 волок. Дата ревизорского акта — 3 сентября 1604 г., а 12 октября он был вписан в земские книги. Документ позволяет составить четкое представление о земельных владениях местных феодалов на востоке Белоруссии. Он дает еще одно подтверждение того, что волочная помера проводилась неоднократно. Поскольку волочное измерение было проведено отдельно у феодалов, отдельно по каждому селу, документ отразил ранее не известную структуру землевладения в Кричевском старостве: 43 села имели 30 115 волок, а 17 феодалов — 6 105 волок. Лишь четверо из них имели свыше 500 волок, у остальных владения составили от 30 до 100 волок.

На такое же значение оригинального источника может претендовать и текст соглашения мерника, «подрядившегося» провести волочную померу в имении Сморгонь, с его владельцем. Соглашение было заключено 28 октября 1563 г. Как явствует из текста, мерник обязался «волоки разробить, померить и ку селеню сед селидьбы обобрать». Все это он обещает «чинить яко быть может налпей и наборздей»³⁹.

Свои обязанности мерник выполнял с помощью нанятых им помощников, а также крестьян имения. Владелец должен был предоставить в распоряжение мерника 12 человек и четыре сохи. Кроме того, крестьяне обязаны были содержать за свой счет лошадей мерника и нанятых им по-

³⁵ Центральный государственный архив древних актов, ф. 389, оп. 1, кв. 284, л. 160 (далее — ЦГАДА).

³⁶ ЦГАДА, ф. 389, оп. 1, л. 161.

³⁷ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 189, л. 18; оп. 4, д. 15556, л. 135; оп. 5, д. 100, л. 3.

³⁸ Там же, оп. 4, д. 1155, л. 60—62.

³⁹ Там же, л. 4.

мощников. Не трудно заключить, что кроме платы деньгами и натурой, которую давал владелец имения, помера отнимала немало времени и средств у крестьян. Эта ранее не известная деталь техники проведения померы, или ее организации — дополнительный штрих к объяснению того недовольства, которое она вызывала у крестьян.

Информация о помере, содержащаяся в ранее не известных инвентарях, интересна тем, что она ставит под сомнение утвердившееся представление о размере надела, который получал крестьянин в ходе осуществления померы. В инвентарях, отражающих померу, явно преобладает совместное держание надела размером в одну волоку двумя и более семьями⁴⁰. Основной массе крестьянских семей в Белоруссии, судя по инвентарям, помера не принесла надела размером в целую волоку. Проследить этот факт инвентари позволяют благодаря примененной в них технике переписи розданных волок. Во всех тех случаях, когда волоку приняла не одна семья, перечислены фамилии и имена всех, кто являлся держателем или принял данную волоку. Точный подсчет всех семей на волоке не всегда возможен, ибо часть записи инвентарей указывает в числе принявших волоку отца совместно с одним или несколькими сыновьями, не всегда отмечая взрослых они или нет, имеют ли собственные семьи. Но даже и без этих сведений инвентари, фиксирующие осуществленную померу, свидетельствуют, что односемейное держание волоки составляло сравнительно небольшую долю всех держаний. В этом убеждают наши подсчеты по инвентарям померы в восьми волостях⁴¹, результаты которых даны в табл. 1.

Таблица 1

«Семейный» состав одноволочного держания при проведении волочной померы

	Волости, в которых была проведена волочная помера	Дата проведения померы	К-во держателей на одной волоке				Всего семей	Уд. вес (%) односемейных держателей волоки
			Односемейных	2-х семейных	3-х семейных	4-х и более семейных		
1	Опшмянская	1551	37	14	3	6	107	34,4
		1560	45	57	5	2	109	41,3
2	Кайдановская	1586	282	189	27	—	687	41,0
3	Порецкая	1586	71	82	1	—	235	30,2
4	Станьковская	1586	96	103	—	—	302	31,8
5	Зычинская	1588	72	55	—	—	182	49,8
6	Смолевичская	1586	141	52	6	1	267	49,7
7	Старинская	1588	92	100	12	—	318	28,9
8	Рубежевичская	1588	181	75	2	3	349	51,8
	Всего		1017	727	56	12	2556	47,6

В правильности инвентарей, фиксировавших результаты волочной померы, нет основания сомневаться, ибо они составлялись лицами, непосредственно проводившими померу, либо управляющим имением. Об этом сообщают заголовки инвентарей, подписи, скрепляющие текст инвентаря.

Сопоставление «померных» инвентарей с инвентарями, составленными в конце XVI в., подтверждает мнение о заметном удельном весе совмест-

⁴⁰ В. И. Пичета лишь отметил этот факт как свидетельство прочности «старых форм землевладения» при характеристике состава населения в господарских волостях и дворах в Западной Белоруссии после реформы. См. «Белоруссия и Литва в XV—XVI вв.», с. 80.

⁴¹ ЦГИА БССР, ф. КМФ-5, оп. 1, № 2972, № 1696, № 2973.

ного держания несколькими семьями надела в одну волоку. Так, инвентарное описание с. Любань Лахвенской волости от 16 июня 1589 г. называет шесть двух- и трехсемейных держаний полуволочного надела⁴². Инвентарь имения Залужье от 3 X 1592 г. свидетельствует, что из 45 одноволочных держаний 29 принадлежало двух-трех- и четырехсемейным⁴³. Такое же преобладание совместного держания одной волоки несколькими семьями фиксируют инвентари имений Затурье 24 III 1595 г., Николаево-1596 г.⁴⁴

Наличие в фонде КМФ-5 сопоставимых инвентарей позволяет провести и другие весьма важные наблюдения. Отметим эволюцию крестьянского надела при сравнении данных инвентарей одного владения, составленных в конце XVI в. и в середине XVII в. Произведенные нами подсчеты дали следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

Изменение крестьянского надела

	Название имения	Год составления инвентаря имения	Всего крестьян в имении	В том числе имевших надел						Уд. вес крестьян с наделом в 1/2 волоки	Уд. вес крестьян с наделом менее 1/2 волоки
				1 волоку	2/3 или 3/4 волоки	1/2 волоки	1/3 волоки	1/4 волоки	менее 1/4 волоки		
1	Ивьё ←→	1598	529	109	24	257	.86	50	3	49,1	26,3
		1634	674	15	37	282	157	155	28	41,9	50,1
2	Койданов ←→	1588	948	329	1	581	37	—	—	61,2	3,1
		1647	803	61	29	527	37	143	6	65,6	23,1
3	Деревна ←→	1591	179	68	—	106	—	5	—	59,1	2,8
		1646	537	42	15	235	33	209	3	43,2	44,1
4	Ишкольд ←→	1598	222	25	4	102	27	36	28	49,8	40,1
		1633	236	34	4	142	2	54	—	60,1	23,9
5	Смолевичи ←→	1586	284	132	2	120	23	6	—	42,9	10,1
		1640	729	24	39	282	167	200	17	38,9	54,1

Таблица составлена по инвентарям, хранящимся в фонде КМФ-5, оп. 1, № 1468, 1469, 1696, 1698, 734, 736, 1380, 1384, 3871.

Материалы инвентарей отчетливо свидетельствуют о стремительном сокращении пахотного надела до катастрофической для удовлетворения минимальных нужд крестьянской семьи нормы, о резком возрастании уже в последней трети XVI в., в сравнении с «Уставой на волоки» 1557 г., т. е. за три-четыре десятилетия эксплуатации крестьянства. Так, из инвентарей 18 имений, составленных в последней трети XVI в., только в трех указана двухдневная барщина, в девяти — трехдневная, а в шести имениях — четырехдневная барщина в неделю. В два раза был увеличен и размер взимаемого чинша⁴⁵. Инвентари первой половины XVII в. знают четырехдневную барщину в качестве правила. Встречаются уже имения, где летом крестьянам предписывалось нести барщину «сколько понадобится»⁴⁶.

В инвентарях феодальных поместий, хранящихся в ЦГИА БССР, сохранилось немало актовых записей о продаже крестьян без земли. Наиболее ранний документ датирован 1491 г. В XVI в. и первой половине XVII в. продажа, передача в залог, аренду крепостных становится в Вели-

⁴² Там же, ф. 694, оп. 2, д. 4186, л. 2—5.

⁴³ Там же, оп. 4, д. 1066, л. 59—60.

⁴⁴ Там же, ф. КМФ-5, оп. 1, № 4668; № 2399.

⁴⁵ ЦГИА БССР, ф. КМФ-5, оп. 1, № 2482, 2973, 4292, 1467, 1687, 2069, 796, 1696, 734, 735, 4668, 1380; ф. 694, оп. 2, д. 7711, л. 177—181, д. 1599, л. 1—5; оп. 4, д. 1625, л. 1—6, д. 1066.

⁴⁶ «Инвентарь имения Жарновка Минского воеводства 1645 г.». ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 5, д. 119, л. 4.

ком княжестве Литовском и, в частности, в Белоруссии обыденным, повседневным явлением внутренней политики господствующего класса.

Отмеченные черты феодальных отношений, не исчерпывали, однако, всего существа социально-экономической действительности белорусской феодальной деревни. Следует избегать упрощенной оценки хозяйства крепостного крестьянина в Белоруссии, поскольку при ее рассмотрении нельзя исходить только из данных о структуре и масштабах феодальных повинностей, размера земельного надела, о чем свидетельствуют некоторые документы. Одна из записей в земской книге Минского воеводства за 1625 г. сообщает об исчезновении из сел Оминовичи, Жарновка имения Житин в ночь с 10 на 11 февраля («подданных отчичов власных маестности людей добре заможных купцов» (курс. мой. — З. К.) и далее следует перечисление восьми семей крепостных крестьян, главы которых вели обширную торговлю зерном, скотом, пенькой, а один из них даже «витины до Кролевца спущал, коми, быдлом, купчыл с двема сынами». Из этого же имения из сел Жарновка и Ляды в 1641 г. бежала и поселилась в Бельничках (возле Могилева) группа крестьян, среди которых четыре главы семей были купцами⁴⁷. Об одном из них, Пашке Ходюшенко, сказано, что он «конми, быдлом, розным збожом, такеж слонинами, садлами, маслами, сырами купчил»⁴⁸. Этот документ указывает на явление, которое еще не освещалось в литературе по истории Белоруссии рассматриваемого периода. В нем имущественная дифференциация в белорусской деревне раскрывается более полно, что позволяет яснее представить проблему генезиса капитализма на этапе развитого феодального способа производства в Белоруссии.

Самого пристального внимания заслуживают имеющиеся в рассматриваемых фондах ЦГИА БССР свидетельства о сопротивлении крестьян феодальному гнету, произволу великокняжеской администрации. Для более широкого и обстоятельного освещения этой важнейшей стороны социально-политической действительности Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. особый интерес представляют восемь грамот великого князя за 1500, 1511, 1547, 1548, 1554, 1565, 1560, 1563 гг.⁴⁹. Они развенчивают получившую распространение в исторической литературе теорию о защите великокняжеской властью старины, охранительницей которой она себя объявляет в указанных грамотах. В действительности, под стариной она понимает свое право бесконтрольной власти над жизнью, трудом и имуществом жителей восточных волостей и городов. Крестьяне и горожане требуют соблюдения их старины, т. е. тех черт жизни, которые утвердились издревле, когда не было поборов, повинностей, налогов, взимаемых великокняжеской администрацией. Раньше в историографии не отмечалась эта принципиальная разница в трактовке старины великокняжеской властью и населением Поднепровья.

В фонде 694 свыше 200 дел о бегстве крестьян⁵⁰. В борьбе с бегством Радзивилл пытался опереться на состоятельную часть крестьян. Свидетельство тому — грамота князя Альбрехта Радзивилла от 16 июля 1634 г. Он предписывает своему управляющему: «Объяви и пригрози везде в селах, чтобы войты, лавники, старцы и десятники, надежные и состоятельные (peneni i zamożsci) следили и наблюдали за каждым в своем десятке»⁵¹. Важно отметить, что содержащиеся в этой группе документов данные о

⁴⁷ Там же, оп. 4, д. 1012, л. 37.

⁴⁸ Там же, л. 16, 48, 49.

⁴⁹ Там же, д. 1556, л. 5—17, 21, 25, 31—33, 35—36, 46—47, 64—68.

⁵⁰ Там же, оп. 7, д. 934, л. 189, 506; оп. 4, д. 5704, л. 18—22, 24, 27, 45; д. 5711, л. 35; д. 6107, л. 61—62; д. 5763, л. 127, 132; д. 6086, л. 4, оп. 1, д. 5, л. 17 и др.

⁵¹ Там же, оп. 4, д. 2026, л. 46.

хозяйстве, имуществе бежавших позволяют рассматривать бегство не только как протест разоренных крестьян, но и как попытку спастись от разорения, поиск оптимальных возможностей ведения хозяйства в условиях феодального способа производства.

В инвентарях отчетливо выступает и другая форма сопротивления крестьян — недоимки. Они выражены в значительных суммах денег, продуктов, не внесенных целыми селами, волостями за несколько лет. Как утверждал один из управляющих Радзивилла Лукаш Василевич в докладной князю 22 апреля 1663 г., многие крестьяне имения не платят побор «не так из-за недостатка, сколько из-за того, что не хотят платить... из-за нынешнего взбунтования хлопского»⁵². По нашим подсчетам недоимки в ряде имений составляли от 10 до 40% натуральной ренты ежегодно.

Можно заключить, что рассмотренные документы из ЦГИА БССР окажутся прочной базой для углубленной разработки истории крестьянства, эволюции аграрного строя в Белоруссии XVI — первой половины XVII в.

⁵² Там же, оп. 1, д. 291, л. 33—34.

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ЛУЖИЦКИХ СЕРБОВ

В настоящей статье мы хотели бы сделать некоторые замечания о развитии исторических знаний о лужицких сербах в связи с изданием 4-томной «Истории лужицких сербов»¹. Марксистско-ленинская концепция истории лужицких сербов сложилась в процессе критического пересмотра исторических воззрений мелкобуржуазных серболужицких деятелей². Их борьба против антидемократических, шовинистических, враждебных по отношению к славянам и лужицким сербам, в частности, концепций буржуазной историографии империалистической Германии — особенно Остфоршунга и буржуазного краеведения, носившая в основном оборонительный характер, в условиях нового соотношения сил между социализмом и капитализмом после 1945 г. была продолжена с классовых позиций рабочего класса и стала наступательной³. В связи с борьбой серболужицких трудящихся за социализм и за создание немецкого рабоче-крестьянского государства, общей родины лужицких сербов и немцев, формировалась марксистско-ленинская историческая концепция лужицких сербов. Мои замечания касаются развития историографии от мелкобуржуазно-демократических представлений серболужицкого национального движения до современной марксистско-ленинской исторической концепции.

¹ «Geschichte der Sorben», bearb. durch ein Autorenkollektiv, Gesamtedition J. Šolta (Leiter), K. J. Schiller (Sekretär), M. Kasper, F. Mětšk, Bd. 1, Von den Anfängen bis 1789, Vf. J. Brankač, F. Mětšk u. a., Bautzen, 1977; Bd. 2, Von 1789 bis 1917, Vf. J. Šolta, H. Zwahr u. a., Bautzen, 1974; Bd. 3, Von 1917 bis 1945, Vf. M. Kasper, Bautzen, 1976; Bd. 4, Von 1945 bis zur Gegenwart, Vf. K. J. Schiller, M. Thiemann, Bautzen, 1979.

² J. Šolta. Die neuere sorbische Geschichte im Lichte der Thesen zum V. Bundeskongress der Domowina. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее — ZfG), IX (1961), H. 6, S. 1362—1369; е р о ж е. Das nationale Geschichtsbild der deutschen Arbeiterklasse und die sorbische Geschichte, ZfG, XI (1963), H. 3, S. 570—576; M. Kasper. K problematice historického postupu w serbskich stawiznach. «Rozhlad», XII (1962), № 7/8, s. 209—221; J. R a u p p. Wo problematicke serbskeho kulturneho wuwica. Ibid., s. 221—245; H. Z w a h r. K někotrym problemam nowšich serbskich stawiznow 1848/49 — 1914. Ibid., s. 246—256; J. Š o l t a. Über die aktive Rolle der Volksmassen in der Geschichte der Sorben. In: Protokoll einer gemeinsamen Konferenz des Bundesvorstandes der Domowina und des Instituts für sorbische Volksforschung der Deutschen Akademie der Wissenschaften zur sorbischen Geschichte am 28. 6. 1972, hrsg. im «Auftrage des Sekretariats des Bundesvorstandes der Domowina» als Beilage der Zeitschrift «Serbska šula» (Bautzen, 1972), S. 8—31; J. G r ó s, M. K a s p e r. Die entscheidende Rolle des sorbischen werktätigen Volkes in der Geschichte der Domowina. Ibid., S. 32—48.

³ F. Mětšk. Das Interesse der Ostforschung des westdeutschen Imperialismus an den Sorben. Bautzen, 1968.

Исторические взгляды мелкобуржуазно-демократического характера у лужицких сербов возникли в период перехода от феодализма к капитализму, особенно в связи с усиливавшимся сопротивлением феодальному угнетению и национальному бесправию⁴. Они получили значительные импульсы в эпоху Просвещения, которая содействовала становлению и развитию серболужицкого национального сознания, утвердившемуся к 1848 г. Этот процесс происходил в связи с развитием литературы и культуры других славянских народов. В период, когда буржуазия выступала против феодализма, эта тенденция не противоречила развитию немецкого народа. Национально-культурная активизация лужицких сербов была народа. Национально-культурная активизация лужицких сербов была скорее специфическим выражением антифеодального движения в Германии.

В развитии исторических воззрений мелкобуржуазных демократических деятелей серболужицкого национального движения выделяются четыре большие фазы: 1) просветительская (приблизительно с середины XVIII в. до 1815 г.); 2) романтическая (с 1815 г. до 1848/49 гг.); 3) период стагнации и постепенно начинающейся новой ориентации (вторая половина XIX в.) и 4) проявления общего демократического характера серболужицкого национального движения, направленного против империалистической политики угнетения (конец XIX в. до 1945 г.). Переход от одной фазы к другой происходил, разумеется, медленно, поэтому цезуры имеют лишь условное значение.

В период расцвета Просвещения лейпцигская Вендская коллегия проповедников стала фокусом серболужицких просветителей и местом, где происходили их встречи с немецкими просветителями. В то время, когда в Праге еще царили иезуиты, в Лейпциге под влиянием немецкого Просвещения формировались воззрения деятелей серболужицкой культуры. Развивая серболужицко-германские культурные связи, эти деятели укрепляли свое национальное самосознание⁵. Этому способствовало также основанное в 1779 г. в Герлице Верхнелужицкое общество наук, активными членами которого были лужицкие сербы⁶.

Разносторонние славяно-германские и серболужицко-германские связи в эпоху Просвещения были совершенно естественным явлением. Гердер, проявляя интерес к культурным достижениям, к народной поэзии и песне, уважение к славянским народам, также оказал большое влияние на развитие национального сознания у лужицких сербов⁷. Основываясь на достижениях серболужицкой этнографии, мне хотелось бы подчеркнуть основную мысль статьи У. Лемана, что значение Гердера следует видеть в выражаемой им связи просветительских исследований славянских ученых и исследований о славянах, в трактовке им истории славян в просветительском духе, а также в том, что он дал новый импульс развитию славяноведения — хочется думать — и не только немецкого⁸.

⁴ J. Šolta, H. Z w a h r u. a. Geschichte der Sorben, S. 19—28.

⁵ J. B r a n k a č k, F. M ě t š k u. a. Geschichte der Sorben, S. 297—308; J. Šolta. Zumbubürgerlich-demokratischen Geschichtsbild der Lausitzer Sorben im Zeitalter der Aufklärung. In: Johann Gottfried Herder. Zur Herder-Rezeption in Ost- und Südosteuropa. Berlin, 1978, S. 136—145, 248—250.

⁶ W. Z e i l. Karl Gottlob von Anton und seine Beziehungen zu den Sorben. «Lětopis», B. 15 (1968), S. 1—17, 175—220; e г о ж е. Zur Bedeutung der «Oberlausitzischen Gesellschaft der Wissenschaften in Görlitz für die kulturell-geistige Entwicklung der Slawen und für die Geschichte der Slawistik». In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts, hrsg. von H. Grasshoff und U. Lehmann u. a., Bd. IV. Berlin, 1970, S. 291—299.

⁷ P. N e d o. Johann Gottfried Herder. Wulki němski patriot a zakitowar prawow potłócowanych ludow. «Rozhlad», IV (1954), № 1, s. 9.

⁸ H. L e h m a n n. Herder und die Slawen. Problem des Geschichtsbildes und Geschichtsverständnisses aus historischer Perspektive. In: Wissenschaftliche Mitteilungen der Historiker-Gesellschaft der DDR. Berlin, 1977. B. II, S. 41—61.

Наряду с такими особенно примечательными учреждениями эпохи Просвещения, как Коллегия проповедников в Лейпциге, Верхнелужицкое общество наук в Герлице и основанный в конце века Вендский семинар в Праге, имелись зачатки плебейско-демократического направления в формирующемся общественном и национальном сознании лужицких сербов. Это направление было связано с антифеодальным движением крестьян; демократические деятели поддерживали крестьян в их борьбе (М. Будар), а также защищали их, когда под влиянием французской революции крестьянская классовая борьба вступила в радикальную фазу (А. Тамм). Основание в 1807—1810 гг. серболужицких газет плотником из Будишина Я. Д. Дейкой означало продолжение этой деятельности⁹.

Движение просветительского характера в Лужицах противостояли писатели, государственные и церковные деятели и помещики, пытавшиеся перенести антагонизм между закрепощенными крестьянами и дворянами-помещиками на отношения между народами¹⁰. Они стремились представить классовую ненависть крестьян к помещикам как «социальные заблуждения и предрассудки вендского национального духа» (граф И. В. Риш)¹¹, как «неистребимую ненависть к немцам» (К. Г. Шмидт)¹² и таким образом усиливали национальные противоречия. Приписывая лужицким сербам враждебность по отношению к прогрессу, они доивались уничтожения серболужицкого языка, родного языка крестьян. Насильственное введение в школах немецкого языка, чужого и для детей и для родителей, препятствовало делу народного образования. Социально-экономическое, духовное и культурное развитие лужицких сербов было затруднено¹³.

Борьба против враждебных лужицким сербам мероприятий, в которой наряду с серболужицкими просветителями участвовали и немецкие просветители, ускорила формирование национального самосознания лужицких сербов. Происходившая в то же время германизация усиливала дифференциацию в и без того весьма небольшой интеллектуальной прослойке серболужицкого народа¹⁴. Деятели, связанные с народом, с развитым национальным чувством, стремились доказать жизненную силу серболужицкого языка и его способность к совершенствованию и возможность на его основе развития народного образования и культуры. Эти устремления обусловили необходимость тесных культурных и научных контактов с другими славянскими народами, такими как чехи и словаки, которые также ревностно заботились о своем родном языке и национальной культуре. С другой стороны, рос интерес славянских ученых к лужицким сербам. Этот процесс был характерен для времени перехода к романтической фазе и для фазы так называемого возрождения славянских народов.

⁹ J. S o l t a. Zum bürgerlich-demokratischen Geschichtsbild..., S. 140—141.

¹⁰ F. M ě t š k. Ideologen der antisorbischen Sprachpolitik während der Periode des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus. Eine Quellensammlung. Bautzen, 1973.

¹¹ «Gedanken eines Lausitzischen Patriotens». Dresden, 1805. Цитируется по копии О. Вичаза.

¹² Цит. по F. M ě t š k. Ideologen..., S. 9.

¹³ J. S o l t a. Volksbildung, Kultur und sorabistische Wissenschaft der Lausitzer Sorben im Kampf gegen nationale Entrechtung und Unterdrückung. «Lětopis», В. 24/2 (1977), S. 139; е г о ж е. Национальное движение и культура лужицких сербов (Проблема народного образования в начале XIX в.). В сб. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. М., 1978, с. 58—59.

¹⁴ J. S o l t a. Die Lausitzer Sorben und ihre Nachbarn in der Zeit von 1789 bis 1848. Ein Beitrag zur Frage der internationalen Wechselbeziehungen der sorbischen Geschichte. «Lětopis», В. 22/1 (1975) S. 54—55; P. K u n z e. Die soziale und nationale Lage der sorbischen Bevölkerung in der späteren preussischen Ober- und Niederlausitz in den Jahren 1789 bis 1815. «Lětopis», В. 20/2 (1973), S. 182—211.

Еще более решительно велась борьба с враждебными к славянам либеральными идеями немецкой и мадьярской буржуазии в десятилетие перед революцией 1848 г.¹⁵ Чем очевиднее становился противоречивый характер либерализма и чем больше возрастающая реформистская направленность ослабляла его прогрессивную оппозицию феодализму, тем сильнее проявлялись противоречия между развивающейся буржуазией различных наций. Потребность в антифеодальной революционной солидарности быстро исчезла у буржуазии, склонной к реформам и компромиссам с господствующим классом. С 1840—1841 гг. национальные движения славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы обвинялись в панславизме, состоящем на службе у царизма¹⁶. Такое обвинение со стороны мадьярских и немецких либералов было оружием, использовавшимся в классовых интересах отходящей от революционных позиций буржуазии. Его нельзя путать с революционной критикой панславизма Марксом и Энгельсом в 1848—1849 гг.

Лужицкие сербы связывали с прогрессивными буржуазными преобразованиями признание их как равноправной славянской национальности и уважение своих культурных и литературных связей с другими славянскими народами. В экономическом, социальном и политическом отношении они считали себя связанными с историей немецкого народа. Движущей силой национального движения и выразителем самосознания лужицких сербов, которое соответствовало уровню развития серболужицкой национальности в Лужицах перед буржуазно-демократической революцией 1848—1849 гг. и во время нее, было прежде всего крестьянство. Его социально-экономические, государственно-политические и национально-культурные интересы выражали демократические деятели. То, что лужицкие сербы представляли собой резерв демократического движения в 1848—1849 гг., когда они осознали политическое значение национальной проблемы в Лужицах, мы видим в позиции Будишинского Союза родины, руководимого С. Э. Туширнером, проявившим достойную внимания инициативу политического объединения¹⁷. Демократам же в округе Котбус и в Нижних Лужицах недоставало такого сознательного отношения к национальной проблеме, что позволило юнкерам подчинить своему влиянию серболужицких крестьян, последствия которого ощущалось многие десятилетия¹⁸.

Обособление умеренно-просветительского и плебейско-демократического направлений, заметное уже в XVIII в., продолжалось в XIX в. и в революционные 1848—1849 гг., и привело к резкой дифференциации в серболужицком национальном движении. Летом 1848 г. серболужицкие газеты «Serbski nowinar», «Tudženska nowina» и «Bramborski serbski casnik» четко отражали демократическое, либеральное и консервативное течения, причем последнее находилось вне национального движения, противостояло ему¹⁹.

Особенностью исторического развития серболужицкого народа явилось отсутствие национальной буржуазии, если не принимать во внимание прослойку деревенской буржуазии. Национальное движение обуславливалось прежде всего потребностями и воззрениями трудящихся народ-

¹⁵ J. Solta. Die Lausitzer Sorben..., S. 55—59.

¹⁶ В. К. Волков. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм». В сб. Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, с. 25—69.

¹⁷ E. Hartstock. Die sorbische nationale Bewegung in der sächsischen Oberlausitz 1830—1848/49. Bautzen, 1977, S. 93—100.

¹⁸ J. Solta, H. Z w a h r u. a. Geschichte der Sorben, S. 118—119.

¹⁹ Ibid., s. 115—127.

ных масс. Если бы серболужицкие деятели восприняли исторические представления немецкого Просвещения, они не следовали бы реакционным идеям немецкой буржуазии во второй половине XIX в. и позднее. Национальное движение ставило бы себе иные задачи. Дружеские отношения между Теодором Фонтане и лужицкими сербами, особенно после 1871 г., составляли характерное для обеих сторон исключение²⁰.

Новый подъем серболужицкого национального движения в последней четверти века сопровождался активным восприятием славянских культур. Серболужицкое искусство и сорабистическая наука еще не понимали идей революционной борьбы рабочего класса. Зато росла причастность к культурному развитию других славянских народов, большинство из которых вело демократическую национально-освободительную борьбу. Культурные связи развивались вопреки воле серболужицких консерваторов, которые в связи с усилением немецкого шовинизма трусливо избегали славянской культурной взаимности²¹. В основном национальное движение придерживалось мелкобуржуазно-демократической исторической концепции, ясности и действенности которой, однако, временами наносило ущерб объективное ослабление мелкобуржуазно-крестьянских слоев и восприятие ею некоторых консервативных черт.

Основными признаками мелкобуржуазной национальной исторической концепции серболужицкого национального движения были: во-первых, долгое время почти исключительно крестьянская ориентация и связанная с этим непомерная замкнутость по отношению к социалистическому рабочему движению, что иногда напоминает народничество в России; во-вторых, недооценка социального фактора в национальном вопросе, а потому односторонний акцент на этнические черты; в-третьих, непонимание реальной меры общности в историческом развитии серболужицких сербов и немцев, в социальных движениях трудящихся слоев серболужицкой и немецкой национальности, прежде всего в революционном рабочем движении, в истории которого нет специфически серболужицких событий или отдельных по национальному признаку учреждений; в-четвертых, склонность к самоизоляции и обособлению этнической группы в капиталистической Германии.

Конечно, в ходе исторического развития имелись модификации, особенно с переходом к империализму. Были и внутрисерболужицкие столкновения, о чем свидетельствовало младосерболужицкое движение с его высшими точками в 70-е и 90-е годы и споры вокруг основания Домовины в 1912—1913 гг. Тенденции консерватизма и клерикализма, попытки насаждения юнкерско-буржуазной идеологии, социальные и политические стремления серболужицкого кулачества, противоречившие интересам трудящихся, встречали отпор со стороны демократических сил. Вместе с прогрессивным процессом социальной и политической дифференциации серболужицкого населения²² и с обострением классовой борьбы в империалистической Германии усиливалась общедемократическая направлен-

²⁰ F. Mě t š k. Theodor Fontanes Begegnungen 1859 im Spreewald. Versuch einer kultur- und volksgeschichtlichen Kommentierung des Spreewaldkapitels seiner «Wanderungen durch die Mark Brandenburg». In: Theodor Fontanes Werk in unserer Zeit. Potsdam, 1966, S. 67—80; е г о ж е. Das Oberland in Fontanes Wendenkonzeption. In: Fontane Blätter, 1 (1969), H. 8, S. 388—409.

²¹ J. S o l t a. Die sorbische nationale Minderheit im preussischdeutschen Kaiserreich von 1871. Zur Frage ihrer Stellung zwischen den gesellschaftlichen Hauptklassen in der Vorzeit und zu Beginn des imperialistischen Deutschlands (в печати).

²² J. S o l t a. Die Bauern der Lausitz. Eine Untersuchung des Differenzierungsprozesses der Bauernschaft im Kapitalismus. Bautzen, 1968, S. 238—247; е г о ж е. Die kapitalistische Klassendifferenzierung der Bauernschaft von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Beginn des zweiten Weltkrieges, dargestellt vornehmlich am Beispiel der Lausitz. «Lëtöpis», B. 15/2 (1968), S. 235—245.

ность национального движения, которое в годы гитлеровского фашизма смогло противостоять капитулянству реакционных консервативных элементов и диктату унификации. Затем последовали запрет всякой национальной культурной деятельности, ликвидация национальных учреждений, конфискация и уничтожение серболужицких культурных ценностей, преследования и изгнание демократических деятелей из Лужиц, заключение их в тюрьмы и концентрационные лагеря, возникла опасность выселения всего серболужицкого народа ²³.

Уже перед первой мировой войной из рядов социал-демократии раздавались отдельные критические голоса, направленные против слишком узкой политической ориентации серболужицкого национального движения ²⁴. Под влиянием Октябрьской революции серболужицкий коммунист К. Янак вел в 1919 г. принципиальную дискуссию с руководителями серболужицкого движения относительно новой ориентации в национальном вопросе ²⁵. В Веймарской республике, примерно, с 1925 г. КППГ, благодаря своим лозунгам в духе ленинской политики классовых союзов и по национальному вопросу приобрела заметное влияние на серболужицких трудящихся и прогрессивные силы национального движения ²⁶. Обсуждались позиция по отношению к Советскому Союзу, принципы пролетарского интернационализма, взаимосвязь социального и национального вопросов. Живой интерес у серболужицких трудящихся вызвало положение крестьян и решение национального вопроса в Советском Союзе. Представители лужицких сербов вошли в состав делегации, посетившей СССР в 1927 г. ²⁷ Делегаты серболужицких трудящихся приняли активное участие в созванном по инициативе КППГ общегерманском конгрессе трудящихся в Берлине в 1926 г.

Однако все это было лишь началом новой политической ориентации. Усиление демократических элементов еще не привело до 1945 г. к преодолению мелкобуржуазно-национальной узости в исторической концепции. Так, возрожденная 10 мая 1945 г. Домовина начала свою деятельность прежде всего как антифашистско-демократическая организация серболужицкого народа. Марксистско-ленинская концепция истории серболужицкого национального меньшинства стала формироваться только в революционном процессе, начинавшемся с антифашистско-демократических преобразований.

При формировании марксистско-ленинской исторической концепции у лужицких сербов решающими были прежде всего следующие факторы: роль марксистско-ленинской партии рабочего класса как ведущей силы в революционном процессе; активное участие серболужицких трудящихся в проведении революционных преобразований и в построении социализма, нашедшее отражение и в деятельности Домовины, которая на своем VII съезде в 1969 г. была преобразована в социалистическую национальную организацию серболужицких трудящихся в ГДР; юридическое и фактическое равноправие лужицких сербов с немцами в ГДР; формирование к началу 60-х годов совершенно новой социальной структуры серболужицкого национального меньшинства; всемерная помощь, оказываемая немецким рабоче-крестьянским государством серболужицкому национальному меньшинству; социалистическая революция в области идеологии и культуры.

²³ M. K a s p e r. Geschichte der Sorben, S. 123—182.

²⁴ J. S o l t a, H. Z w a h r u. a. Geschichte der Sorben, S. 269.

²⁵ M. K a s p e r. Geschichte der Sorben, S. 29—30; J. S o l t a. Abriss der sorbischen Geschichte. Bautzen, 1976, S. 151.

²⁶ M. K a s p e r. Der Lausitzer Bauernbund. Ein Beitrag zur Geschichte der demokratischen Bauernbewegung in der Oberlausitz 1924—1932. Bautzen, 1967, S. 34.

²⁷ Ibid., S. 56—59.

Как подчеркивает Й. Штрайзанд, во-первых, «характер общественного строя и классовая принадлежность отдельного лица определяют, что привлекает его внимание в истории, во-вторых, каждый класс использует встречу с прошлым для расширения своей исторической концепции и осуществления своей идеологии»²⁸. И хотя это дело не одних историков, но все же в особенности «общественной задачей исторической науки, преподавания истории и пропаганды истории было раскрытие исторического значения этого процесса (процесса революционного преобразования с 1945 г. — Я. Ш.) и внедрение этого в сознание рабочего класса и других трудящихся классов и слоев»²⁹.

Неотложные потребности общества обусловили, что серболужицкая история, которой некогда занимались менее интенсивно по сравнению с языкознанием, этнографией и демографией, в 50-е годы стала основным направлением серболужицкого народоведения. Зрелая марксистская концепция и планомерно ведущаяся научная деятельность обеспечили возможность создания труда «Истории лужицких сербов»³⁰.

Если до 1945 г. сорабисты несколько односторонне концентрировали свое внимание на языковых и культурных явлениях, то в комплексном серболужицком народоведении — сорабистике, которая в 50-е годы превратилась в самостоятельную научную дисциплину, внимание уделяется также экономическим и социальным вопросам и политической борьбе трудового народа. В разработке этих вопросов важное место занимает историческая наука.

В 50-е годы значительно расширились задачи серболужицких исторических исследований. Было начато изучение аграрной проблематики, позднее сосредоточилось внимание и на вопросах развития промышленности, антифеодалного крестьянского движения и классовой борьбы пролетариата. Одновременно велась огромная научно-популяризаторская и пропагандистская работа, имевшая большое значение для формирования марксистско-ленинской исторической концепции.

Серболужицкая историография идет в ногу с развитием немецкой марксистско-ленинской исторической науки в ГДР, которая, как и другие общественные дисциплины, отражает идеологическую деятельность партии рабочего класса и является ее составной частью³¹. Овладение марксистским учением по аграрному и крестьянскому вопросам при капитализме, об отношении крестьянства и мелкой буржуазии к революционному рабочему движению, о взаимосвязи демократии и социализма, а также о союзе рабочего класса с другими трудящимися дало большие результаты. Исследование В. Кюттлера продемонстрировало, что дальнейшее теоретическое развитие марксизма в этом комплексе вопросов происходило в связи с глубоким анализом внутреннего развития России после 1861 г. и истории Восточной Европы в научной концепции Маркса, Энгельса и Лени-

²⁸ J. Streisand. Die Geschichte im geistig-kulturellen Leben der DDR. ZfG, 26 (1978), H. 3, S. 202.

²⁹ Ibid., S. 199.

³⁰ J. Solta. Forschungen zur sorbischen Geschichte, In: Historische Forschungen in der DDR 1960—1970. Analysen und Berichte (Zum XIII. Internationalen Historikerkongress in Moskau. 1970. Sonderband der «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1970, S. 269; е р о ж е. Proučevanje zgodovine Lužiških Srbov (1960—1975). Poročilo o literaturi. «Zgodovinski časopis», Ljubljana, 31 (1977), st. 3, s. 409 и след.; е р о ж е. Wo marxistisko-leninistiskim predstajenju «Stawizny Serbow», wosebje doby wot 1789 do 1917. «Lëtopis», B. 24/1 (1977), s. 91.

³¹ H. Bartel, E. Diehl, E. Engelberg. Die Geschichtswissenschaft der DDR 1960—1970. In: Historische Forschungen ..., S. 19.

на ³². Изучение трудов классиков марксизма-ленинизма по этим проблемам составляло важную предпосылку для теоретического обоснования исторической концепции в отношении прошлого, настоящего и будущего лужицких сербов.

Итак, включение истории Восточной Европы в более широкие исторические концепции решающим образом сказалось на исторических взглядах лужицких сербов: сначала просветительские представления Гердера о Восточной Европе и славянах на мелкобуржуазно-демократическое понимание истории серболужицкими национальными деятелями, позднее — восприятие истории Восточной Европы в научной концепции Маркса, Энгельса и Ленина — на утверждении марксистско-ленинской историографии.

Критика мелкобуржуазных исторических взглядов до 1945 г. означала, с одной стороны, преодоление сдерживающих рамок и, с другой стороны, восприятие прогрессивных элементов. Марксистско-ленинская политика партии рабочего класса в социальной, национальной и культурной областях обеспечила осуществление заветов борцов против социального и национального угнетения лужицких сербов ³³.

Преодоление ошибочных взглядов и расширение научного кругозора способствовали пониманию диалектики социального и национального, национального и интернационального, обогащению знаниями. Следствием этого было действительно глубокое осознание общности интересов трудящихся серболужицкой и немецкой национальности в прошлом и настоящем, укрепление дружественных уз между ними. С преодолением мелкобуржуазно-крестьянских взглядов и с переходом на мировоззренческие и теоретические позиции рабочего класса основательно расширилось представление о мире, определяющее духовные и культурные устремления лужицких сербов в ГДР.

Четырехтомная «История лужицких сербов» впервые с марксистско-ленинских позиций дает общую картину прошлого, настоящего и будущего серболужицкого народа. Она позволяет трудящимся серболужицкой национальности в полной мере увидеть их собственное место и значение их деятельности как граждан первого немецкого рабоче-крестьянского государства и, кроме того, знакомит всех граждан ГДР с одной из сфер социалистической действительности нашего государства, углубляет понимание марксистско-ленинской национальной политики.

Миропонимание является противоположностью замкнутости. Современная социалистическая серболужицкая художественная литература очень точно отражает этот прогресс в сознании лужицких сербов. «Это должен быть целый мир, в котором мы живем», — говорит К. Лоренц в «Штруга — моя вера». «Из Лужицы видеть мир. Лужицы должны быть миром», — заявляет Ю. Кох. И кто бы мог более точно и художественно выразить эту мысль, чем Ю. Брезан в своих стихах «Крбат или Преобразование мира». Это изменение в национальном сознании лужицких сербов произошло в 50-е годы, в период утверждения социалистических производственных отношений в ГДР.

³² W. K ü t t l e r. Die wissenschaftliche Konzeption der osteuropäischen Geschichte im Werk der Klassiker des Marxismus-Leninismus. In: Wissenschaftliche Mitteilungen der Historiker Gesellschaft der DDR. Berlin, 1977, B. II, S. 19.

³³ K. S c h i l l e r. Die Grundzüge des jahrhundertelangen Kampfes der sorbischen Bauern und ihre nationale und soziale Befreiung in der DDR. In Der deutsche Bauernkrieg 1524/25. Geschichte — Traditionen — Lehren, hrsg. von G. Brendler und A. Laube. Berlin, 1977, S. 441.

Р. Б. ВИЛИНБАХОВ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОБЛЕМЕ «БАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ И РУСЬ»

Проблема взаимоотношений балтийских славян с Русью, вероятно, является одной из старейших в мировой историографии. Поставленная С. Герберштейном еще в XVI в., она на протяжении XVIII и XIX вв. обсуждалась многими русскими учеными. Однако после известного сочинения С. Гедеонова «Варяги и Русь» внимание к данному вопросу было утрачено и стало возрождаться только в последние десятилетия¹. В настоящее время данная проблема привлекает все большее и большее внимание².

Уже в 1960 г. известный датский славист А. Стендер-Петерсен, в ответ на нашу заметку (совместно с В. В. Похлебкиным)³, выступил с решительными возражениями против какой-либо возможности участия балтийских славян в освоении Приладожья. Он, несмотря на имеющиеся данные, категорически отверг любую возможность участия балтийских славян в «движении викингов» и не согласился с предположением об их проникновении на территорию Восточной Европы, упорно отстаивая свой тезис о скандинавской колонизации Приладожья⁴.

Вслед за Стендер-Петерсеном, без какой-либо аргументации, априорно отверг эту «малоубедительную гипотезу» И. П. Шаскольский, полагающий, что несколькими ироническими фразами можно покончить с проблемой, над которой трудилось несколько поколений ученых⁵. Упрощая вопрос в целом и неверно толкуя высказывания сторонников проблемы, он, в частности, пишет: «Кроме того, в рассматриваемой статье, как и в другой (вып. VII), В. Б. Вилинбахов делает попытку возродить старую теорию С. А. Гедеонова и других русских анти-норманистов XIX в., согласно которой летописные варяги были не скандинавами, а балтийскими славя-

¹ См. В. Б. Вилинбахов. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы. «Скандинавский сборник», т. VII, 1963, с. 333—345; е го же. *Ślowiane nadbałtyccy a Ruś w ujęciu historiografii rosyjskiej* «Przegląd Historyczny», t. LXII, 1974, z. 3, s. 509—530.

² См. V. V. I l i n b a c h o v. Ostseeslawen und Rus' in der neueren sowjetischen Historiographie. «Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas», Bd. 21/2. Berlin, 1977, S. 163—168.

³ В. В. Похлебкин, В. Б. Вилинбахов. Несколько слов по поводу гипотезы А. Стендер-Петерсена. «Kuml», 1960, с. 132—134.

⁴ A. Stender-Petersen. Svar pa V. V. Pokhljobkins og V. V. Vilinbakhovs bemærkninger, «Kuml», 1960, s. 137—144, 144—152. См. также В. Б. Вилинбахов. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена. «Скандинавский сборник», т. VI, 1963, с. 323—336.

⁵ И. П. Шаскольский. Рецензия на «Скандинавский сборник», т. V, VI, VII. «Вопросы истории», 1964, № 11, с. 127; е го же. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965, с. 195—196.

нами. По нашему мнению, эта концепция уже не может оказаться жизнеспособной и вряд ли может быть полезной в деле развертывания критики современного норманизма»⁶.

Также без достаточной аргументации отрицал возможность участия балтийских славян в этногенезе, происходившем в Новгородской земле, и П. Н. Третьяков⁷. При этом он утверждал, «что наиболее северная группа летописных славян — словени новгородские — образовались за счет выходцев из Верхнего Поднепровья...»⁸, хотя такое утверждение мало соответствует той картине славянского расселения и этногенеза на территории Восточной Европы, которую рисовал он сам. П. Н. Третьяков также совершенно игнорировал многочисленные балтийско-славянские аналогии, имеющиеся среди археологических материалов, обнаруженных на Псковщине, в Приильменье и в Приладожье⁹.

В 1966 г. с наиболее полным и обоснованным, по сравнению с другими, возражением против возможной миграции балтийских славян в Восточную Европу выступил крупный польский ученый Г. Ловмянский. Его возражения, главным образом, сводятся к следующему: 1) миграция населения на расстояние порядка 1000 км — маловероятный факт; 2) не существовало никаких объективных причин, которые могли вызвать к жизни необходимость переселения какой-то части балтийских славян в Приладожье¹⁰.

Однако Г. Ловмянский не учитывает того, что возможная миграция балтийских славян не носила массового характера, охватывая сравнительно небольшие группы населения, в первую очередь, торговый и военнотружинный элемент. Расселение переселенцев имело ограниченный, локальный характер и не распространялось на значительные территории. Миграция балтийских славян в Приладожье не происходила единовременно, а длилась столетиями. Процесс растянулся на несколько веков. Скорее всего, можно предполагать, что таковой охватывал VIII — первую половину XI вв. Балтийские славяне в полном смысле слова были «морским народом» и поэтому переселение небольших групп на расстояние порядка 1000 км не представляло для них больших затруднений, учитывая при том наличие промежуточных пунктов на южном берегу Балтийского моря¹¹. История знает множество примеров, когда происходила морская миграция населения на более далекие расстояния (древнегреческие и финикийские города-колонии, скандинавская колонизация Исландии, Гренландии, Сев. Америки, Нормандии, Сицилии, колонизация Полинезии и т. п.). Существовали и объективные причины, толкавшие славян к переселению на восток. Это прежде всего Балтийско-Волжский путь, соединявший земли Северной и Восточной Европы с Арабским Востоком¹². Кроме главной «торговой» причины, существовали и иные обстоятельства, способствовавшие стремлению к переселению отдельных групп балтийских славян в

⁶ И. П. Шаскольский. Рецензия..., с. 127.

⁷ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М. — Л., 1966, с. 285.

⁸ Там же, с. 284.

⁹ См. В. Б. Вилинбахов. По поводу некоторых замечаний П. Н. Третьякова. «Советская археология», 1970, № 1, с. 294—298.

¹⁰ См. H. Łowmiański. Słoweni nadilmeńscy i początki Nowogrodu «Zapiski Historyczne», t. 31, 1966, z. 2, s. 11—16; е го ж е. Руссы и руги. «Вопросы истории», 1971, № 9, с. 51—52.

¹¹ См. В. Б. Вилинбахов. Славяне в Ливонии. «Slavia Antiqua», t. XVIII, 1972, s. 105—121; е го ж е. Die Teilnahme der Wikingerbewegung Letopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung Reihe 3, Bd. 24/2, 1977, S. 161—174.

¹² См. В. Б. Вилинбахов. Балтийско-Волжский путь. «Советская археология», 1963, № 3, с. 126—135; е го ж е. Раннесредневековый путь из Балтики в Каспий. «Slavia Antiqua», t. XXI, 1974, s. 83—110.

Приладожье. Каролингская империя медленно оттесняла их на восток. Постепенно, но ощутимо, территория, занятая балтийскими славянами, с VIII в. сокращалась, в то время, как численность населения, повинувшись демографическим законам, росла. Совершенно естественно, что миграция стала одним из возможных способов решения возникшей проблемы. Кроме того, в тот же период происходило быстрое разложение родо-общинного уклада. Это так же, как и в Скандинавии, способствовало стремлению части населения покинуть родину в поисках счастья в дальних краях¹³.

Ленинградский нумизмат В. М. Потин, анализируя состав кладов восточного и европейского серебра в Восточной и Северной Европе, признает важное значение балтийских славян в жизни Руси. Он, в частности, пишет: «Нумизматические источники не позволяют подтверждать или отвергать предположение о массовой колонизации прибалтийских славян, однако огромное скопление кладов в районе Приладожья и их состав указывают на теснейшие связи этой части Руси с южным берегом Балтийского моря. Не исключено, что здесь, наряду с русскими торговыми людьми, в качестве купцов, а может быть ремесленников или воинов, жили „колбяги“ или иные представители западного славянства»¹⁴.

В своей фундаментальной монографии археолог В. В. Седов совершенно определенно высказывается за то, что балтийские славяне приняли участие в формировании «новгородских словен». «Появление биконической керамики в Новгородской земле, — пишет Седов, — не может быть обусловлено ни древними местными традициями, ни культурными влияниями соседних племен. В дославянских древностях Новгородской земли прототипов биконическим и реберчатым сосудам обнаружить не удастся. Эта керамика не имеет аналогий и в материалах соседних земель. Объяснить появление биконических и реберчатых сосудов на ранних славянских памятниках Приильменя можно только предположением о происхождении новгородских славян с запада, из Венедской земли»¹⁵. Исходя из того, что для археологов керамика является одним из важнейших определителей этноса, Седов закономерно делает вывод, что «собранный к настоящему времени материал весьма обширен и свидетельствует о несомненной генетической связи древних новгородцев со славянскими племенами Польского Поморья»¹⁶.

Специально исследуя раннюю керамику Новгорода, Г. П. Смирнова выявила в древнейших ярусах (28—24) около 500 фрагментов (2% от найденной) керамики, не имеющей ничего общего с материалом, типичным для восточных славян. Данная керамика полностью аналогична керамике Мекленбурга, Волина, Гданьска, Колобжега и других поморских городов. Эта керамика отличается от любой иной западославянской керамики и является характерной только для балтийских славян. Датируется она X—XI вв. Произведенный анализ свидетельствует, что керамика поморского типа, обнаруженная в Новгороде, не является импортом, а изготовлялась на месте. «На основании сравнительного анализа керамики Новго-

¹³ См. V. V. Vilinbачov. Kilka słów o migracji Słowian bałtyckich na wschód. «Zapiski Historyczne», t. 32, 1967, z. 3, s. 49—59.

¹⁴ В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, с. 66. О западославянском происхождении «колбягов» см. А. П. Новосельцев, В. Т. Пащутю. Внешняя торговля древней Руси (до середины XIII в.). «История СССР», 1967, № 3, с. 81; Г. В. Виллибачов. Некоторые соображения о «колбягах» «Русской Правды», «Истории и культура славянских стран». Л., 1972, с. 18—25.

¹⁵ В. В. Седов. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 71—72.

¹⁶ В. В. Седов. Там же, с. 71; см. также его же. Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря. «II Internationaler Kongress für slawische Archäologie», Berlin, 1970, S. 18—19.

рода и керамики поморских славян, — заканчивает свое исследование Г. П. Смирнова, — напрашивается вывод о тесном контакте Новгорода со славянскими поселениями и городами Южной Прибалтики»¹⁷.

С. В. Белецкий отмечает наличие керамики поморского типа во Пскове и Старом Изборске¹⁸. Отмечается присутствие аналогичной керамики, подобной находкам в Новгороде и Старой Ладогe, и в нижнем горизонте поселения «Городки» на р. Ловати¹⁹.

Археологи Г. С. Лебедев и А. А. Розов, подводя итог изучению городища под Лугой, отмечают: «В материалах этого памятника выявилось немало особенностей. Одна из них — форма первоначального вала, насыпанного не ранее X века. В основании вала сохранилась деревянная решетчатая конструкция высотой более одного метра, состоявшая из нескольких рядов бревен, расположенных вдоль либо поперек вала. „Решетка“ шириной 1,5 м была прикрыта толстым слоем глины, а по гребню насыпи вал венчал бревенчатый частокол. Эти укрепления, сгоревшие в XI — начале XII в., были затем реконструированы, но уже без использования внутренних деревянных конструкций. „Решетчатые“ кладки из бревен до сих пор не встречались в военном зодчестве Руси X—XI вв. Зато они типичны для западнославянских городищ IX—XIII столетий в Поморье, Мекленбурге, Лужице. Возможно, эти аналогии указывают на направление дальнейших поисков истоков славянской культуры Верхней Руси»²⁰.

В дальнейшем Г. С. Лебедев указывает на то, что в Городце обнаружено большое количество (до 50 %) керамики «поморского типа», аналогичной керамике, обнаруженной в других городах северо-запада Руси, в частности, в Старой Ладогe и Новгороде²¹.

Археологи М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречев полагают, что кривичи были потомками «поморских славян», которые входили в состав древнейшего населения Великого Новгорода²². Об этом же М. Х. Алешковский, совместно с В. Л. Яниным, говорит и в другой своей работе, посвященной вопросу возникновения Новгорода. При этом указывается на то, что кривичи — балтийские славяне вместе с другими этническими группами заложили первые поселения на месте позднейшего Новгорода²³.

А. Г. Кузьмин, собравший воедино все доказательства в пользу мнения, что летописные «варяги» и связанная с ними «Русь» скрывают под этими названиями балтийских славян, опираясь на соображения своих многочисленных предшественников, решительно высказывается за то, что древняя Русь имела самые тесные отношения с балтийскими славянами²⁴. Точно так же, как Пашуто, Новосельцев и Вилинбахов, Кузьмин, в частности, соглашается с мнением Татищева, что под «колбятгами» следует пони-

¹⁷ Г. П. Смирнова. О трех группах новгородской керамики X — начала XI в. «Краткие сообщения Института археологии», вып. 139, 1974, с. 22; е е же. Лепная керамика древнего Новгорода. «Краткие сообщения Института археологии», вып. 146, 1976, с. 3—10.

¹⁸ См. С. В. Белецкий. Миска с налепным валиком из Старого Изборска. «Краткие сообщения Института археологии», вып. 144, 1975, с. 106—108.

¹⁹ См. В. М. Горюнова. Новое в исследовании «Городка» на Ловати. «Краткие сообщения Института археологии», вып. 139, 1974, с. 77.

²⁰ Г. С. Лебедев, А. А. Розов. Городец под Лугой. «Вопросы истории», 1975, № 2, с. 216—217.

²¹ Г. С. Лебедев. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977, с. 118—119.

²² М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречев. О датировке вала и рва новгородского острога. «Советская археология», 1970, № 4, с. 72.

²³ В. Л. Янин, М. Х. Алешковский. Происхождение Новгорода. «История СССР», 1971, № 2, с. 50—51.

²⁴ А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. «Вопросы истории», 1970, № 10, с. 28—55; е г о же. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси. «Вопросы истории», 1971, № 2, с. 188.

мать выходцев из Колобжега²⁵. Согласен он и с неоднократно высказывавшейся точкой зрения²⁶, что остров Руян (Рюген) в раннем средневековье часто фигурирует под названием «Русь»²⁷. Несколько проблематичным представляется его мнение, «что Приднепровская и Поморская Русь некогда составляли одно целое»²⁸, так как до сего времени прослеживаются связи балтийских славян только с северо-западом Восточной Европы и пока нет никаких оснований говорить о существовании подобных связей с Киевской землей²⁹.

Допускает наличие прямых и непосредственных контактов между Старой Ладогой и балтийско-славянским Поморьем польский исследователь К. Сласки³⁰. При этом следует, видимо, обратить внимание и на то, что современные исследователи старолadoжских материалов (З. В. Львова, О. И. Давидан, Е. И. Оятова) все чаще и чаще привлекают в качестве аналогий балтийско-славянский археологический материал, избегая, правда, пока делать еще какие-либо окончательные выводы.

Так, например, З. В. Львова указывает на то, что вопрос о производстве стеклянных бус в Ладого «надо рассматривать в связи со стеклоделием Хедебу и Волина в X в.»³¹. Е. И. Оятова пишет, что кожаная обувь нижних горизонтов Ладого очень своеобразна и отличается от наиболее распространенных в последующее время форм обуви в древнерусских городах. Подобная обувь встречается также в Новгороде, Пскове и Белозере. Она аналогична обуви из балтийско-славянских городов Волина и Колобжега³². О. И. Давидан говорит про Ладого: «Контакты со Скандинавией не исключают других направлений: связей, например, с различными балтскими племенами и со славянами Поморья, и это должно стать предметом специального изучения»³³.

Наряду с этим нельзя не отметить и то, что существует категорическое мнение о полном отсутствии каких-либо параллелей между старолadoжскими и балтийско-славянскими материалами, в связи с чем недопустимо высказывать какие-либо предположения о балтийско-славянском присутствии в этом поселении. Однако, поскольку автор этого мнения — К. Плоткин, умышленно или неумышленно, игнорирует все соображения своих предшественников, свидетельствующие против его предположений, его работу трудно принимать в расчет при научной дискуссии³⁴.

В полном смысле скороговоркой, буквально несколькими словами, категорически отверг возможность балтийско-славянского влияния на северо-западную Русь и Ф. П. Филин³⁵. Однако в связи с этим возраже-

²⁵ А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь», с. 37—38.

²⁶ В. Б. Вилинбахов. Рецензия: В. П. Шушарин. Современная буржуазная историография Древней Руси. «Советская археология», 1967, № 1, с. 311—312.

²⁷ А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь», с. 39 и сл.

²⁸ Там же, с. 54.

²⁹ Критику методов доказательств А. Г. Кузьмина см. А. А. Зимин. О методике изучения древнерусского летописания. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXXIII, № 5, 1974, с. 463—464.

³⁰ A. Słaski. Udział Pomorza nadwiślańskiego w wymianie dalekosiężnej od VII do XI wieku. «Pomorania Antiqua», t. IV, 1972, s. 102—104.

³¹ Злата В. Львова. Стекланные бусы Старой Ладого. «I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej», t. V. Warszawa, 1970, s. 235.

³² См. Е. И. Оятова. Обувь и другие кожаные изделия земляного городища Старой Ладого. «Археологический сборник». Л., 1965, вып. 7, с. 50.

³³ О. И. Давидан. К вопросу о контактах древней Ладого со Скандинавией. «Скандинавский сборник», т. XVI, 1971, с. 144.

³⁴ К. Плоткин. Об одной гипотезе В. Б. Вилинбахова. Тезисы II региональной археологической студенческой конференции вузов северо-запада СССР. Калинин, 1970, с. 47—50.

³⁵ Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 83.

нием, поскольку оно основано, видимо, на данных лингвистики, следует обратить внимание на слова польского языковеда И. Налепы, который пишет, что окончательное решение гипотезы о балтийско-славянском влиянии на псковичей и новгородцев объяснило бы многие особенности, свойственные их языку, которые пока остаются загадкой³⁶.

Наконец, В. В. Мавродин, Р. М. Мавродина и И. Я. Фроянов в своем весьма кратком историографическом обзоре, говоря о наших работах, осторожно пишут: «Особенность проблемы такова, что некоторые положения автора (например, о массовом переселении западных славян в Восточную Европу и огромной их роли в образовании Древнерусского государства) остаются на уровне более или менее остроумных догадок»³⁷.

Резюмируя все вышесказанное, следует сделать следующее заключение. За последние десять—пятнадцать лет вопрос об участии балтийских славян в историческом процессе, на северо-западе Восточной Европы, забытый и игнорируемый в течение многих лет, вновь оказался в поле зрения исследователей. Это сказалось, прежде всего, на оценке археологических материалов, являющихся важнейшим, а в целом ряде случаев и единственным источником для древнейших периодов отечественной истории. Ныне при оценке археологических материалов северо-запада перед каждым исследователем неизбежно, независимо от его личной точки зрения, встает вопрос балтийско-славянских аналогий, игнорировать которые уже не представляется возможным.

Сейчас в находках Старой Лядоги, Новгорода, Пскова, Изборска и других городищ северо-запада бесспорно выделен и определен весьма многочисленный материал, свидетельствующий о генетической связи культурных традиций населения этих поселений с балтийско-славянским Поморьем. Отрицать это невозможно. Археологические материалы, аналогичные балтийско-славянским, подкрепляют предположение о существовании в русском фольклоре значительного пласта, связанного с воспоминаниями об отношениях Руси с балтийско-славянским Поморьем. Все это делает весьма убедительной гипотезу, что выходцы с балтийско-славянского Поморья приняли непосредственное участие в формировании славянского населения Новгородской земли.

Таким образом сделана весьма серьезная заявка, дающая возможность утвердить гипотезу, несомненно, имеющую чрезвычайно важное значение для всей истории Древней Руси, поскольку такая заставит пересмотреть многие, казалось бы, уже устоявшиеся и всеми принятые положения, по новому взглянуть на целый ряд процессов в Восточной Европе IX—XI вв.

В настоящее время проблема «Балтийские славяне и Русь» еще не решена. Начата только развернутая научная разработка ее, обобщен материал и выводы прошлого, привлечены новые источники (фольклорные, этнографические, археологические, лингвистические), намечены новые пути, поставлены новые вопросы. Многие еще нужно сделать, переоценить. Однако самым положительным является то, что после многих лет забвения данная проблема вновь стала предметом внимания, дискуссий, изучения. Именно это и дает право надеяться, что теперь она уже не будет забыта и в конечном итоге займет подобающее место в истории Древней Руси.

³⁶ J. Nalera. Słowiańszczyzna północno-zachodnia: podstawy jedności i jej rozpad. Poznań, 1968, s. 298.

³⁷ В. В. Мавродин, Р. М. Мавродина, И. Я. Фроянов. Некоторые вопросы внешней политики и торговли Древней Руси в новейшей советской исторической литературе. «История СССР», 1970, № 6, с. 117.

Е. С. ТВЕРДИСЛОВА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ ПНР 60—70-х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.)

В литературоведении ПНР последних лет все более активно разрабатываются вопросы сравнительно-сопоставительного изучения литератур, что, в частности, отражено в исследованиях русско-польских литературных связей, основанных на вырабатываемых польскими теоретиками принципах и методиках сравнительного анализа. В свою очередь, практические изыскания польских филологов открывают новые возможности теоретического осмысления литературного процесса, ставят новые методологические задачи¹.

Проблемы русской литературы и русско-польских литературных связей постоянно рассматриваются на страницах журналов «Slavia Orientalis», «Przegląd Humanistyczny», периодически издающихся сборников и трудов отдельных университетов: Варшавского — «Studia Rossica», Вроцлавского — «Slavica Wratislaviensia», Познанского — «Studia Rossica Poznaniensia», а также Института славяноведения ПАН — «Studia Polono-Slavica — Orientalia».

Совместно изданные коллективные труды советских и польских славистов по проблемам изучения русской литературы, русско-польских и польско-русских литературных связей представляют собой не только анализ накопленного за последние годы материала, но прежде всего отражают стремление советского литературоведения выработать совместно с литературоведами других социалистических стран определенные методологические принципы подхода к исследованию славянских литературных и культурных взаимоотношений.

О плодотворности подобного сотрудничества говорят вышедшие за последние годы сборники: «Романтизм в славянских литературах» (МГУ,

¹ Нами учтены работы польских ученых: М. Я к у б е ц. О польско-русских литературных связях. В кн. IV Международный съезд славистов, т. 1. М., 1962, с. 187—189; В. В і а ł о к о з о w i c z. O niektórych problemach slawistyki i rusycystyki polskiej. «Przegląd Humanistyczny», 1974, № 11, s. 35; В. В і а ł о к о з о w i c z. Pod znakiem zbliżenia i współpracy. «Przyjaźń», 1966, № 28, s. 11; R. S r o c z y Ń s k i. Humanistyczny sens kontrowersji wokół badań nad literaturą rosyjską i radziecką w Polsce Ludowej. «Przegląd Humanistyczny», 1974, № 11, s. 79—94; а также советских филологов: А. Л. Г р и г о р ь е в. Польша. В кн. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., с. 206—231; Е. З. Ц ы б е н к о. Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв. МГУ, 1978, с. 5—53.

1973), «Польский романтизм и восточно-славянские литературы» (М., 1973), «Традиция и новаторство в славянских литературах XX в.», «Традиция и современность. Польско-русское литературное родство»² и конференции: в 1972 г. в Москве — «Польский романтизм и восточнославянские литературы»; в 1974 г. в Варшаве — «Польская и русская литературы на рубеже веков»³. Об актуальности сравнительного изучения славянских литератур свидетельствуют и регулярно созывающиеся международные съезды славистов. Так, на последнем из них — VIII (Загреб — Люблина 1978 г.) проблемы сравнительного литературоведения оказались в центре внимания.

Традиция исследования русско-польских связей в польской науке о литературе восходит к лекциям Мицкевича по истории славянских литератур, прочитанным им в Париже в Коллеж де Франс в 1840—1844 гг.⁴ Изложенная в этих лекциях концепция культурного развития славянских народов как целостной системы (во многих своих пунктах она перекликается с идеей славянского единства русских славянофилов), в последующий период оформляется в отдельную научную дисциплину⁵. Важную роль А. Мицкевича в развитии теоретических аспектов отечественной «компаративистики» подчеркивает Г. Маркевич, указывая, что, несмотря на достаточно давнее возникновение самого термина (1821)⁶, до лекций А. Мицкевича эта наука не существовала самостоятельно. Он выявляет важную роль в этом процессе и польских публицистов-литераторов XIX в., которые сопоставляли отечественные явления в литературе с иностранными, определяя тем самым конструктивные ценности родной литературы⁷.

Возникший еще в XIX в. сравнительно-сопоставительный метод анализа является сегодня ведущим принципом исследования таких ученых, как М. Якубец, Б. Бялокозович, Ф. Селицкий, Я. Кульчицкая-Салони, Р. Сливовский, Т. Шишко, А. Семчук и др. Польские ученые исходят из того, что точки соприкосновения в развитии разноязычных литератур могут быть обусловлены близостью общественного и литературного развития народов, с одной стороны, и реальными контактами — с другой. Оба аспекта — типологические схождения и литературные контакты — тесно между собой связаны, а порой и нерасторжимы. Их взаимозависимость теоретически постулирует Г. Маркевич. Он указывает на условность само-

² «Tradycja i nowatorstwo w literaturach słowiańskich XX wieku». Warszawa, 1976; «Tradycja i współczesność. Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie». Wrocław, 1978.

³ Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973; «Literatura polska i rosyjska przełomu XIX—XX wieku». Warszawa, 1978.

⁴ H. B a t o w s k i. Mickiewicz jako badacz słowiańszczyzny. Wrocław, 1956; S. F i s z m a n. O sławistyce Mickiewicza. «Slavia Orientalis», 1966, № 4, s. 395—405; С. Ф и ш м а н. Парижские лекции Мицкевича о славянских литературах. В кн. Русско-европейские литературные связи. Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.—Л., 1966, с. 232—242; Z. S t e f a n o w s k a. Legenda słowiańska w prelekcjach paryskich Mickiewicza. «Pamiętnik Literacki», rocz. 59, 1968, № 2, s. 41—55.

⁵ R. L u ż ņ y. Rusycystyka okresu powojennego XXX-lecia a tradycja naukowa. In: Studia z dziejów rusycystyki historycznoliterackiej w Polsce. Prace Komisji słowianoznawstwa. Wrocław, 1976, s. 137—147.

⁶ Термин «сравнительная литература» появился в 1821 г. в рескрипте комиссии, направленном Варшавскому университету о чтении лекций по сравнительному литературоведению. См. H. M a r k i e w i c z. Entwicklungsprobleme und Ergebnisse der vergleichenden Literaturforschung in Polen. In: Aktuelle Probleme der vergleichenden Literaturforschung. Berlin, 1968, S. 128.

⁷ М. Янион усматривает определенную связь в развитии сравнительно-сопоставительного метода в Польше на ранних этапах своего становления с польским позитивизмом 70—80-х годов в стремлении к «научнообразному» мышлению. См. M. J a n i o ņ. Tradycje i perspektywy metodologiczne badań genetycznych w historii literatury. In: Zjazd Naukowy Polonistów, 1952, s. 154.

го термина «сравнительная литература»⁸, содержание которого существенно менялось в ходе развития литературно-критической мысли.

С учетом того, что сделано советскими, чехословацкими и польскими учеными (В. Жирмунский, И. Неупокоева, Д. Дюришин, Л. Турек, В. Вуйчик), в теоретических работах которых встречаются разные точки зрения на определение области сравнительного исследования литературы, Г. Маркевич считает, что предметом сравнительного литературоведения «являются разноязычные литературные произведения или произведения, написанные на одном языке, но принадлежащие разным национальностям»⁹. При этом Г. Маркевич исключает из сферы сравнительного литературоведения исследование таких вопросов, как «межнациональные личные контакты, заграничную тематику в произведениях данной национальной литературы и международных связи литературы с другими областями искусства и философии»¹⁰. Иными словами, эту сферу автор ограничивает исключительно литературным текстом. Такой сугубо теоретический подход продиктован стремлением к максимально универсальной систематизации. Практически же подобное ограничение не позволяет оценить тех явлений, которые в равной мере можно было бы отнести как к истории, так и к литературе. Оставляя в стороне факты «живых контактов», ученый исключает возможные способы выявления степени влияний и зависимости одного писателя (и шире — литератора) от другого. Например, анализируя польскую проблематику в творчестве Толстого, нельзя не учитывать его личные контакты с И. Лелевелем.

Теоретическая установка Г. Маркевича, которая ограничивает «поле деятельности» исследователя, не всегда подтверждается работами польских ученых. За «рамки» теории Г. Маркевича выходят, например, исследования Ю. Кшижановского о «бродячих» сюжетах в мировой литературе, где он широко привлекал фольклор и другие области «внелитературного контекста». Б. Бялокзович, изучая восприятие художественного творчества Л. Толстого в Польше, опирается на документальные материалы (таким образом им была пересмотрена литературоведческая концепция рассказа Л. Толстого «За что?»), а Я. Кульчицкая-Салони в монографии о Спасовиче рассматривает его литературно-критическую деятельность в неразрывной связи с общественно-публицистической и адвокатской.

О сложности данной проблематики пишет М. Янион, которая предлагает ввести разграничения так называемых «внешних» и «внутренних» методов исследований¹¹. При этом, однако, замечает Г. Дзехчиньская, следует учитывать возможное возникновение «путаницы» в вопросах определения методик анализа и предмета анализа¹². Полагая, что в сравнительном литературоведении пересекаются различные гуманитарные дисциплины (история, фольклор, языковедение, психология, социология), Г. Дзехчиньская видит в способности этой науки сочетать различные методики анализа залог ее перспективности. На перспективные возможности сравнительного литературоведения указывает также М. Янион¹³.

⁸ Об этом пишет также M. B r a h m e r. *Niektóre perspektywy porównawczych studiów literackich w Polsce*. «Przegląd Humanistyczny», 1961, № 5; а также H. D z i e s c i ń s k a. *O metodologicznych zagadnieniach współczesnej komparatystyki*. «Ruch Literacki», 1966, Z. 1, s. 1—13.

⁹ H. M a r k i e w i c z. *Zakres i podział literaturoznawstwa porównawczego*. In: H. M a r k i e w i c z. *Nowe przekroje i zbliżenia. Rozprawy i szkice z wiedzy o literaturze*. Warszawa, 1974, s. 14.

¹⁰ *Ibid.*, s. 15.

¹¹ M. J a n i o n. *Tradycje i perspektywy...*, s. 149.

¹² H. D z i e s c i ń s k a. *Ibid.*, s. 3—4.

¹³ M. J a n i o n. *Сравнительные исследования и проблемы литературного геновеса*.

Чтобы провести и обосновать более четкие границы значений термина «сравнительная литература», Маркевич строит компактную систему возможных литературных связей: 1) контакты (публикации, переводы, информация); 2) параллелизмы (сходства и различия); 3) филиации, т. е. параллелизмы, обусловленные литературными контактами (пересказы, вольные переводы, парафразы); зависимости-плагиаты, идейно-тематические, композиционные, стилистические заимствования; инверсии; инспирации (стилизации, пародии); интерпретации (рецензии, анализы); 4) гомологии — параллелизмы, обусловленные внеконтактными явлениями¹⁴.

Эта классификация построена по принципу индукции: от простейших, внешне схожих явлений — к более сложным, обусловленным причинами типологического характера. Между ними он выделяет своего рода переходные стадии. Такая система позволяет реконструировать историко-литературный процесс как синхронно, так и диахронно, однако, указывает автор, ее составляющие не всегда поддаются точным разграничениям, что до некоторой степени затрудняет практическое применение подобной классификации. Г. Маркевич определяет основной методологический принцип изучения литературных связей. Действительную цель установления и описания влияний или заимствований он видит в том, чтобы «показать, как воспринимаются заимствованные элементы, как они соединяются в новом произведении, как в нем функционируют; наконец, какую роль играют в общей литературной ситуации»¹⁵.

Вслед за ученым Г. Дзехчиньская пишет о том, что суть сравнительного литературоведения — не в установлении влияний или заимствований, а в том, чтобы выявить те предпосылки и условия, которые определили эти влияния¹⁶. Она же подчеркивает динамичный характер сравнительного литературоведения, указывая на то, что важен не сам по себе установленный факт родства или аналогии, а «удельный вес» этих заимствованных элементов в определенном историко-литературном контексте. Дзехчиньская отмечает также на первый взгляд парадоксальную, но подтверждаемую практикой мысль: подчас выявленные элементы различий между литературными произведениями позволяют судить о степени родства больше, чем элементы сходства¹⁷.

В истории русско-польских литературных связей период второй половины XIX в. занимает особое место, обусловленное прежде всего возникшей в Польше после разгрома русским царизмом восстания поляков за национальную независимость в 1863 г. общественно-политической обстановкой. Сложность ситуации данного времени отразилась и во взглядах польских критиков на проблему восприятия русской литературы в Польше, на характер и русско-польских литературных связей второй половины XIX в. Так, например, вплоть до 50-х годов нашего столетия в польской науке о литературе существовало мнение, сформулированное А. Брюкнером, об «изоляции» русской литературы 60—70-х годов в Польше тех лет. В то же время исследования современных польских ученых А. М. Якубца, Т. Шишко, Я. Кульчицкой-Салони, Р. Сливовского показывают, что именно в эти годы формируется плеяда польских русистов, закладывается фундамент филологической школы польской русистики. Большую роль в ее становлении сыграли В. Спасович, Ю. Третьяк, Я. Лось, С. Пташицкий и А. Брюкнер, а в последующие годы — М. Здзеховский и др. В эти же годы начинается и русско-польское научное сотрудничество в области изучения

¹⁴ H. Markiewicz. Zakres i podział..., s. 15.

¹⁵ H. Markiewicz. Entwicklungsprobleme..., s. 134.

¹⁶ H. Dziechcińska. Ibid., s. 9.

¹⁷ Ibid.

славянских литератур, первым опытом которого стал «Обзор истории славянских литератур» (СПб., 1865), написанный совместно русскими учеными А. Н. Пыпиным и поляком В. Спасовичем.

Новая концепция восприятия русской литературы в Польше второй половины XIX в. складывалась в литературоведении ПНР одновременно с осмыслением этой литературной эпохи в целом. Работы Г. Маркевича, М. Якубца, Т. Шишко, Я. Кульчицкой-Салони, З. Бараньского, Л. Гомолицкого позволяют увидеть своеобразие этого периода в истории польской культуры и литературы, проследить развитие литературно-критической мысли в Польше, обосновать те факторы, которые влияли на популярность русской литературы в Польше.

Пересмотр концепции изучения русско-польских литературных связей второй половины XIX в. осуществил М. Якубец, книга которого «Русская литература в Польше в период позитивизма»¹⁸ имеет в методологическом отношении новаторский характер. Она явилась поворотным пунктом в изучении польской рецепции русской литературы в практическом и теоретическом планах. По существу, эта работа определила характер и направление исследований русско-польских литературных связей второй половины XIX в. в польском литературоведении 60—70-х годов. Во-первых, в ней автор собрал ценный материал, касающийся восприятия русской литературы второй половины XIX в. в Польше и ее изучения до последнего времени, проанализировал его в сопоставлении с предыдущими концепциями польских русистов, доказав, что именно эти годы подготовили и вызвали небывалый до этого интерес к русской литературе со стороны польских читателей, писателей и критиков рубежа веков. Во-вторых, сняв «изоляционный занавес» с русской литературы в Польше и восстановив отсутствующее звено в русско-польских литературных отношениях, Якубец открыл перспективу исследований этой науки. И в-третьих, сам тип обоснований и доказательств переоценки роли русской литературы в Польше подвел ученого к таким актуальным вопросам современного литературоведения, как анализ восприятия литературы в другой национальной среде, рассмотрение русско-польского литературного сближения в постоянном и неразрывном процессе, проблема периодизации связей и значение общественно-политической ситуации.

Проблеме периодизации литературных отношений, как явления отдельного и самостоятельного, Я. Якубец посвящает специальную работу¹⁹, где при учете достижений в этой области польской и советской науки, поэтапно прослежены пути развития русско-польского литературного сближения, обозначены границы каждого периода и характеризующий его круг тем. Исходным моментом в решении подобной задачи были для М. Якубца не только явления литературного, но и в более широком плане — культурного сотрудничества. Условность такой периодизации в том, что она не совпадает и не может совпадать с периодизацией каждой из литератур в отдельности²⁰. Вместе с тем очевидно, что такая периодизация на конкретном материале русско-польских связей дает возможность выявить то общее, что было присуще обоим литературам на протяжении

¹⁸ M. J a k ó b i e c. *Literatura rosyjska wśród Polaków w okresie pozytywizmu*. Wrocław, 1950.

¹⁹ M. J a k ó b i e c. *Stosunki literackie polsko-rosyjskie. Próba periodyzacji dziejów*. «Slavia Orientalis», 1962, № 2, s. 131—152.

²⁰ Так, например, чехословацкий литературовед М. Бакош считает, что особая периодизация литературных связей, которая основывается обычно на внелитературных посылках, может иметь только вспомогательное значение. М. Б а к о ш. К проблеме периодизации межлитературных связей. В кн. Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1968, с. 39.

их развития и вопреки неблагоприятным условиям связывало их и обогащало.

Попытка М. Якубца подтверждает существующий в современной науке теоретический постулат о том, что периодизация литературных отношений может быть одним из возможных методов изучения литературного процесса. Она позволяет, во-первых, обнаружить и обосновать те факторы, которые, с одной стороны, определяют тип связей на каждом конкретном этапе развития, а с другой — позволяют разграничить эти связи и выявить типологические истоки; во-вторых, продемонстрировать направления поисков и интересов литературоведов, занимающихся исследованием этой области, и, наконец, обозначить «лакуны», т. е. те стороны литературной биографии двух славянских народов, которые ждут еще своих «открывателей». Так, например, польскими учеными в гораздо большей степени уделяется внимание изучению контактных связей, выявлению генетических черт русской и польской литератур, нежели вопросам типологического характера.

Предпринятая М. Якубцем попытка систематизировать эти литературные явления, дать им научное описание — симптоматичный знак не только для польского литературоведения, но и для сравнительного литературоведения других социалистических стран²¹.

В работах польских ученых сопоставление отдельных литературных явлений проводится как в аспекте конкретно-исторических связей, так и общих историко-типологических схождений. Опубликованные за последнее время сборники по данной проблематике: «О взаимных польско-русских литературных связях XVIII—XIX вв.»²², «Литературные встречи. Из истории польско-русских отношений в эпоху романтизма и неоромантизма»²³ и другие, а также главы-статьи о русско-польских взаимоотношениях, вошедшие в «Русскую литературу»²⁴, показывают ее чрезвычайную актуальность. С решением вопросов о русско-польском литературном сближении связано выявление общего и особенного в литературном процессе стран славянского региона, выяснение динамики литературного движения, специфики развития крупнейших славянских литератур в контексте мировой литературы. Сама степень изученности русско-польских литературных связей позволила редактору и одному из составителей двухтомника «Русская литература» М. Якубцу включить в качестве отдельных глав в общую историю русской литературы материалы сравнительного литературоведения ПНР.

Опыт М. Якубца особенно показателен в свете дискуссии среди славистов о целесообразности введения в общий курс иноязычной литературы межлитературных связей и о возможности научно обоснованной периодизации этого процесса.

Практическое решение проблемы рассмотрения литературных отношений в курсе иноязычной литературы дает, по мнению советского ученого В. Баскакова, самые плодотворные результаты в области дальнейшего совершенствования методики сравнительно-сопоставительного ана-

²¹ В настоящее время, указывает чешский литературовед Я. Мукаржовский, «выявляется необходимость положить в основу сравнительного исследования литератур... непрерывно идущий процесс диалектических связей, в ходе которого роли литератур „дающих“ и „принимающих“ могут меняться». Я. М у к а р ж о в с к и й. О современных задачах исследования межлитературных отношений. В кн. Чешско-русские и словацко-русские..., с. 11.

²² «О wzajemnych powiązaniach polsko-rosyjskich stosunków literackich». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1969.

²³ «Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu». Wrocław, 1973.

²⁴ «Literatura rosyjska». Podręcznik pod red. M. Jakóbca, t. 1. Warszawa, 1970; t. 2, 1971.

лиза. Расположенные в соответствии с периодизацией русской литературы главы о связях нельзя вычлениить из общего курса литературы, однако использование этого материала безусловно обогащает представление о русской литературе ²⁵.

Одной из актуальных проблем современной науки о литературе в Польше является проблема восприятия литературы в другой национальной среде. Польские ученые сосредоточили свои интересы на выявлении той роли, которую сыграла русская литература второй половины XIX в. в литературном процессе Польши, и в целом — как в этом восприятии иноязычной литературы проявляется национальная специфика отечественной ²⁶.

Доказав ошибочность тезиса об изоляции русской литературы второй половины XIX в. в Польше того времени, польские литературоведы пересмотрели еще одну долгое время существовавшую концепцию — на этот раз о решающей роли в этом процессе литературоведения западных стран. В подходе к решению этого вопроса польские ученые отметили два существенных обстоятельства. Во-первых, в общественно-историческом развитии у России и Польши тех лет было больше общего друг с другом, чем с остальными странами Европы. Польскому читателю была особенно близка позиция русских писателей по отношению к царскому самодержавию. С этой стороны передовой польской критикой рассматривалась и литературная деятельность Герцена, и публицистика Л. Толстого, и сатира Салтыкова-Щедрина ²⁷. Во-вторых, произведения русских писателей были доступны в некоторых областях Польши в оригинале, и знакомство с ними по первоисточникам состоялось в Польше значительно раньше, чем во Франции и Германии появились исследования о русской литературе этого периода ²⁸.

Научные изыскания польских литературоведов показывают, что одной из ключевых проблем русско-польских литературных связей второй половины XIX в. была проблема восстания 1863 г. и отношения к нему русских писателей. В этом аспекте проанализирована В. Сливовской и Р. Сливовским польская рецепция творчества Герцена, литературная и публицистическая деятельность которого была тесно связана с подготовкой этого восстания ²⁹. В своей монографии о связях Салтыкова-Щедрина с Польшей Т. Шишко ³⁰ отмечает, что участие русского сатирика в кампании против «антипольской интриги», в частности его критика романов Лажечникова и Ключников, является бесспорным доказательством прогрессивной позиции русского писателя. Салтыков-Щедрин был не только

²⁵ Плодотворность этого опыта отмечает В. Н. Б а с к а к о в. Проблема взаимосвязей в зарубежных курсах истории русской литературы. В кн. Сравнительное изучение литератур. Л., 1976, с. 506.

²⁶ В этом же направлении идут работы советских ученых: Е. З. Цыбенко, Д. С. Прокофьевой, А. И. Грибовской и др.

²⁷ В нашем литературоведении теоретически эту проблему постулирует М. П. Алексеев, который подчеркивает, что восприятие литературы в иной национальной среде подразумевает «...не популяризаторские или справочные издания..., расположенные в хронологической последовательности, а имеющие серьезные исследовательские задачи систематические, обобщающие построения целой истории той или иной литературы в перспективе исторической эволюции данной страны, развития ее социальных сил и общественного сознания». См. М. П. А л е к с е в. Построение истории национальной литературы в странах иного славянского языка. В кн. VII Международный съезд славистов. Славянские литературы. М., 1973, с. 23.

²⁸ T. S z y s z k o. Z dziejów Turgeniewa w Polsce. «Miesięcznik Literacki», 1969, № 5, s. 85; см. также Е. З. Цыбенко. Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв. МГУ, 1978, с. 29—32.

²⁹ W. i R. Ś l i w o w s c y. Aleksander Hercen. Warszawa, 1973.

³⁰ T. S z y s z k o. Sałtyków-Szczedrin wobec powstania styczniowego. «Slavia Orientalis», 1962, № 4, s. 461—481.

пропагандистом польской литературы, но прежде всего горячим сторонником ее освободительных идей.

В работах З. Бараньского³¹ («Январское восстание в русской литературе»), Р. Сливовского³² («Польский вопрос в русской публицистике и художественной литературе 60-х годов XIX в.»), Б. Белокозовича о польской теме в русской поэзии³³, а также исследованиях советских ученых³⁴ собран ценный материал как частного, так и обобщающего характера. Отношение русских писателей к Январскому восстанию стало в Польше того времени критерием оценки русской литературы, которая воспринималась прежде всего с точки зрения ее общественно-политического звучания.

В свою очередь, не менее интересным явлением в развитии русско-польских литературных связей оказывается польская проблематика в русской общественной жизни второй половины XIX в. По мнению З. Бараньского, эта проблема, как часть национального вопроса, воспринималась неотъемлемым компонентом русской общественной проблемы. З. Бараньский же одним из первых усмотрел политический подтекст в процессе рецепции польской литературы в России 60-х годов. И хотя автор, может быть, несколько преувеличивает степень отчужденности русского читателя от национальной проблематики польской литературы, в целом его исследования свидетельствуют о том, что популярность в России Э. Ожешко, Б. Пруса, Г. Сенкевича — была основана на общности народнических идей русских писателей и устремлений польских позитивистов. С вопросом о роли польской проблематики в русской литературе и общественной жизни связана для ученых ПНР проблема литературного генезиса, понимаемая как определенная форма соотношения истории и литературы³⁵.

К сожалению, польскими учеными пока не исследована русская проблематика в польской литературе (например, в творчестве Жеромского).

Проблеме восприятия русской литературы XIX в. в Польше того времени специально посвящены сборники «Писатели и критики»³⁶ и «Зеркало прессы»³⁷, составившие своеобразную диологию. Историко-библиографический характер обеих книг (редколлегия: Б. Гальстер, Я. Каменкова-Страшакowa, К. Сероцкая при сотрудничестве А. Перуновой), их структура (очерк, отрывки из первоисточников, библиография), сам тип изданий, подразумевающий прежде всего систематизацию возможно полного материала по данному вопросу — все это свидетельствует о стремлении польских литературоведов к системному, всестороннему изучению рецептивного явления. Знаменательно само обращение польских ученых к подобному типу издания: «...речь идет, — подчеркивает Я. Каменкова, — о включении в научный обиход источника, отражающего процесс обмена между культурами...»³⁸. Причем, если сборник «Писатели и критики» фиксирует состояние изучения воспринимаемой литературы, то «Зеркало

³¹ Z. B a r a ń s k i. Powstanie styczniowe w literaturze rosyjskiej. In: «Dziedzictwo literackie powstania styczniowego». Warszawa, 1964, s. 515—548.

³² R. Ś l i w o w s k i. Z perspektywy stulecia. Sprawa polska w rosyjskiej publicystyce i literaturze pięknej lat sześćdziesiątych XIX w. «Slavia Orientalis», 1963, № 1, s. 3—30.

³³ B. B i a ł o k o z o w i c z. Powstanie styczniowe w poezji rosyjskiej lat sześćdziesiątych XIX wieku. «Język Rosyjski», 1962, № 5, s. 1—10.

³⁴ Этот вопрос освещается, в частности, в работах И. Бэлзы, Д. Кацнельсон, А. Кушакова, Ю. Штакельберга и др.

³⁵ М. Я н и о н. Сравнительные исследования..., с. 175—183.

³⁶ «Pisarze i krytycy. Z recepcji nowożytnej literatury rosyjskiej w Polsce». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975.

³⁷ «Zwierciadło prasy. Czasopisma polskie XIX wieku o literaturze rosyjskiej». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1978.

³⁸ «Zwierciadło prasy...», s. 6.

прессы» — уровень литературно-критической мысли воспринимающей страны и место в ней «дающей» литературы. Характер распределения самого материала соответствует принципу «обратной связи», он способствует выявлению и разграничению различных стилей восприятия.

Эта «диалогия» содержит редкие и мало доступные сегодня широкому кругу читателей сведения из первоисточников о том, как воспринималась в Польше XIX в. русская литература, кто из писателей был особенно популярен, наконец, какие органы польской прессы и почему реагировали на те или иные явления русской литературной жизни. Этот материал, фактографическая ценность и систематизация которого является важным вкладом польских ученых в разработку проблем литературных связей обеих стран, составляет важную область для дальнейших историко-литературных исследований и теоретических обобщений.

Рассмотрение литературных связей в аспекте иноязычной литературной рецепции отражает одну из наиболее развивающихся в современной польской науке тенденций — изучение роли и функции художественного произведения в обществе³⁹. Однако, как мы полагаем, существующее в современном польском литературоведении несоответствие между теоретической разработкой вопросов общественной коммуникации литературы и ее конкретными результатами особенно наглядно проявляется в области изучения восприятия иностранной литературы в другой языковой среде. Вышеназванные книги — первые очень существенные шаги на пути к ликвидации этого разрыва.

В методологическом подходе польских ученых важную роль играет обращение к национальному критическому наследию, стремление проанализировать существующие концепции в свете новых фактографических открытий, в перспективе развития сравнительного литературоведения.

Так, например, литературно-критическая деятельность сторонника идей русских революционных демократов Б. Бялоблочного предстает в работах М. Якубца⁴⁰ и Т. Шишко⁴¹ не только как деятельность пропагандиста русской литературы, но и как тонкого ее ценителя. Его высказывания о Тургеневе, по замечанию Т. Шишко, остаются актуальными и на сегодняшний день. Кроме того, считает М. Якубец, сами статьи Бялоблочного, обращенные к польскому читателю, являются свидетельством того, что русская литература в Польше в 60—80-е годы не только не «игнорировалась» большинством поляков, знающих русский язык, она воспринималась как часть национального наследия и потому обладала важными критериями оценки и рецепции, нежели иностранная литература в полном смысле этого слова.

В статьях А. Гуральской, З. Жакевича и др. исследуется отношение видного польского критика «Молодой Польши» С. Бжозовского к русской культуре⁴². Эти статьи отражают общую ориентацию польских ли-

³⁹ «Problemy odbioru i odbiorców. Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1977; M. G ł o w i ń s k i. Style odbioru. Szkice o komunikacji literackiej. Kraków, 1978; «Kultura — Komunikacja — Literatura. Studia nad XX wiekiem», Warszawa — Wrocław — Kraków — Gdańsk, 1976; «Problemy metodologiczne współczesnego literaturoznawstwa». Kraków, 1976.

⁴⁰ M. J a k ó b i e c. Literatura rosyjska...

⁴¹ T. S z y s z k o. Sałtykow-Szczedrin w piśmiennictwie polskim lat 1872—1914. Wrocław, 1965.

⁴² A. G ó r a l s k a. Koncepcja literatury rosyjskiej w pismach S. Brzozowskiego. Łódź, 1970; Z. Z a k i e w i c z. Stanisław Brzozowski — krytyk literatury rosyjskiej. «Zeszyt Naukowe WSP w Opolu». Filologia rosyjska, III, 1964, s. 3—32; Stanisław Brzozowski a literatura rosyjska. «Więź», 1964, № 10, s. 54. 67; L. J a z u k i e w i c z - O s e l k o w s k a. Koneksje Stanisława Brzozowskiego z Dostojewskim. In: «Spotkania Literackie...», s. 239—266; E. B a z e l a - D r z e w e c k a. Stanisław Brzozowski a Lew Tolstoj. In: «Spotkania literackie...», s. 267—282.

тературоведов к пересмотру философского и критического творчества С. Бжозовского, некоторых страниц его биографии, связанных, в частности, с его контактами с Горьким.

В полемике с польским русистом В. Ледницким⁴³ строит свою концепцию польской проблемы в творчестве и жизни Л. Толстого Б. Бялокозович⁴⁴. Указывая на ошибочность тезиса В. Ледницкого о том, что якобы в первой половине своей жизни Л. Толстой относился к Польше и ее истории с позиций русской официальной историографии, Бялокозович считает, что Толстой никогда не был ни защитником, ни сторонником, ни даже выразителем официальной политической идеологии. К пониманию польской проблемы он шел путем религиозных исканий. Абстрактная религиозная доктрина писателя, основанная на метафизических и сугубо этических категориях, оказывалась несостоятельной в конкретной ситуации борьбы поляков за национальную независимость.

Важным вкладом в разработку проблем русско-польских литературных связей второй половины XIX в. стали исследования о Владимире Спасовиче, видном представителе русской и польской культур, общественном деятеле и публицисте, осуществленные Е. Славенцкой и Я. Кульчицкой-Салони⁴⁵. Е. Славенцкая анализирует эстетические воззрения и методологические принципы польского ученого в его подходе к изучению русской литературы, обрисовывает круг его интересов, связанный прежде всего с творчеством Пушкина, видит в Спасовиче одного из родоначальников польской пушкинистики.

В ином аспекте предстает деятельность Спасовича в работе Я. Кульчицкой-Салони. Обосновывая жанровое своеобразие своей монографии, она подчеркивает, что творчество Спасовича — литератора и публициста — нельзя понять, не принимая во внимание его адвокатскую и педагогическую деятельность. В поле зрения ученого находятся литературные связи в самом широком объеме этого понятия, причем они рассматриваются ею не изолированно, а в их многообразных проявлениях и соотношениях как часть общественного процесса в целом. Книга Кульчицкой-Салони имеет новаторский характер: она в равной степени интересна и литературоведам, и историкам, и обществоведам. Методологический эксперимент, который так удачно поставила и осуществила Кульчицкая-Салони, раздвинув границы собственно литературоведческого анализа, был подсказан самим материалом: в 70—80-х годах XIX в. высказывания Спасовича о литературе, его позиция исследователя русско-польских литературных связей носила ярко выраженный общественный характер.

Большой заслугой польских историков литературы является «оживление» для современной историографии полонистической деятельности русских ученых-славистов второй половины XIX в. Только за последние несколько лет опубликованы работы обобщающего и справочного характера о роли П. Дубровского, М. П. Погодина и А. Л. Погодина в развитии русско-польского культурного сближения.

Книги Е. Кухарской «Славистическая деятельность Петра Дубровского в свете писем к Измаилу Срезневскому» и «Михаил Погодин и Польша»⁴⁶ имеют одинаковую жанровую структуру. Первую часть составляет

⁴³ W. Lednicki. Tolstoj a Polska. Kraków, 1929.

⁴⁴ B. Białokozowicz. Lwa Tolstoja związki z Polską. Warszawa, 1966.

⁴⁵ E. Sławińska. Włodzimirz Spasowicz jako krytyk literatury rosyjskiej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1969; J. Kulczycka-Saloni. Włodzimirz Spasowicz. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975.

⁴⁶ E. Kucharska. Działalność sławistyczna Piotra Dubrowskiego w świetle listów do Izmaila Srezniewskiego. Wrocław, 1974; E. Kucharska. Zainteresowania Michała Pogodina Polską. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1978; см. также В. Муха: «Slavia Orientalis», 1973, № 2, s. 165—176.

очерк о жизни и деятельности ученых, вторую — их корреспонденция. Впервые столь широко представленные письма русских славистов как бы воссоздают колорит эпохи, ту атмосферу, которая воздействовала на их взгляды, определяла в конечном счете их конкретную деятельность на поприще славяноведения. В монографии о Дубровском Е. Кухарская в основном вводит в научный обиход мало известные материалы об участии Дубровского в создании литературного журнала «Зарница» (Jutrzeńka) на русском и польском языках. В книге о Погодине она полемизирует с теми критиками, которые рассматривают отношение русского писателя к Польше только как отрицательное.

Безусловного внимания заслуживает и небольшая работа Ф. Селицкого о творчестве А. Погодина — почти забытого русского слависта (его имя не упоминается, к сожалению, даже в Литературной энциклопедии)⁴⁷. Селицкий пишет о политических воззрениях русского слависта, известного своими смелыми выступлениями в 1905 г. в защиту прав польского народа, о его книгах по истории Польши⁴⁸ и монографии о Мицкевиче⁴⁹, которая позволила Погодину «повернуть» русского читателя к польским проблемам.

Обобщая опыт современной польской науки 60—70-х годов в области сравнительного изучения литератур, можно сделать вывод о том, что новейшие труды наших польских коллег благодаря конкретности их поисков обозначили новый этап в исследовании русско-польских литературных связей второй половины XIX в. Достижения ученых ПНР в практическом решении актуальных проблем теории литературы и ее методологии определили направления для дальнейших историко-литературных и теоретических изысканий.

⁴⁷ F. Sielicki. Aleksander Pogodin. «Ruch Literacki», г. 19, 1978, з. 415 (109—110), с. 333—339. Сведения об А. Погодине имеются в библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России». М., 1978, с. 271—272.

⁴⁸ А. Погодин. Очерки истории Польши. СПб., 1909.

⁴⁹ А. Погодин. Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество. М., 1912—1913.

Э. Г. АЗИМ-ЗАДЕ

К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАЗВАНИЙ СОЗВЕЗДИЙ

В статье предлагается опыт типологического сопоставления двух генетически не связанных между собой традиций — славянской и тюркской — на материале довольно небольшой по количеству слов группы лексики, которую образуют названия основных созвездий. И у славян, и у тюрков слова для наименования созвездий выбираются из той или иной лексико-семантической сферы. Сам принцип номинации, таким образом, может служить важной этнолингвистической характеристикой.

Изучение семантической организации этой группы лексики ввиду ее специфики требует обращения к фольклорно-этнографическим текстам, отражающим представления о звездах у носителей славянских и тюркских языков. Исходя из этих материалов, важно выяснить, есть ли (и какой именно) изоморфный дифференциальный признак (иначе говоря, семантическая доминанта, глубинный смысл), который регулирует в данном случае правила номинации и определяет поэтическую, ритуальную и т. д. астрономическую символику. В этой связи особенно интересны с точки зрения теоретических выводов работы Н. И. Толстого и С. М. Толстой, посвященные славянским обрядам вызывания дождя, где авторы впервые на конкретном материале выявили глубинную семантику, лежащую в основе обряда: «Если для реконструкции праславянского корня и даже слова первичной и наиболее достоверной является реконструкция их внешней стороны (корневой морфемы и лексемы), а реконструкция их значения (смыслового инварианта или семемы) оказывается вторичной и менее четкой и однозначной, то при реконструкции славянских обрядов типа рассмотренного — более строгой, определенной и первичной становится реконструкция семантики (доминантных идей, глубинных смыслов и символических представлений), в то время как реконструкцию формы следует считать вторичной задачей»¹. Сходные идеи высказывал еще раньше и В. Н. Топоров².

Следует указать на некоторую неясность самого понятия «тюркская традиция». Если для славян в принципе решен вопрос не только их языковой общности, но и общности их духовной культуры, то вопрос о единстве тюркской духовной культуры в сущности до сих пор не ставился. С большой долей уверенности можно говорить пока лишь о ряде общих элементов в духовной культуре некоторых крупных племенных образований (на-

¹ Н. И. Толстой, С. М. Толстая. К реконструкции древнеславянской духовной культуры. В кн. Славянское языкознание. М., 1978, с. 383.

² В. Н. Топоров. К происхождению некоторых поэтических символов. В кн. Ранние формы искусства. М., 1972, с. 78.

пример, огузской). Вообще говоря, сопоставление на уровне славянский — огузский, например (если не индоевропейский — тюркский), и было бы наиболее корректным. Однако, учитывая состояние вопроса, представляется возможным рассматривать здесь архаичный тюркский материал, сохраненный лишь в ряде ареалов как предположительно общетюркский. Это оправдано в данном случае еще и тем, что в центре внимания оказывается в данном случае изучение с е м а н т и к и термина, т. е. категории собственно лингвистической. Под тюркской традицией, таким образом, понимается традиция, выводимая (реконструируемая) прежде всего из анализа семантики термина.

Для сопоставления выбраны славянские и тюркские названия трех основных созвездий — Плеяд, Ориона и Б. Медведицы.

1. Основная масса славянских названий Плеяд взята из сферы земледельческой и отчасти географической терминологии: Плеяды у славян чаще всего представляются в виде *стога*, *снопа*, *копны* или небольшого *возвышения* на земле. Лексемная реализация этого представления может быть различной, она отчетливо поддается ареальной интерпретации. Для западнославянского ареала (поляки, чехи, лужичане) характерны *pluralia tantum* типа польск. *baby, babki*³. Собственно языковые и фольклорно-этнографические свидетельства позволяют соотнести их с терминами, обозначающими 'стог', 'сноп'. Известно, что лексема *baba* в славянских языках полисемантическая⁴, причем полисемантичесность отмечается и в пределах одного диалекта. В сочетании с типологическими свидетельствами этот факт дает основание рассматривать указанные названия Плеяд и в связи со сферой антропоморфных наименований⁵. Известно к тому же, что снопы, особенно последний сноп, в ряде славянских зон могли представляться в антропоморфном виде⁶.

Славянские представления о Плеядах как о стоге отражают такие термины, как словенск. *stožerčiči*, сербохорв. *stražari*, македонск. *stožeri*⁷, русск. *стожары*, *стожарья*⁸ и т. д. Ср. русск. *стожарá*, *стожар* 'каждый из кольев, которыми укрепляют стог сена'⁹.

В Полесье (преимущественно центральном и западном) Плеяды обозначаются терминами *кўпка*, *кїпка* (собств. записи 1976—1978 гг.). В одном и том же пункте могут встречаться оба термина: например, в дер. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл. записаны оба термина, которые могут соединяться и в одном контексте: *кїпка кўпочка зїрок, там зўстен'ко нэ мбжно пошїтáтї, сїм зорэж — кїпка*. Эти термины восходят как к обозначениям небольших возвышенностей на земле (ср. полесск. *кўпы* 'небольшая возвышенность на земле'), так и к обозначениям стога (ср. полесск. *кўпа* 'стог'; карпатск. *кїпка* 'кладка снопов в поле'¹⁰). Термины

³ W. Kupiszewski. Polskie słownictwo z zakresu astronomii i miar czasu. Warszawa, 1974, s. 96.

⁴ M. Piškur. Pomenska analiza besede *baba*. «Jezik in slovstvo», 1965, № 4, s. 6—15.

⁵ W. Kupiszewski. Nekaj pripomb v zvezi s pomenskim razvojem besede *baba*. «Jezik in slovstvo». 1965, № 4—5, s. 152—153; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 49—52.

⁶ О. А. Терновская. Славянский дожинальный обряд. КД. М., 1976, карта № 28.

⁷ W. Kupiszewski. Polskie słownictwo z zakresu astronomii..., s. 101.

⁸ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. I, с. 233; В. Н. Добробольский. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1894, с. 113.

⁹ Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898, с. 113.

¹⁰ М. Ф. Онышкевич. Словарь бойковского диалекта. В кн. Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, с. 331—332.

кірка, куркі, кора встречаются на территории Польши, они записаны польскими этнографами и в Полесье (Лунинецкий, Кобринский и Пинский р-ны)¹¹. Возможен перенос этого термина и на другие созвездия, так *кіпка* может относиться к Б. Медведице (Олтуш), хотя здесь уже отсутствует мотивировка внешнего сходства со стогом, как в случае Плеяд. Наконец, *кўпка* 'Плеяды' воспринимается и как обозначение некоего множества: *купка, скіл'ко їх је, их бі вмісті, оні ў кўпкэ* (д. Сваривичи Дубровицкого р-на Ровенской обл.).

Отмеченные в симбирских, вятских, уральских говорах термины *грудки, грудка* 'Плеяды' также могут рассматриваться как обозначение возвышенностей на земле (ср. русск. *груда*) и в то же время ассоциироваться со снопами (ср. *грудка* 'малая укладка снопов')¹². Как обозначения возвышенности выступают и *кўчки, кўча* 'Плеяды', известные в нижегородских, подмосковных, томских говорах и в среднем Прииртышье¹³.

Основная масса славянских названий созвездия О р и о н (включая и так называемый меч Ориона) делится на две группы. Первая группа — названия типа русск. *косари*, польск. *kośniki*. В описаниях представлений об этом созвездии дается развернутая картина совершаемых на небе сенокосных работ, ср. польск.: «...kośniki [...] to trzy chłopczy co rzędem stojo na niebie jeden za drugim jakby siekli a grabiorki to cała kupka za kośnikami»¹⁴. Звезды, находящиеся рядом с «тремя косарями», у поляков могут называться *odbieraczami, odbieraczkami, grabiarkami, żnączkami* и т. п.¹⁵. Причем, как видно из контекста, эти наименования могут относиться и к Плеядам. Встречаются и другие вариации этой основной темы (совершаемых сельскохозяйственных работ): *косарі—трі зв'оздочки такіє р'адышком [...] Там ідэ одна зв'оздочка, сестра їх'а, тіх косарів, ізвеш'ати што мачэха хачэ набіті* (д. Мокраны Малоритского р-на Брестской обл., собств. запись 1977 г.).

Несколько иная мотивировка засвидетельствована у хорватов в районе Загреб: «Zadnaja zvijezda od tri kosca zove se luknarica. Ona nosi koscima jelo»¹⁶.

Другая группа названий Ориона соотносится с терминологией сельскохозяйственных орудий: русск. *грабли, грабельцы*¹⁷, *кагачи*¹⁸, *кигачи*¹⁹, *кичиги*²⁰, *кичиги (кучиги)*²¹, словенск. *grablje, grabljice*²²; польск. *sierp, kosok*²³; болг. *оралото, ралците, орало*²⁴ и т. п. А. Н. Афанасьев по этому поводу писал: «Русские поселения видят небесный молотильный цех в

¹¹ M. Gładyszowa. Wiedza ludowa o gwiazdach. Wrocław, 1960, s. 28—29; W. Kupiszewski. Polskie słownictwo z zakresu astronomii, s. 100.

¹² «Словарь русских народных говоров», вып. 7. Л., с. 61.

¹³ Д. Святский. Под сводом хрустального неба. Звездная мифология народов России. СПб., 1913, с. 154; А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969, с. 568; «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (Дополнение), ч. I. Томск, 1975, с. 234; А. А. Пыхтеева. Наименования явлений природы в говорах среднего Прииртышья. АКД. Л., 1978, с. 15.

¹⁴ M. Gładyszowa. Ibid., s. 35.

¹⁵ W. Kupiszewski. Ibid., s. 89—90.

¹⁶ St. Kogrenić. Život, jezik i običaji stupničana kraj Zagreba. «Zbornik za narodni život i običaje južni Slavena», 1896, № 1, s. 146.

¹⁷ «Словарь русских народных говоров», вып. 7, с. 105, 107.

¹⁸ Там же, вып. 12, с. 237.

¹⁹ Там же, вып. 13, с. 198.

²⁰ Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893, т. II, с. 328.

²¹ А. А. Пыхтеева. Там же, с. 15.

²² W. Kupiszewski. Ibid., s. 90.

²³ Ibid., s. 92; M. Gładyszowa. Ibid., s. 44.

²⁴ V. Koseska. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław, 1972, s. 91—92.

созвездия Плеяд или Ориона, как свидетельствует придаваемое им областное название кичига, означающее цеп и валек»²⁵.

Б. Медведица представляется у славян, как и у многих евразийских народов, в виде небесной повозки. Однако sporadически на восточнославянской территории это созвездие обозначается и другими терминами: *кови* (рязанск., костромск., архангельск., саратовск., курск., амурск.)²⁶, *ковшик* (уральск., новосибирск.)²⁷, *кастриля* (воронежск.)²⁸. Последнее название записано нами и в д. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., оно также было отмечено в Минской губ.²⁹. Лексема *корѣц* 'Б. Медведица' (курск.) имеет в говорах основное значение 'чаша'³⁰. Эта группа наименований входит, таким образом, в круг уже не сельскохозяйственной, а бытовой терминологии.

Сербы и болгары, в отличие от восточных и западных славян, видят в Б. Медведице пашущих волов, плуг: ср. сербск. *рало*, *ралица*, *волови*³¹, болг. *волове*, *оралѣнце*³². Эти южнославянские термины находят соответствие и в ряде греческих, романских и германских названий Б. Медведицы. Возникновение их А. Шерер связывает с индоевропейским представлением о небе как о гумне³³.

Если же обратиться не к терминам, а к поэтической и ритуальной астрономической символике, то оказывается, что в фольклорно-этнографических текстах, как правило, отдельные созвездия не вычленяются — звезды здесь выступают обычно как единый объект. Прежде всего надо упомянуть в связи с этим ряд формул — сравнений магического характера, где количество звезд на небе соотносится с количеством стогов, снопов на земле. Эти клише сохранены прежде всего в обрядовой и лирической поэзии³⁴. Ср., напр., в укр. фольклоре: И уроди, боже, жито густее, | Жито густее, волосистее, | Поставим женців — сімсот молодців, | На жнем о кіп о к, як на небі зірок, | Поставим стожок, золотенький вершок³⁵. Подобные формулы, построенные по принципу: сколько на небе звезд, столько на земле стогов, копн — характерны в основном для западно- и восточнославянской обрядовой и лирической поэзии. Ср. также связанные со сферой земледельческих интересов известные гадания по звездам о будущем урожае, приуроченные чаще всего к новогодней обрядности. Количество звезд на небе в новогодних гаданиях, напр., у восточных славян, предсказывают урожай ржи, конопли, ягод, грибов и т. д. Подобные гадания направлены также и на определение приплода овец в наступающем году. Напр.: *на пѣршу кут'у нѣмá зорі, двіс'а тѣпѣр молодн'акіу нѣ бѣдѣ* (д. Новый Двор Пинского р-на Брестской обл. Собст. записи, 1977). Ср. в связи с этим описанный И. П. Сахаровым обряд окликанья звезды для обильного плодородия овец (Тульск. губ.)³⁶. См., однако, и иное объяс-

²⁵ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, с. 288.

²⁶ «Словарь русских народных говоров», вып. 14, с. 35.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, вып. 13, с. 116.

²⁹ Д. Святский. Там же, с. 145.

³⁰ «Словарь русских народных говоров», вып. 14, с. 326.

³¹ Н. Јанковић. Астрономија у предајима, обичајима и умотворима Срба. Београд, 1951, с. 143—145.

³² V. Koseska. Ibid., s. 86—91.

³³ A. Scherer. Gestirnamen bei den indogermanischen Völkern. Heidelberg, 1953, S. 136.

³⁴ Л. Н. Виноградова. Заклинательные формулы в календарной поэзии славян и их обрядовые истоки. В кн. Славянский и балканский фольклор. М., 1978, с. 15, 23—25.

³⁵ Там же, с. 15.

³⁶ И. П. Сахаров. Сказания русского народа. М., 1849, т. II, с. 14.

нение³⁷. К этому же типу символики можно отнести ряд загадок, в частности, русских, польских, сербских, в которых звезды представляются в виде овец. Интересно, что в некоторых польских и лужицких диалектах Плеяды называются *owieczki*³⁸. Впрочем, в загадках в данном случае на первом плане другой принцип кодирования: звезды загадываются как объект, выраженный либо множественным числом (овцы, пчелы), либо собирательным существительным (горох, просо)³⁹. Не исключено, что гадания по звездам также связывались с этим принципом кодирования: из сельско-хозяйственных объектов выбираются именно те, которые обладают свойством быть недифференцированными множественным числом (ягоды, жито и т. п.). Ср. отражение параллельного действия обоих принципов в сербской загадке: *ozgor љеса оздол просо* (отгадка — небо и звезды)⁴⁰.

Приведенный материал позволяет вывести глубинную семантическую мотивировку славянских поминаций основных созвездий, которая коренится в восприятии звездного неба как аналога земной поверхности (звезды — растения: конопля, жито и т. п.). На этом фоне выделяются отдельные созвездия, представляемые в виде стогов, снопов, возвышенностей на земле, а в случае антропоморфизации созвездия — в виде людей, работающих на поле. Эта семантическая доминанта обладает свойствами проявляться независимо от плана выражения⁴¹, т. е. на разных уровнях (языковом и символическом). Ее могут нейтрализовать в ряде случаев другие доминанты, менее регулярные, о чем свидетельствует, например, их ареальная характеристика. Достаточно здесь ограничиться одним показательным примером. Известно, что у многих народов появление Плеяд на небосклоне связывалось с началом нового сезона — весны, к началу которой приурочивался, в частности, у славян, целый цикл обрядов. Одним из элементов этого цикла было представление, что весной различные святые (Петр, Георгий, Никола) своими ключами отмыкают небо, землю, выпускают росу и т. п.⁴². Это открывание небес и земли может соотноситься и с весенним появлением Плеяд. Сербь, например, считают, что Плеяды весной открывают путь лету и замыкают зиму⁴³. Ключи от неба и звезды упоминаются вместе, напр., в русских заговорах от колдовства, ср.: «[...] И глаголят мне, рабу Божию, Михаил-архангел: заслону я тебя, раба Божия, железною дверью и замкну тридевятью замками-ключами и дам ключи звездам... возьмите ключи, отнесите на небеса»⁴⁴. Отражением этого комплекса представлений является единичное воронежск. *ключи петровы* 'Плеяды'⁴⁵. По сообщению Д. Святского, в Воронежской губ. *петровы ключи* 'Плеяды' использует св. Юрий, открывая небо и дождь⁴⁶.

Попутно заметим, что воздействие соседних неславянских ареалов (например, финно-угорского: *сито* 'Плеяды', *лось* 'Б. Медведица') сказывается

³⁷ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Там же, с. 74.

³⁸ M. Gładyszowa. Ibid., s. 26.

³⁹ Ю. И. Леви́н. Семантическая структура загадки. В кн. Паремнологический сборник. М., 1978, с. 311.

⁴⁰ Н. Јанковић. Там же, с. 135.

⁴¹ В. Н. Топоров. Там же, с. 78.

⁴² А. Н. Афанасьев. Там же, т. II, с. 404—405.

⁴³ Ш. Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић. Српски митолошки речник. Београд, 1970, с. 71—72.

⁴⁴ А. Н. Афанасьев. Там же, т. II, с. 407—408.

⁴⁵ «Словарь русских народных говоров», вып. 13, с. 323.

⁴⁶ Д. Святский. Там же, с. 151.

прежде всего на лексемном уровне, не затрагивая другие уровни, что может объясняться большей устойчивостью последних.

2. Тюркские названия трех основных созвездий отражают специфику быта кочевников, живущих охотой, набегами, разбоем, коневодством. Удивительно однообразны тюркские названия Плеяд: ср. башкирск. *ÿlker*, турецк. *ülger* и т. п., неясно лишь значение выделяемого корня⁴⁷. С этим созвездием в тюркской традиции связываются два мотива. Первый, имеющий широкие типологические параллели, — о влиянии Плеяд на погоду, ср. известный у казахов рассказ: «*Уркек* (Плеяды), находясь на земле, выгоняет из-под земли травы. Чем больше *Уркек* лежит на земле, тем лучше для животных. Поэтому лошадь, верблюды, корова, баран и коза договорились по очереди стеречь его, придавив ногами к земле, чтобы он не ушел на небо. Когда очередь дошла до козы, она по своему легкомыслию не доглядела. *Уркек* прорвал ее копыто и выскочил на небо. В наказание за проступок остальные животные лишили козу курдюка».⁴⁸ Подобные повествования отмечены у ряда восточнотюркских и монгольских племен⁴⁹. Этот мотив допускает различные вариации, так, Плеяды могут представляться в виде червя, и, соответственно, животные должны раздавить этого червя⁵⁰. Другой мотив, связываемый у тюрков с Плеядами — кража Б. Медведицей одной звезды (девушки) из созвездия, вследствие чего Плеяды каждую ночь преследуют Б. Медведицу, пытаясь догнать ее и вернуть звезду (девушку) обратно.

Тюркские названия Ориона образуют два ареала. Первый, восточнотюркский, включает названия, связанные с охотничьим промыслом. В повествованиях об этом созвездии, особенно почитаемом охотниками, говорится, что оно состоит из трех маралух, охотника, его собаки и стрелы. Ср. приводимый Г. Н. Потаниным рассказ: «За *Учь мыйгаками*, тремя маралухами, гнался богатырь *Кугульдей-Матыр*; маралухи обежали всю землю, нигде не могли найти убежища от преследующего богатыря и поднялись на небо. *Кугульдей-Матыр* также поднялся, лошадь оставил на востоке (где указывают большую звезду), а сам выстрелил по зверям два раза, эти две стрелы также указываются на небе, одна белая звезда, другая — красная; эта последняя есть та окровавленная стрела, которая прошла сквозь тело маралух. *Кугульдей-Матыр* также указывается на небе». Ср. также сходное алтайское повествование: «*Коголь-Маймап* охотился за *Учь-майгаком*. Одна звезда из Ориона — *собака* Коголя, другая — его *беркут*, третья — *стрела*; остальные три звезды — *хвост Учь-майгака*. Этому Коголь-Майману молятся звероловы и просят об удаче»⁵¹.

Казахи в р-не Токрау называют Орион *Учь-Аркар* 'три архара': «*Уч-аркар* „три архара“ имеют около себя трех архарят, так что созвездие иногда называют *Алты-аркар* — „шесть аркаров“. Под архарами будто бы сидит охотник (мерген)»⁵². У киргизов это созвездие обозначается

⁴⁷ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 630—631.

⁴⁸ Х. Абишев. Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. Алма-Ата, 1949, с. 19.

⁴⁹ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. СПб., вып. IV, 1883, с. 204.

⁵⁰ Г. Н. Потанин. Там же, вып. II, 1881, с. 124—125.

⁵¹ Там же, с. 204.

⁵² Г. Н. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. Живая старина, 1916 (отдельный оттиск). Петроград, 1917, с. 117.

как *три архара*⁵³. Алтайцы и западные тувинцы именуют его *Уш-майгак*, а западные тувинцы — *Курбан сога* (т. е. 'три маралухи')⁵⁴.

Карагасы называют Орион *Уш мыйгак* 'три изюбря'. Три звезды пояса Ориона воспринимаются в виде *человека*, *изюбря* и *стрелы* охотника⁵⁵. В другом месте Г. Н. Потанин сообщает: «По рассказу Спирбая, киргиза из Тарбагатая, киргизы называют три звезды этого созвездия, стоящие рядом — *Ушь-аркар* (три каменных барана). Другие три — *Ушь-мэргэн* (три охотника), седьмая звезда называется *мултукнынг огы* (ружейная пуля). Охотники были прежде на земле, не было от них прохода ни одному зверю, ни одной птице; аркары жаловались на это богу и были по аркану подняты на небо»⁵⁶. Хакасы считали, что меч и пояс Ориона — шесть лошадей, убегающих от преследования семи голубых волков, образующих Б. Медведицу⁵⁷. Другой ареал образуют названия Ориона типа *таразы* 'веси'. Они встречаются у турок, казахов, сибирских татар⁵⁸.

Для тюркских названий Б. Медведицы характерно включение числового показателя *семь*, т. е. созвездие может называться *семью ханами*, *семью разбойниками*, *семью волками*, *семью чудовищами* и т. д.: казах. *жеті қарақши* (семь конокрадов)⁵⁹, *jetti ughri* (семь воров)⁶⁰, алтайск. *jedi kurt* (семь волков)⁶¹. «У тувинцев Б. Медведица Чедыхан или Долан-бурхан. Эти названия связаны с легендой о семи братьях, поднявшихся на небо и ставших богами. У южных тувинцев — это семь чертей, поднявшихся на небо и ставших бурханами» (т. е. святыми. — Э. Аз.)⁶².

С Б. Медведицей в тюркской традиции соединены два мотива, оба — о краже. Первый — мотив кражи девушки из созвездия Плеяд, второй — кража коней, привязанных у Полярной звезды. Ср. записанную легенду: «*Ак боз ат, кэж боз ат* (белый мерин, серый мерин), спутанные веревкой, конец которой привязан к железному колу (полярной звезде), пасутся на лугу, их охраняет *кузетши* (сторож). Семь конокрадов (Б. Медведица) хотят украсть этих коней и всю ночь следят за ними. Кони кружат вокруг кола, конокрады следят за ними, но наступает утро, и конокрады уходят ни с чем. Так повторяется каждую ночь»⁶³. У башкир рассказывается о вечно скачущих от преследования волков небесных конях *Бузат*, *Һарат*, которые образуют, видимо, созвездие Б. Медведицы⁶⁴.

В некоторых тюркских эпических традициях (напр. башкирской, алтайской) известны развернутые повествования о происхождении созвездий. Причем созвездия, как правило, связываются с различными эпическими героями (в отличие от славянской традиции, где подобной связи нет). Например, основной герой алтайского эпоса *Когудей-Мерген* после

⁵³ Киргизские сказки. М., 1969, с. 17—18.

⁵⁴ В. П. Дьяконова. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке. В кн. Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976, с. 285.

⁵⁵ Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина..., с. 328.

⁵⁶ Г. Н. Потанин. Очерки..., вып. II, с. 124.

⁵⁷ В. Я. Бутанаяв. Представления о небесных светилах в фольклоре хакасов. Уч. зап. Хакасского НИИ языка, литературы и истории, вып. 20, серия филологическая, № 3. Абакан, 1976, с. 237—238.

⁵⁸ U. N a g v a. Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker. Helsinki, 1938, S. 195.

⁵⁹ Х. Абишев. Там же, с. 12.

⁶⁰ Г. Н. Потанин. Очерки..., вып. IV, с. 720.

⁶¹ В. O g e l. Türk mitolojisi. Ankara, 1971, s. 312.

⁶² В. П. Дьяконова. Там же, с. 286.

⁶³ Х. Абишев. Там же, с. 12—13.

⁶⁴ Н. Х. Максютова. Башкирская космогония. В кн. Ономастика Поволжья. 3. Уфа, 1973, с. 384. См. также А. Д и в а е в. Киргизский рассказ о звездах. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете». Казань, 1897, т. XIV, вып. 3, с. 369.

своих благородных трудов, установив на земле мир и благоденствие, вместе с женой улетает на небо и превращается в звезды:

«...Прославленный Когудей-Мерген
И супруга его Алтын-Кюскю,
Ставши звездами, улетели.
В глубине синего неба
Есть созвездие Семи каанов
Это семь одинаковых Когюдей-Мергенов
На свадьбу едут, говорят.
Есть звезда Золотой кол —
Это единственная дочь Ай-каана
Алтын-Кюскю, говорят.
Есть созвездие под названием Три маралухи,
А над ними повыше
Есть одинокая красная звезда —
Это брюхо марала прострелившая
Когюдей-Мергена богатыря
Кровавая стрела, говорят»⁶⁵

Таким образом, тюркские названия основных созвездий и связанные с ними традиционные представления позволяют реконструировать их глубинную семантическую доминанту, которая определяется бытом кочевников: на тюркском небе видны засады, охотник, маралухи, пасущиеся кони, разбойники, пытающиеся украсть коней или девушек.

А. Шерер установил, что в индоевропейских языках находят отражение три типа обозначения созвездий — наименования, связанные 1) с сельскохозяйственными интересами, 2) с охотой, 3) с различными мифологическими персонажами⁶⁶. Если для славянского характерен первый тип, то для тюркского — второй и отчасти третий.

Этимологическая вторичность названий звезд в славянских и тюркских языках основывается на одних и тех же семантических дифференциальных признаках. В славянских диалектах названия звезд восходят к двум корням. Праслав*. *gvězda* образовано с помощью суффикса *-da* от **gvoidz* 'светить', 'блестеть'⁶⁷. Другая группа лексем (русск. *зорька*, польск. *zorza* и т. п.) связывается с родственными балтийскими словами, обозначающими 'свет', 'блеск'⁶⁸. В тюркских языках названия звезд (ср. азербайджанск. *улдуз*, уйгурск. *jultuz* и т. п. 'звезда', 'звезды')⁶⁹ родственны обозначениям молнии (ср. азербайджанск. *илдырым*). В них выделяется общий элемент *yild* со значением 'свет', 'блеск'. Турецкое диалектное *ayaz* 'звезда' также восходит к корню, имеющему значение 'свет', 'блеск'⁷⁰.

Проведенное сопоставление названий созвездий наметило лишь некоторые сходства и различия славянской и тюркской систем народной астрономической терминологии. Продолжение сравнительного анализа этой лексической группы на более широком материале позволит определить новые этнолингвистические признаки той и другой традиций.

⁶⁵ «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос». М., 1973, с. 436.

⁶⁶ A. S c h e r e r. Soziologisches über Sternnamen. In: Antiquitates Indogermanicae. Studien zur indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indogermanischen Völker. Leipzig, 1974, S. 185—188.

⁶⁷ A. S c h e r e r. Gestirnnamen..., S. 36—37.

⁶⁸ М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. II, с. 81.

⁶⁹ Сводку всех форм см. M. R ä s ä n e n. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türkssprachen. Helsinki, 1969, S. 210.

⁷⁰ Э. В. С е в о р т я н. Там же, с. 102—103.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ ФАКТЫ

Н. М. ПАШАЕВА

ДВА АВТОГРАФА ЯНА КОЛЛАРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

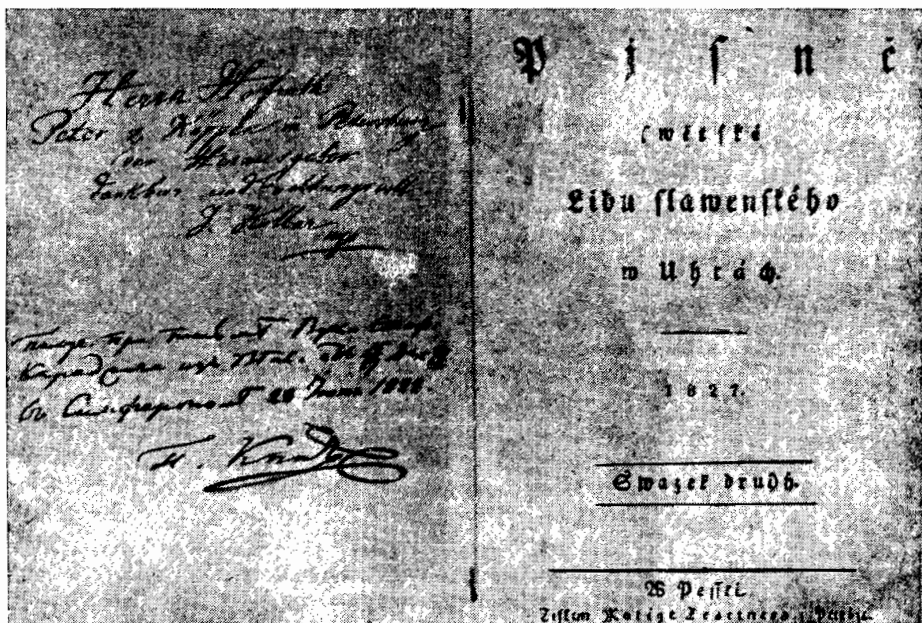
Контакты выдающегося поэта-будителя Яна Коллара с русскими славистами составляют яркую страницу в истории межславянских связей первой половины XIX в. Они были предметом ряда исследований — известны переписка Коллара с русскими учеными, публикация его трудов в русской печати, непосредственные встречи Коллара с русскими деятелями, наконец, отклики современников на труды Коллара¹. В тени до сих пор остается еще одна страница этих контактов — контакты книжные. Между тем без них картина межславянских культурных связей и роли в них русских деятелей будет неполной.

Нам посчастливилось обнаружить в фондах Государственной публичной исторической библиотеки два автографа Яна Коллара, относящихся к 20-м годам XIX в. Среди хранящихся в библиотеке книг — памятников славянского национального возрождения — привлекают внимание два пожелтевших томика «Светских песен словацкого народа в Венгрии»². Первый том в бумажной обложке, второй в переплете современном изданию — та же обложка наклеена на тонкую фанерку. На титульном листе первого тома, вышедшего в 1823 г., выцветшими черными чернилами написано: «An H. v. Köppen Russ. Kays. Hofrath von J. Kollár» (Т. е. «Господину ф[он] Кеппену рус[скому] имп. надворному советнику от Я. Коллара»). Внизу обложки мелким почерком также черными чернилами написано рукою Кеппена: «Получ. в С. Петербурге 28 апр. с курьером в пакете на имя Д[ействительного] С[татского] С[оветника] Шторха. 1824». На обороте переплета второго томика, увидевшего свет в 1827 г., значится: «Herrn Hofrath Peter v. Köppen in Petersburg der Herausgeber dankbar und achtungsvoll J. Kollár». (Т. е. «Господину надворному советнику Петру фон Кеппену в Петербурге от издателя с благодарностью и уважением Я. Коллар»), а ниже рукою Кеппена: «Получ. при письме Вука Стеф. Караджича в Вене от ¹⁵/₂₇ дек. 27 в Симферополе 28 июнь (так. — Н. П.) 1828. П. Кеппен» (Рис. 1). За этими скупыми строчками стоит целая страница славянских связей.

¹ См., например, обстоятельную статью: А. А. З а й ц е в а. Ян Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX в. В кн. Литература славянских народов. М., 1963, с. 99—141. Автор использовал и приводит в подстрочных примечаниях большую литературу по теме.

² «Pisně světské lidu slovenského v Uhřích». Sv. 1—2. Pešt, Nakl. Trattnera, 1823—1827.

Ян Коллар познакомился с Петром Ивановичем Кепшеном во время пребывания последнего в Пеште с 25 мая по 12 июня 1822 г.³ Обои́м было тогда по 29 лет. Коллар начинал свой путь поэта-будителя — за год до этого были опубликованы его «Сонеты». К тому времени он успел несколько лет проработать на трудном посту славянского протестантского пастора в Пеште, подвергался травле за свою патриотическую славянскую деятельность. Сын врача, выходца из Бранденбурга, молодой русский ученый Кепшен, член знаменитого Румянцевского кружка, был «первым

сознательным путешественником из России в славянские земли», как характеризует его историк Кочубинский. «Дух предприимчивости, живая любознательность, — пишет Кочубинский, — привели Кепшена в первые же годы его ученой карьеры туда, куда добровольно, без солдатской шинели, лишь в кои веки заходила нога русского — к полумифическим уже для нашего сознания славянам Австрии, в их поэтические закоулки Карпат и Альп... Как пионер он открыл в своем лице теперь уже традиционный путь русских славистов на Запад»⁴. Путешествие Кепшена продлилось с 1821 по 1824 г. Он познакомился со многими видными деятелями славянской культуры, в том числе с Йозефом Добровским, Павлом Йозефом Шафариком, Франтишком Палацким и многими другими. Он вернулся в Петербург в апреле 1824 г. и тогда же получил первый томик словацких народных песен с дарственной надписью Коллара. Издание было осуществлено Колларом совместно с его друзьями — Шафариком и Яном Благодиславом (Бенедикти), товарищем по Йенскому университету. Хотя много песен было записано лично Колларом, имя его на титульном листе

³ Дневник путешествия Кепшена, интересный источник по истории русско-славянских связей, хранится в Ленинграде в архиве АН СССР. (См. Архив Академии наук СССР. Обзорные архивных материалов. Л., 1933, с. 133—136). К сожалению, он до сих пор не опубликован. Материалы его были использованы в биографии П. Кепшена, написанной его сыном. Ф. П. К е п ш е н. Биография П. И. Кепшена. СПб., 1911.

⁴ А. А. К о ч у б и н с к и й. Адмирал Шипков и канцлер гр. Румянцов. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888, с. 198.

не фигурировало. Причину следует искать, вероятно, в той травле, которой подвергался молодой славянский пастор в Пеште. Выход книжки под его именем мог еще более разжечь страсти⁵. Недаром друзья Коллара воздерживались в ту пору от слишком пылких публичных восхвалений его, понимая, что лишняя похвала в глазах австрийской цензуры и властей может окончиться для него трагически. Выход первого сборника словацких народных песен имел огромное значение и Коллар понимал это. «Несомненно — писал он в предисловии к томику, — песни простого народа драгоценны и важны не только в лингвистическом, но и в эстетическом и этнологическом отношении. Они — образы, в которых каждый народ наиболее верно выражает свой характер, они — история его внутреннего мира и жизни, ключи от святыни нации, и кто не умеет или не хочет отпирать ими, тот никогда не познает, что такое человечность, ведь она проявляется в пастушьих песнях не меньше, чем в египетских пирамидах»⁶. Понятно поэтому, что плод своего труда Коллар послал своему новому другу в Россию. Не следует удивляться и тому, что книга переслана в пакете на имя Шторха. Почтовые пересылки между славянскими странами Австрийской империи и Россией были весьма затруднены, австрийские власти смотрели на русско-славянские контакты с явным недоброжелательством. Возможно также, что Коллар не знал почтового адреса Кеппена, да и тариф на почтовые отправления был чрезвычайно высок. Гораздо легче было послать, как тогда называли «с оказией». А пакет на имя Шторха был как раз подходящей «оказией» — известный экономист, вице-президент Петербургской академии наук, преподававший великим князьям, Андрей Карлович Шторх был лицом, из пакета на имя которого книга явно не могла пропасть. В то же время Шторх хорошо относился к молодому Кеппену с первых лет его пребывания в Петербурге.

Тотчас по возвращении из путешествия Кеппен развил бурную деятельность и с 6 января 1825 г. начал выпускать первый международный библиографический журнал «Библиографические листы», в котором много внимания было уделено славяно-русским связям. А. А. Кочубинский, а вслед за ним и Ф. П. Кеппен говорят, что журнал «предназначался стать ученым посредником между Россией и западнославянским миром»⁷. Уже в первом номере, открывавшем издание, Кеппен знакомит читателей «с иностранными споспешествователями и любителями словенской филологии... от коих мы смеем ожидать себе содействия». И далее следует алфавитный список 18 славянских деятелей, среди которых Бандтке, Ганка, Добровский, Караджич, Линде, Палацкий, Шафарик и др. В этом списке находится и «Ив. Коллар (Johann Kollár), проповедник для словен протестантов в Песте и Офене»⁸. В дальнейших номерах журнала постоянно присутствует славянская тематика — Кеппен печатает сведения о литературных и научных явлениях в славянском мире. Упоминается и деятельность Коллара — в № 18 Кеппен откликается на выход первого издания поэмы «Дочь Славы», подчеркивая, что Коллар «принадлежит к уважаемым Литераторами поэтам; он страстно любит свой язык и вообще все Словенское, а о чистоте его намерений свидетельствует следующий стих его предисловия (Předzpěv): *Sám svobody kdo hoden svobodu zná vážiti každau*⁹. В этом же номере дается информация о первом из упомянутых нами выше томиках «Светских песен» (с. 254).

⁵ А. А. Зайцева. Там же, с. 108.

⁶ «Pisně světské...», s. XXIV.

⁷ Ф. П. Кеппен. Там же, с. 101.

⁸ «Библиографические листы», 1825, № 1, с. 5.

⁹ Там же, № 18, с. 252—253. Кто сам достоин свободы, умеет уважать всякую свободу.

Несмотря на весьма лояльный характер издания, вскоре на Кеппена поступил донос от известного мракобеса М. Л. Магницкого, бывшего тогда попечителем Казанского учебного округа. Поводом послужила напечатанная в № 8 и 10 «Библиографических листов» информация об издании «Кирилла и Мефодия» И. Добровского, подготовляемом членами знаменитого Румянцевского кружка и связанные с этим изданием материалы. Кеппен сам был активным членом кружка и удар был направлен против передовой научной деятельности первых русских славистов. Обвинение было абсолютно вздорным, никаких выступлений против православия ни у Кеппена, ни в самой книге не было, однако Кеппен вынужден был оправдываться и даже предстать перед духовным судом. Суд под председательством петербургского митрополита Серафима и известного ученого митрополита Евгения Болховитинова полностью оправдал Кеппена и «Библиографические листы» продолжали выходить¹⁰, но этот эпизод был первым ударом реакции. Разгром восстания декабристов, следствие и суд над ними ускорили развитие событий. Хотя сам Кеппен в подготовке восстания не участвовал и не был привлечен к следствию, тучи над ним стужались. Комитет при министерстве просвещения, в котором Кеппен занимал должность правителя дел, возглавлял Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, отец троих декабристов, один из которых был потом повешен. 23 мая 1826 г. комитет был ликвидирован, а Кеппен переведен в новый комитет, где сразу почувствовал себя чуждым и нежелательным¹¹. Издание «Библиографических листов» пришлось прекратить на 43 номере 28 мая. Письма славянских деятелей из-за рубежа по неизвестным причинам пропадали и обнаружались лишь через полгода¹². К тому же в начале 1826 г. умер Н. П. Румянцев. Кеппену пришлось срочно искать себе новое место и это место подвернулось — 8 сентября 1826 г. он подает прошение об определении его помощником... главного инспектора над шелководством. В марте 1827 г. назначение было утверждено, для жительства он выбрал Симферополь. В Симферополе застала его вторая книжка песен, на этот раз переплетенная. Книжка была приложена к письму неутомимого Вука Караджича, много делавшего для контактов русских ученых со славянскими будителями¹³. Письмо Караджича с книгой также шло полгода...

Две книжки с автографами попали затем в библиотеку известного слависта Александра Александровича Котляревского, пытавшегося подобрать коллекцию книг по славяноведению — энциклопедию славянства. После его смерти библиотека его — около 20 тыс. томов — была в 1894 г. приобретена Историческим музеем, а в 1938 г. вместе с другими фондами библиотеки Исторического музея вошла в состав фондов Государственной публичной исторической библиотеки.

¹⁰ Эта история заслуживает отдельного исследования; заметим попутно, что, к сожалению, в словаре «Славяноведение в дореволюционной России» (М., 1979, с. 182—183) этот момент биографии Кеппена изложен не совсем точно.

¹¹ Ф. П. К е п п е н. Там же, с. 107—109.

¹² И. В. Я г и ч. Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян («Источники для истории славянской филологии», т. 2). СПб., 1897, с. 156 и др.

¹³ См. Н. М. П а ш а е в а. Первоиздания этнографических и фольклорных трудов Вука Караджича в фондах Государственной публичной исторической библиотеки. «Советская этнография», 1964, № 2, с. 141—142.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И. В. ЧУРКИНА. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия, М., 1978, 392 с.

Рецензируемая монография И. В. Чуркиной представляет собой итог многолетней исследовательской работы автора. Исследование И. В. Чуркиной имеет теоретическое значение, поскольку в нем впервые в советской историографии раскрывается специфика формирования словенской нации, широко освещаются русско-словенские связи, что позволяет поставить более общий вопрос о роли России в жизни малых славянских народов. Труд И. В. Чуркиной важен и интересен также тем, что в нем выявлены некоторые типичные черты в генезисе словенского русофильства, обусловленные спецификой исторического развития словенцев.

Автор изучила обширный, до сих пор почти неиспользованный материал, ввела в научный оборот много новых фактов. Анализ словенских (12 наименований) и русских (21 наименование) периодических изданий XIX в., использование русской и словенской мемуарной литературы, привлечение нового архивного материала (обследовано 12 советских и 4 югославских архива) позволили автору воссоздать картину развития идейно-политических взглядов широкого круга словенских национальных деятелей: драматурга и историка А. Линхарта, крупнейшего словенского филолога первой половины XIX в. Е. Копитара, просветителя и этнографа М. Маяра, вождя левого крыла младословенцев Ф. Левстика, наиболее видных представителей словенского русофильства Ф. Целестина, М. Хостника, Ф. Подгорника и др.

Основное внимание в работе уделено словенскому национальному движению XIX в., формированию идейно-политических программ словенских национальных деятелей, для которых определяющей являлась русофильская ориентация. Автор поставил своей задачей исследовать воздействие, которое оказало существование России как могущественного славянского государства на формирование словенского национального самосознания, проследить влияние русской общественной мысли на словенцев, особенно

в 60—90-е годы XIX в., изучить общественно-политические и культурные связи, имевшие место между общественными и культурными деятелями России и словенских земель.

Работа состоит из введения, 4 глав и заключения. Во введении четко сформулированы задачи исследования, достаточно убедительно обоснованы хронологические рамки работы, лаконично изложена периодизация словенского национально-освободительного движения, принятая словенскими историками (с. 12). Беглый анализ историографии проблемы показал значительную степень ее неразработанности, оригинальность предложенной вниманию читателей книги. Однако многообразие использованных источников обязывает автора к их подробной характеристике, систематизации и оценке, что, к сожалению, отсутствует в монографии. Несколько упрощенный подход свойствен и в определении таких категорий как панславизм, австрославизм, всеславянские идеи.

В первой главе монографии, обобщающей по замыслу и характеру, раскрываются особенности экономического, социального и национального развития словенцев в XIX в. Написана она на основе работ югославских историков. И. В. Чуркина отмечает, что развитие капитализма, начавшееся в словенских землях с середины XVIII в., стало базой формирования словенской буржуазной нации, главной особенностью складывания которой явилось то, что она формировалась в условиях инационального господства (с. 14). Однако следует заметить, что экономическое развитие словенских земель второй половины XIX в. освещено недостаточно. Автор ставит очень существенный для разработки названной проблемы вопрос о социальной базе словенского национального движения и приходит к выводу, что уже в 30—40-е годы XIX в. его оплотом становится словенская буржуазия, в своем подавляющем большинстве средняя и мелкая, гораздо более слабая чем

немецкая. В последующий период — она ведущая, наиболее активная сила. К сожалению, процесс поляризации сил в лагере словенской национальной буржуазии после принятия аустляйха, ее положение в рамках дуалистической Австро-Венгрии, что определяло во многом ее внутриполитический австрославистский курс, проанализирован крайне бегло. На уровне констатации остался тезис, что выразителем национальных чаяний словенцев была словенская интеллигенция (с. 37).

Во второй главе, прослеживая возникновение русофильской концепции на первом этапе словенского национального движения — этапе просветительства (конец XVIII в. — 1848 г.), И. В. Чуркина вскрывает специфику формирования словенского национального самосознания. Проведенный анализ позволил прийти к выводу, что в этом процессе в силу сложившихся исторических условий определяющими факторами стали народная фольклорная традиция и идея славянской взаимности (с. 44). Отмечая, что до революции 1848 г. идеи славянской взаимности во всех формах (югославизм, австрославизм и русофильство) проявлялись главным образом в области культурных связей, не оформились в какую-либо определенную политическую программу, автор подчеркивает, что в 30—40-е годы XIX в. широкое распространение среди словенских национальных деятелей получили идеи иллиризма (с. 60—65). Внимательное изучение источников показало, что в 20—40-е годы XIX в. русско-словенские связи носили спорадический характер (с. 78).

Революция 1848 г., сыгравшая решающую роль в национальном развитии словенцев, способствовала появлению первой политической программы словенских либералов — Объединенной Словении. Ее идейно-политическая сущность и австрославистская направленность нашли значительное отражение в рецензируемой монографии.

Основное внимание в книге закономерно уделено периоду после революции 1848 г., когда словенская либеральная интеллигенция, разочаровавшись в габсбургской монархии, стала все более возлагать надежды на поддержку со стороны могущественной России. В третьей главе монографии детально рассмотрены взгляды идеолога «всеславянства» у словенцев М. Маяра, причины зарождения теории создания единого общеславянского языка (с. 84 и др.), показано возрастание интереса к России и русской общественной мысли. Проанализировав отношение к славянскому вопросу русских общественно-политических деятелей консервативного (панславистов), умеренно-либерального (славянофилов) и демократического на-

правлений (Герцен, Бакунин и др.), автор пришел к выводу, что в 60—70-е годы XIX в. наибольшее влияние на формирование словенских политических и культурных программ оказали славянофильские идеи. При этом автор обстоятельно прослеживает перипетии борьбы вокруг программы Объединенной Словении, предусматривавшей объединение всех словенских земель в самостоятельную административно-политическую единицу, что отвечало стремлениям складывающейся словенской нации (с. 108 и далее).

Значительная часть главы посвящена анализу конкретных связей между Россией и словенскими землями в 60—70-е годы XIX в., отмечается, что с конца 50-х годов между русскими и словенскими общественными деятелями устанавливаются постоянные контакты, прежде всего между славянскими комитетами и Матицей Словенской. Прослеживая динамику развития русско-словенских отношений, И. В. Чуркина делает вывод, что кульминационным пунктом научного и культурного сотрудничества стала Этнографическая выставка в Москве. В работе выявлены причины охлаждения словенской общественности к России в середине 70-х годов, показано сокращение общественно-политических русско-словенских связей.

Одним из главных достоинств книги является показ роли в политической жизни Словении русофильского течения у словенцев в последней четверти XIX в., оформившегося в определенную группировку, но далеко не однородного. В четвертой главе детально рассмотрено влияние внешне- и внутриполитических факторов на рост русофильских настроений, выявлена природа словенского русофильства, проведена четкая дифференциация внутри этого идейно-политического течения, выделены два этапа в его развитии в последней четверти XIX в.

Последняя глава насыщена анализом статей и выступлений Ф. Целестина, М. Хостника, наиболее активно выступавшего в словенской печати, Ф. Подгорника. Здесь прослежены процесс поляризации и размежевания сил в лагере словенской буржуазии, история создания газеты «Слованский свет», влияние клерикализма, рабочего движения на ее программу, трактовку национального вопроса, отношение к крестьянству, религии, женскому вопросу и др.

Анализ социальной базы словенского русофильства, его социально-экономической, национально-политической и культурной программ, позволил И. В. Чуркиной сделать вывод, что словенские русофилы являлись представителями словенского мелкобуржуазного национализма, национализма угнетенного народа, стояли на левом крыле словенского ли-

берального движения. Интересные, хотя и не всегда бесспорные соображения высказаны автором по вопросу о принципиальном отличии словенского русофильства от русского панславизма. Подобный вывод (с. 378) был бы более научно-значимым, если бы он основывался на более детальном изучении русского панславизма, в том числе и его отношения к западным славянам. Ряд положений представляется не достаточно аргументированным. Так, вряд ли убедительным является тезис, что «пересказ сочинений Данилевского, Ламанского, Фадеева на страницах „Слованского света“, указывает прежде всего на то, что их взгляды были близки словенским русофилам, даже те, от которых они вынуждены были публично отмежеваться» (с. 277). Известно, что еще в 80-е годы

«редакция „Слована“ не теряла надежды на то, что Австрия станет славянской» (с. 254), а «программой максимум» для Подгорника была федерализация Австрии (с. 271). Поэтому несколько неожиданно предстает перед читателем вывод автора о том, что «русофильство для словенцев означало прежде всего их отказ от австро-славизма» (с. 380). Определенного уточнения требуют и некоторые другие высказывания автора. Однако, несмотря на некоторую нечеткость отдельных положений работы, в целом монография И. В. Чуркиной существенно обогатила нашу науку новыми сведениями, представила живую картину развития российско-словенских связей в XIX столетии.

З. С. Ненашева

А. Н. НЕРСИЯН. Борьба болгарского народа против султанской Турции в 70-х годах XIX в. Ереван, 1978, 224 с.

В последние годы в связи со столетней годовщиной русско-турецкой войны и освобождения Болгарии от ига иноземных захватчиков усилилось внимание ученых к проблемам, связанным с балканской историей и русско-болгарскими отношениями второй половины XIX в. Значение рецензируемой книги определяется тем, что в ней впервые в армянской историографии достаточно полно излагается история борьбы болгарского народа против османского ига.

Монография состоит из введения и пяти глав. Первая глава — «Болгария под игом Османской империи. Героическая борьба болгарского народа против иноземных захватчиков в 60-х годах XIX в.» — это очерк истории Болгарии с момента захвата Балканского полуострова турками-османами до 70-х годов XIX в. Автор дает краткую, но емкую характеристику османской военно-феодальной системы. Рассматривая пагубные последствия османского ига, он правильно отмечает, что военно-феодальная система Оттоманской империи сковывала дальнейшее развитие покоренных ею южнославянских народов, в частности болгарского. Несмотря на жестокое национальное и социальное угнетение, полное гражданское и политическое бесправие, тяжелое экономическое положение, связанное с непомерными налогами, взимаемыми турецкими властями, болгарское население оказывало упорное сопротивление колонизаторской и ассимиляторской деятельности Оттоманской Порты и сумело сохранить свой язык, национальную культуру и самосознание.

С интересом читаются страницы второй главы, посвященные новому подъему национально-освободительного движения в Болгарии, описанию жизни и деятельности таких его выдающихся представителей, как Георгий Раковский, Васил Левский, Любен Каравелов, Христо Ботев и др. Лучшие сыны болгарского народа, самоотверженно боровшиеся против угнетателей, связывали освобождение Болгарии с надеждой на помощь русского народа, на его моральную и материальную поддержку.

Далее в монографии говорится о восстании в Герцеговине и Боснии в 1875 г., явившемся началом Восточного кризиса 1875—1878 гг., и о позиции европейской дипломатии. Восстание вызвало активное сочувствие и патриотический подъем среди южнославянских народов Балканского полуострова. Повсюду возникали комитеты по оказанию материальной помощи повстанцам, а желающие непосредственно принять участие в восстании формировали четы. Автор указывает, что к середине 70-х годов XIX в. в Болгарии сложилась революционная ситуация. В сентябре 1875 г. вспыхнуло Старозагорское восстание. Несмотря на его ограниченные размеры и быстрое подавление, оно ознаменовало дальнейшее расширение Восточного кризиса.

В третьей главе повествуется об углублении Восточного кризиса на Балканах, обострении обстановки в Болгарии и о кульминационной точке в истории национально-освободительного движения болгарского народа — героическом Апрельском восстании 1876 г. Автор дает

Глубокий анализ причин поражения Апрельского восстания, подчеркивает его историческое значение.

Четвертая глава посвящена анализу откликов на события в Болгарии в передовых общественных кругах того времени. Освещается движение по оказанию помощи болгарскому народу. Используя богатый материал армянской и русской прессы, приводя интересные сведения из трудов армянских зарубежных историков, автор верно охарактеризовал материальную и моральную помощь, оказанную армянской и русской передовой общественностью болгарскому народу в его героической борьбе против османского владычества. Привлекают внимание читателя и страницы, рассказывающие об армянах, которые бок о бок с болгарями сражались против османской регулярной армии.

В заключительной части монографии, озаглавленной «Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии» (с. 206—222), А. Н. Нерсисян, освещая ход основных военных событий и отражая политику русского царизма на Балканах, подводит читателя к следующему выводу: царское правительство, исходящее из интересов господствующих классов, стремилось использовать освободительное движение балканских народов для решения своих внешнеполитических вопросов. Но вместе с тем, подчеркивает автор, политика России объективно содействовала национально-освободительной борьбе народов Балканского полуострова и каждый удар, нанесенный Россией Турции, еще более приближал час освобождения христианских народов из-под османского владычества. Вот почему народы, находящиеся под гнетом Османской империи, в том числе и болгарский, в ходе освободительной борьбы сознательно опирались на помощь русского народа¹. Русско-турецкая вой-

на 1877—1878 гг., как отмечает А. Н. Нерсисян, сыграла огромную роль в жизни балканских и, отчасти, некоторых кавказских народов. Благодаря победному завершению этой войны многие народы Балканского региона окончательно освободились от многовекового османского ига, а в Закавказье некоторые области Армении и Грузии присоединились к России.

Материал рецензируемой книги дает объективное представление о национально-освободительном движении болгарского народа в XIX в., об отношении к нему европейской дипломатии и решающей роли России в освобождении Болгарии, об освещении в армянской и русской прессе вопроса об оказании материальной помощи восставшим славянам на Балканах.

Однако труд А. Н. Нерсисяна, по нашему мнению, не лишен и некоторых недостатков. В нем не нашли отражения исследования советских и болгарских ученых по данному вопросу, опубликованные за последнее десятилетие. Ускользнула из поля зрения автора, пользовавшегося армянскими зарубежными изданиями, и написанная с революционных позиций брошюра активного деятеля национально-освободительного движения Западной Армении М. С. Тютюнджяна «Освобождение Болгарии и биографии руководителей болгарских восстаний», изданная на армянском языке в Марселе в 1888 г. Встречаются также отдельные фактические неточности (с. 154, 212 и др.).

Но в целом книга А. Н. Нерсисяна нужная и полезная. Написанная на основе богатого фактического материала, она позволяет армянскому читателю ознакомиться с историческим периодом, полным драматических событий и героических подвигов свободолюбивого болгарского народа, которые нашли широкий отклик у передовой армянской и русской общественности, выступившей в поддержку национально-освободительного движения болгар.

Э. А. Григорян

¹ А. Н. Нерсисян. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и участие в ней армян. Ереван, 1958; его же. Экономическое и политическое положение западных армян и их русская ориентация I половине XIX века. Ереван, 1962.

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 гг. В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Исследование классово-политических движений периода революции 1848—1849 гг. в многонациональной Австрийской империи является важной предпосылкой научного

познания исторических особенностей буржуазных и буржуазно-демократических революций середины XIX в. в Центральной Европе.

В этой связи большой научный интерес

представляет монография И. И. Лещинской¹, посвященная проблеме национального движения и классовой борьбы в период революции 1848—1849 гг. в хорватских землях, до настоящего времени глубоко и всесторонне не исследованным.

Построенная на широком круге как опубликованных, так и неопубликованных источников, в том числе извлеченных из архивов Социалистической Федеративной Республики Югославии, изобилующая ценными наблюдениями, теоретическими обобщениями и выводами, работа является существенным вкладом в марксистско-ленинскую историографию проблемы.

В книге, открывающейся обстоятельным историографическим обзором, проанализированы социально-экономические предпосылки национального движения и классовой борьбы в хорватских землях в годы революции. Автор, исходя из общепринятой периодизации истории большинства европейских стран, обоснованно считает конец XVIII — первую половину XIX в. в истории хорватских земель периодом усилившегося разложения феодального строя, складывания капиталистических отношений в экономике и формирования классов буржуазного общества, становления хорватской буржуазной нации, что в свою очередь обусловило формирование национального самосознания и подъем в 30—40-е годы XIX в. национально-освободительной борьбы. Удачно определяется социальная база национального движения этих лет (иллиризма): либеральное дворянство, торгово-промышленная буржуазия, интеллигенция и низшее духовенство — общественные слои, которые определяли его буржуазную направленность. Справедливо подчеркивается влияние на движение общественной мысли антифеодальной борьбы хорватского крестьянства.

Весьма оригинальной и принципиально важной представляется данная в книге подробная характеристика идейно-политических течений в хорватском обществе и их программ в революционные годы. Автор справедливо считает, что исторические задачи, стоявшие в то время перед хорватским народом, как и перед другими национально угнетенными народами Австрийской империи, сводились к ликвидации феодально-абсолютистских порядков, политическому объединению хорватской территории и национальному освобождению. Здесь же анализируется идеология и программные требования либерального течения, выступавшего в блоке с консервативным дворянством и определявшего направленность хорватского национального движения. Показана узость и ограниченность либеральной про-

граммы по аграрному вопросу — кардинальному вопросу эпохи, решавшемуся в буржуазном духе, и в то же время движение в ней на центральное место вопроса национального. В связи с этим анализируется политическая платформа подавляющего большинства хорватских либералов, как и либеральных течений в национальном движении некоторых других славянских народов, — австро-славистской концепции, предусматривавшей превращение австрийского государства путем компромисса буржуазии с феодально-монархистскими силами в буржуазную, конституционную, федеративную империю. Однако требование сохранения империи в ее исторических границах, хотя и преобразованной на федеративных принципах, находилось в противоречии с борьбой ряда угнетенных народов (итальянцев, венгров, поляков) за отделение от Австрии и образование независимых государств, было на руку австрийской камарилье, стремившейся сохранить власть над всем государством, и превращало патриотический идеал национального суверенитета в благодушные мечты, обреченные на крушение.

Наряду с анализом и критикой австро-славизма значительное внимание автор уделяет характеристике сильных и слабых сторон новой, наметившейся в 1848 г., прогрессивной в своей сущности, югославистской концепции, которая предполагала бескомпромиссный способ решения национального вопроса для южных славян — полное национальное освобождение и государственное объединение в сочетании с буржуазными преобразованиями. Эта концепция, однако, получила распространение в либеральных кругах лишь в начале революции, когда казался реальным распад габсбургской империи.

Достаточно полно показана в работе идеология буржуазно-демократического направления, которое, хотя и разделяло австрославистские иллюзии либералов по национальному вопросу, занимало более прогрессивные позиции по социальным вопросам, отстаивая аграрные преобразования в интересах крестьянства. Заслуживает внимания попытка автора проследить появление под влиянием классовой борьбы крестьянства ростков революционной демократии в национальном движении, которые не сложились, однако, в общественно-политическое направление.

Анализ идейно-политических платформ различных общественных сил позволил автору определить их роль и место в национальном движении на различных этапах революции: в периоды ее подъема, спада и поражения. В работе убедительно показано, что на первом этапе революции (с марта до сентября 1848 г.) либеральной партии, выступавшей совместно с консервативными кругами, удалось провести ряд реформационных мероприятий уме-

¹ И. И. Лещинская. Общественно-политическая борьба в Хорватии 1848—1849. М., 1977, 304 с.

ренно-либерального характера: сформировать вече, созвать собор, явившийся шагом вперед к буржуазному парламентаризму, отменить цензуру, возвести хорватский язык в ранг официального, произвести прогрессивные изменения в управлении жупаниями, под влиянием крестьянского движения отменить феодальные повинности крестьян, возместив помещикам ущерб за счет государства, упразднить помещичью юрисдикцию и церковную десятину, отменить подавляющую часть монопольных прав дворянства и ввести всеобщее налоговое обложение. Требование хорватскими либеральными кругами в начале революции введения парламентаризма, гражданских свобод и национального суверенитета было проявлением одновременно и политической, и национальной оппозиции, способствовавшей ослаблению имперских абсолютистских сил. Но с обострением хорватско-венгерских противоречий в обстановке углублявшегося конфликта между революционной Венгрией и Габсбургами объективный смысл национальной политики хорватского либерализма изменился. В ней постепенно нарастали тенденции, которые позволяли габсбургской камарилье видеть возможность использования хорватского национального движения против венгерской революции, ибо австрославизм не только служил объединению интересов хорватской буржуазии и дворянства с интересами центральной власти, но и питал агрессивность в отношении Венгрии, политическая линия которой вела к разрушению империи.

Заслуживают внимания наблюдения автора об эволюции хорватского национального движения в период спада и поражения революции (сентябрь 1848—1849 г.), когда либералы, первоначально поддерживавшие непопулярную в народе войну, развязанную хорватскими властями против революционной Венгрии,

а также буржуазные демократы в связи с наступлением контрреволюции постепенно перешли к оппозиции венскому правительству, а после провозглашения октроированной конституции от 4 марта 1849 г. открыто выступили против абсолютистской реакции и германизации.

В работе дан глубокий анализ объективных и субъективных причин поражения хорватского национального движения, показана его роль в свете теоретических положений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о революциях 1848—1849 гг. Хорватские сюжеты раскрываются в монографии в тесной связи с событиями в Венгрии, в других провинциях Австрийской империи на фоне революционного процесса во всей Европе. Именно повторм обобщения и выводы монографии носят не частный характер, а могут способствовать пониманию характера национальных движений 1848—1849 гг. и у других угнетенных народов габсбургской монархии.

Вместе с тем следует отметить, что не все аспекты исследуемой проблемы освещены в книге с одинаковой полнотой. В частности, интересен был бы более широкий анализ идеологии и политической деятельности хорватской буржуазной и, особенно, революционной демократии. Желательно было бы обстоятельнее осветить отношение к хорватскому вопросу во время революции польских либеральных и буржуазно-демократических кругов, в частности в Галиции. Более широким хотелось бы видеть в историографическом обзоре, предпосланном работе, анализ вклада в исследование данной проблемы советской и польской марксистской историографии.

Однако эти недочеты частного порядка ничуть не уменьшают научную ценность монографии.

Ф. И. Стеблій

В. Н. ФЛОРЯ. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978, 300 с.

Вопрос о характере взаимоотношений русского феодального государства с его непосредственными соседями на западе — Великим княжеством Литовским и Королевством Польским (объединенными с 1569 г. в составе Речи Посполитой) имеет важное значение для углубленного исследования как международных отношений в Восточной Европе, так и внутреннего политического развития народов этого региона. Общеизвестно, что

русское и польское правительства, а также различные прослойки господствующих классов обеих стран неоднократно выдвигали разнообразные планы государственного объединения России и Польши. Их анализ необходим не только для изучения истории политической мысли, но и для решения ряда общехисторических проблем. Тем не менее, эта проблема не была предметом специального исследования — истории ограничивались лишь

общими характеристиками проектов «русско-польских уний» и событий, связанных с выдвижением кандидатуры русского царя на польский престол. При этом буржуазные историки исходили из несостоятельных тезисов об «извечности» антагонизма России и Польши и о решающей роли религиозных мотивов во внешнеполитической ориентации обеих стран. Давно назрела потребность в работе, которая разного рода предвзятым концепциям противопоставила бы комплексное решение проблемы, основанное на анализе расстановки классовых сил в странах Восточной Европы. Именно таким исследованием является монография Б. Н. Флори.

Его успеху способствовало привлечение автором широкой источниковой базы. В архивах СССР и Польши автору удалось выявить неизвестные ранее официальные политические проекты, им привлечен ряд ранее неиспользованных решений сеймиков и «дневников» сеймов, переписка магнатских семейств и другие материалы.

Книга открывается характеристикой внешнеполитических программ восточноевропейских государств накануне заключения Люблинской унии. Как известно, уже в 90-е годы XV в. русское правительство официально заявило о своем стремлении добиться воссоединения с Россией украинских и белорусских земель, захваченных Великим княжеством Литовским. Во время переговоров 1563—1564 гг. было уточнено, что имеются в виду также западноукраинские владения Польши, включая Перемышль. Объективно речь шла о приведении политической рубежей в соответствие с этнографической границей между восточными и западными славянами. То, что при этом выдвигалось требование вернуть Рюриковичам «вотчину» их предка — Владимира Киевского — отражало классовый подход русской феодальной верхушки к исторически назревшему делу воссоединения восточнославянских народов. Историческое обоснование такой программы содержалось в памятниках официальной историографии, в первую очередь в Сказании о великих князьях владимирских. С другой стороны, как показывает Б. Н. Флоря, польская феодальная историография пыталась доказать «обоснованность» захвата Польшей украинских и белорусских земель. Так, по утверждению Я. Длугоша, Кий — польский языческий князь, Аскольд и Дир — его потомки, а Рюриковичи укрепились в Киеве, вероломно убив законно правивших Аскольда и Дира.

Достаточно подробно в работе Б. Н. Флори анализируется значение Люблинской унии, показан ее неравноправный характер. Поскольку уния открывала феодалам Польши широкие возможности экспансии на востоке, у польских поли-

тиков появились надежды урегулировать и отношения с Россией путем аналогичного неполноправного соглашения. Практические шаги в этом направлении были предприняты в 60—70-х годах XVI в., когда и русское правительство считало возможным добиваться «вынесения» русского царя на литовский, а позже и на литовско-польский трон. Б. Н. Флоря убедительно показывает, что обе стороны ставили при этом совершенно разные цели.

Анализ политической обстановки в Речи Посполитой во время бескоролевий 70-х годов XVI в. позволил Б. Н. Флоре раскрыть сущность выдвигавшихся тогда политических проектов. Весьма популярной среди значительной части польской и литовской шляхты была кандидатура Ивана IV на польский престол. Литовские шляхтичи надеялись, что русский монарх сможет ограничить засилье магнатов в Великом княжестве. Коронные шляхтичи ожидали от унии с Россией помощи в обороне южных границ от турецко-татарских набегов. Однако главным мотивом приверженности дворянства Речи Посполитой к идее персональной унии с Россией были надежды на открытие русских границ для польской феодальной колонизации. Магнаты, как убедительно показывает Б. Н. Флоря, отрицательно относились к кандидатуре Ивана IV, учитывая его личные качества; в то же время часть магнатории, особенно литовской, проявляла интерес к кандидатуре царевича Федора, надеясь превратить его в орудие своей политики.

Если в понимании польских политиков уния должна была служить классовым целям феодалов Польши, то в русских проектах унии ставились противоположные цели. Русское правительство считало необходимым условием введения в Речи Посполитой наследственной власти династии Рюриковичей, передачу России Киева и превращение России в ведущую силу восточноевропейской федерации. При таком понимании уния Речи Посполитой с Россией «должна была превратиться из орудия польско-литовской феодальной экспансии в орудие прекращения этой экспансии»¹. Естественно, что такая программа была неприемлемой для господствующего класса Речи Посполитой.

Весьма важным представляется проведенное исследователем сравнение проектов польско-русской унии, выдвигаемых польскими публицистами начала 70-х годов, с проектами конца 80-х годов. Первые ставили целью открытие русской территории для колонизации польскими феодалами в условиях личной унии обоих государств, вторые предусматривали уже установление «реальной» унии и превращение Русского государства в политиче-

¹ В. Д. Королюк. Ливонская война. М., 1954, с. 86.

ский придаток Речи Посполитой при сохранении традиционной структуры и форм организации русского общества. Но и в первом и во втором случае политические концепции польских сторонников унии базировались на неправильных представлениях о России и русском дворянстве.

Характеризуя позицию русского правительства, Б. Н. Флоря убедительно показал, что оно небезуспешно использовало в своих целях противоречия между магнатами и шляхтой и между отдельными группами магнатов. Однако в целом русские правительственные круги первоначально также не имели достаточно ясных представлений о позиции польско-литовских феодалов. Именно этим объясняются попытки решения вопроса взаимоотношений России и Польши лишь на путях соглашения между дворянством обеих стран. В рассматриваемую эпоху, — констатирует исследователь, — даже не ставился вопрос о возможности какого-то направленного против польско-литовских феодалов соглашения русского правительства с иными общественными группами в Речи Посполитой. Лишь постепенно русское правительство (в частности, возглавлявшие его внешнюю политику Б. Годунов и А. Шелкалов) приходит к выводу о невозможности склонить польско-литовских дворян к такому пониманию унии, которое могло бы быть приемлемым для России. Поэтому их политические планы эволюционируют от проектов федерации к концепции военно-политического союза России и Польши, направленного против экспансии Османской империи. Как указывает автор, эти проекты, свидетельствовавшие о дальновидности и широком международном кругозоре русских политиков, не были осуществлены. Одной из основных причин этого была отрицательная позиция феодалов Речи Посполитой.

В заключительных главах рецензируемой монографии речь идет о роли «федеративных» проектов в конце XVI в. и в годы польско-литовской интервенции в Русском государстве. Центр интересов польско-литовских политиков с межправительственных контактов стал перемещаться на контакты межсословные: лелеялись надежды привлечь русское дво-

рянство на польскую сторону обещаниями предоставить сословные привилегии, которыми обладала шляхта. Бурное первое десятилетие XVII в. кончилось полным крахом таких концепций, как и попыток наиболее авантюристических кругов господствующего класса Речи Посполитой разрешить все проблемы путем завоевания России. «А затем, — заключает свою книгу исследователь, — заключает восстания, переросшие в народно-освободительную войну украинского народа, открыли новые перспективы политического развития Восточной Европы».

Все основные выводы автора вполне убедительны. Хотелось бы особо подчеркнуть, что определены не только общие тенденции, но и зигзаги на пути их становления, различного рода локальные особенности, определявшие сложность и противоречивость процессов становления политической мысли. Так, автором выявлены серьезные расхождения разных групп господствующего класса Речи Посполитой о методах политики по отношению к России. Планам военного подчинения России, которые выдвигали такие деятели, как Стефан Баторий и коронный канцлер Я. Замойский, противодействовала значительная часть феодалов, в первую очередь литовская шляхта и влиятельные магнаты Украины.

Глубокий анализ классовых интересов всех прослоек господствующих кругов позволил автору раскрыть социальные корни возникновения и эволюции концепций политического развития Восточной Европы, которые выдвигались в один из переломных моментов ее истории в Польше и России, а также в Литве, Белоруссии и на Украине. Надежности выводов способствует то, что автор всесторонне учел культурно-исторические и социально-психологические факторы — круг знаний каждой из сторон о соседних народах и государствах, связь внешне-политических доктрин со сложившимися школами исторической мысли. Монография Б. Н. Флоры решает важную историческую проблему и существенно обогащает наши представления о политической истории Восточной Европы XVI—XVII вв.

Я. Д. Исаевич

К. И. РОВДА. *Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур. 1870—1890*. Л., 1978, 288 с.

Новый труд К. И. Ровды является продолжением его исследования «Чехия и русские в их литературных взаимосвязях. 50—60-е годы XIX века» (1968), получившего высокую оценку в нашей и зарубежной печати. Эти две книги — единственное

в своем роде исследование — создают впечатляющую панораму почти полувековой истории развития чешско-русских литературных отношений.

Рецензируемая книга посвящена распространению в 70—80-х годах XIX в.

чешской литературы в России и русской в Чехии и их осмыслению в литературоведении и критике обеих стран. При освещении роли русской литературы в развитии чешской автор опирался на исследования чешских и советских ученых, результаты которых даны им в обобщенном виде. В изучении же процесса вхождения чешской литературы в русский обиход он шел непроторенными путями, извлекая из русских архивов, редких изданий, малоизученной периодики тот распыленный разнообразный материал, который требовался для воссоздания общей картины. Поэтому усвоению чешской литературы в России отводится больше места, чем русской в Чехии. Особо следует подчеркнуть научную добросовестность автора, скрупулезно указавшего все сколько-нибудь достойные внимания наблюдения и обобщения, сделанные до него.

Автор успешно доказывает, что вне конкретных условий социальной и национальной жизни народов, их политической истории, идеологической борьбы и особенностей их общей духовной культуры невозможно раскрыть причины возникновения литературных связей, постичь их закономерность. Духовная общность является лишь предосылкой для общения, но стимулом к установлению литературных связей и движущей силой их развития служат различия, в которых и заключается источник взаимообогащения художественных культур. В свете этой посылки и рассматриваются в дальнейшем все факты, относящиеся к истории распространения и восприятия в России чешской литературы (главы «Личные контакты», «Чешская литература в России» и «Чешская литература в русском литературоведении и критике»). В книге хорошо освещается социальный состав русских путешественников и чешских переселенцев, различные мотивы поездок русских писателей в Чехию и чешских в Россию, состояние книгообмена и переписки. Автор стремился объективно осветить трудности и противоречия во взаимосвязях литератур этой эпохи, не сглаживая «острые углы», но раскрывая разногласия и их причины как между идеологами господствующих классов, так и между русскими и чешскими демократами. Читатель найдет здесь углубленную характеристику мировоззрения многих деятелей русской (А. Н. Пыпин, Н. В. Гербель, Н. В. Берг и др.) и чешской (Й. В. Фрич, Ант. Сташек, Св. Чех, Эм. Вавра, П. Дурдик и др.) культуры и оценку значения их усилий в освоении богатств русской культуры и пропаганде их в Чехии. Это как бы цепь маленьких самостоятельных и очень ценных исследований. Разбирая две противостоявшие друг другу концепции истории славянских литератур (панславистско-славянофильскую и демократическую), К. И. Ровда дает убедительное объяснение того, почему не славянофилы, а именно

Пыпин, тяготевший к демократии, явился создателем «Истории славянских литератур»; почему его статьи, особенно «К вопросу о славянской идее». Братья—чехи», больше всего способствовали развитию русско-чешского взаимопонимания на плодотворной основе. В книге содержится обстоятельный и интересный разбор чешского раздела антологии Гербеля «Поэзия славян», характеристика газет и журналов, популярных в чешских прозаиков, оценка переводческой деятельности Н. В. Берга, А. Г. Сахаровой, П. Е. Гусевой, Н. П. Задерацкого и А. И. Степовича, а также его «Очерка истории чешской литературы», работ П. О. Морозова, Ю. С. Анненкова, С. И. Миропольского, В. И. Григоровича, П. П. Дубровского и др., университетских лекций В. В. Макушева и В. И. Ламанского. Даже простое перечисление вопросов, впервые поставленных или пересмотренных К. И. Ровдой с марксистских позиций, заняло бы несколько страниц, о чем свидетельствует развернутое «Оглавление» книги. При этом заметим лишь, что многие положения, развитые К. И. Ровдой, представляют интерес не только для литературоведов, но и для историков, и прежде всего историков культуры.

Главы «Русская литература у чехов» и «Русская литература в чешской критике» касаются тех внутренних сдвигов, которые способствовали приближению литературного развития Чехии к уровню передовых европейских литератур. Автор совершенно верно отмечает, что эти годы ознаменовались ростом обостренного интереса чешской общественности к русской литературе. Это нашло свое выражение прежде всего в своеобразном издательском «взрыве» в отношении произведений русского реализма. Впрочем, освещение русского влияния на литературную жизнь Чехии не является для К. И. Ровды особой задачей — оно служит лишь дополнением, позволяющим создать «движущуюся панораму литературных отношений двух братских народов», общую двустороннюю картину эволюции литературных связей. «Если в 70—80-е годы мы едва ли можем говорить о взаимодействии чешской и русской литературы, о влиянии чешских писателей на русскую литературу, то воздействие крупнейших русских реалистов на чешских художников и читательскую среду неоспоримо» (с. 224). Из этой констатации, однако, не следует, что достижения чешских писателей той поры вообще не имели существенного значения для русской и мировой литературы. Здесь мы как раз и подошли к важнейшему достоинству рецензируемого труда, ценность которого отнюдь не исчерпывается богатством фактического материала и его основательным теоретическим осмыслением, — он, вместе с тем, подводит к решению одного из труднейших методоло-

гических вопросов современного сравнительного литературоведения.

Огромное накопление материалов по связям различных литератур поставило ученых перед необходимостью найти пути его обобщения. Основная трудность решения этой задачи заключается не в том, чтобы собрать воедино разпыленную по бесчисленным источникам массу частных выводов, предположений и фактов, а именно в том, чтобы найти способ систематизации этого разнородного материала, часто не имеющего как будто бы никакого отношения к сфере обмена художественным опытом. Заслугой К. И. Ровды и является то, что он, строго определив хронологические рамки, исключил фантазии на тему возможных, но часто недоказуемых влияний, и сосредоточился на подробном, документально обоснованном описании действительного процесса взаимного литературного ознакомления русских и чехов. В результате раскрылся сложнейший механизм культурного взаимодействия, где литературные связи оказались поставленными в зависимость от ряда конкретно-исторических факторов внутреннего и внешнего порядка, и выяснилось, что влияние одной литературы на другую, при их неравномерном развитии, может сказываться не сразу, а спустя длительное время, иногда в опосредованной форме, через творчество позднейших писателей. Подводя к этой мысли, К. И. Ровда говорит, что достижения чешской литературы изучаемого им периода «раскроются во всем своем богатстве лишь в наше, советское время», когда произведения К. Гавличка-Боровского, Я. Неруды, Св. Чеха, А. Ирасека, К. Светлой, Й. К. Тыла и других станут достоянием широких масс многонационального советского общества, но «отбор из духовных ценностей братского народа» совершался уже тогда, в 70—80-е годы XIX в. (с. 212). Со своей стороны мы добавили бы, что в настоящее время можно уже с полной достоверностью говорить о творческом воздействии К. Чапека на А. Н. Толстого, Я. Гашека на А. Т. Твардовского и т. д. Но этому явлению обратного художественного воздействия предшествовала, как показал К. И. Ровда, длительная полоса подтягивания чешской литературы к уровню передовых европейских литератур и ее постепенного вхождения в сознание инациональной общечеловечности, в данном случае русской, вхождения, иногда неотделимого на предварительных этапах от общекультурного движения, только подготавливающего предпосылки для будущего творческого воздействия. В свете такой концепции влияние, скажем, Неруды, Чапека или Гашека на инациональных писателей оказывается не простым следствием их личной одаренности, а историческим продуктом закономерного культурного сближения народов, проявляющегося

вовне в многочисленных и разнообразных формах (установление личных контактов, развитие книгообмена, политическое сотрудничество или борьба, идейные споры и т. д.). Стало быть, устанавливая факты личного знакомства писателей, появления переводов, критических отзывов и пр., но не находя в инациональной литературе определенных признаков творческого преломления всего этого, не следует спешить с выводами: тут в равной мере рискованно как недооценка внешних «мелких» фактов, так и стремление во что бы то ни стало «доказать» неизбежность влияния путем произвольных выкладок. Чуждый этим крайностям, кстати, не таким уж редким, К. И. Ровда доказал своим исследованием, что наиболее верный путь изучения литературных связей — строго придерживаясь фактической основы в рамках освещаемого исторического этапа. Только при таком подходе возможно действительное обобщение самого разнородного материала, при котором вся сумма фактов выстраивается в общей характеристике процесса и каждая часть находится в нем соответствующее место, раскрываясь в своем истинном значении. Именно это достоинство рецензируемой книги и предшествующего ей исследования позволяет говорить об этих трудах как о ценных не только богатством фактов и мыслей, но и поучительных в методологическом плане.

Книга, естественно, не лишена недостатков. Конечно жаль, что за рамками подобного исследования оказывается художественное творчество писателей, проблема литературных связей и влияний. На эти пробелы самокритично указывает сам автор в предисловии (с. 4).

В книге встречаются неоправданные повторения, кое-где неудачно формулируется мысль (так, например, говоря, что «Лермонтов был открыт чехами лишь в 50-е годы» (с. 228) автор, видимо, хочет сказать: «по-настоящему понять», но читатель может истолковать это и в смысле: «впервые переведен». Между тем он переводился и ранее — «Тамань» была опубликована в журнале Тыла «Кветы» еще в 1834 г.). Есть в книге и неточности. Так, небезупречна характеристика литературных взглядов Неруды (с. 258), которая дается без учета скрытого иронического подтекста высказываний писателя. Упоминание имени Я. Арбеса среди других чешских писателей, посетивших Россию (с. 60) — досадная фактическая ошибка. Кстати, нельзя согласиться с манерой некоторых критиков, преувеличивающих значение такого рода ошибок при оценке чужих трудов. Так, например, И. Ямпольский¹, назвав книгу

¹ И. Ямпольский. Факты... из области фантазии. Увы, написано пером... «Литературная газета», 1978, 19 июля, с. 6.

К. И. Ровды «в целом содержательной и богатой фактами», по существу перечеркивает ее значение, ужасаясь отдельным мелким неточностям, от которых не застрахован ни один исследователь, оперирующий столь обширным фактическим материалом.

Книга К. И. Ровды, уже получившая положительную оценку в чешской печа-

ти, — труд добросовестного и пытливого исследователя, интересный не только бегемотам, но и всем тем, кто интересуется проблемой литературных связей и историей культуры. Она надолго сохранит свое научное значение.

И. К. Горский, А. П. Соловьева

К ПРОБЛЕМЕ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

До последнего времени в польской науке преобладающим типом исследований в области польско-русских литературных связей был так называемый рецепционный. В работах этого типа преимущественно рассматривались вопросы восприятия русской литературы в Польше, переводы и критические заметки о ней. Такая исследовательская практика обусловила подготовку издания иного типа, к числу которых относятся рецензируемые работы¹.

Представление о литературе как о сложном, многоплановом комплексе явлений позволяет и в области рецепции иноязычных литератур выделить разные подходы, разные аспекты, два из которых и представляют сборники «Писатели и критики» и «Зеркало прессы». Первый том — это взгляды на «вершины» русской литературы ведущих польских критиков. Второй — попытка показать литературную жизнь так, как она воспринималась, отражалась в XIX в. на страницах литературной и общественно-культурной прессы разной ориентации.

В основе первой из рецензируемых работ — публикация источников, призванных дополнить существующие исследования по связям конкретными материалами, которые убедительно показывают, что сегодняшней интерес к русской литературе вырастает из глубин традиций. Представленный том не может, как справедливо пишет автор вступления Б. Гальстер, представить мнения польской критики о русской литературе во

всей полноте. Это издание призвано собрать труднодоступные материалы, ввести в обиход и некоторые неизвестные тексты.

Предметом научного интереса, правда, неравномерно распределявшегося, были уже фактически все периоды истории польской литературы в ее связях с русской литературой и все аспекты связей в современном их понимании, от контактов до аналогий. Сведения о контактах польской литературы с русской представлены уже достаточно широко и полно.

Значение этой работы, которое трудно переоценить, заключается даже не столько в привлечении новых данных, хотя и это без сомнения важно, сколько в том, что обширный критический материал собран в одном томе и стал доступным каждому литературоведу. Читатель может познакомиться с самыми первыми заметками о Пушкине и Лермонтове, опубликованными в Польше еще при их жизни, с предисловиями переводчиков, с интересными суждениями о Гоголе, Некрасове, Толстом.

Каждый писатель от Карамзина до Горького представлен тремя разделами: краткой характеристикой суждений польской критики о нем; антологией наиболее характерных оценок, которые публикуются либо полностью, либо фрагментарно; некоторыми библиографическими сведениями. (Исключение составляют разделы по Пушкину и Толстому, так как о них уже имеются подробные библиографические очерки.) Несмотря на сжатость общих характеристик, в них нашли отражение наиболее специфические черты рецепции каждого из писателей. Так, например, говоря о славе Пушкина в Польше, автор очерка (Р. Лужны) причины ее видит не столько в хорошем знании его поэзии, сколько в широкой известности факта его дружбы с преследуемым

¹ «Pisarze i krytycy. Z recepcji nowożytnej literatury rosyjskiej w Polsce». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975; «Zwierciadło prasy. Czołpismo polskie XIX wieku o literaturze rosyjskiej». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1978.

царизмом «бардом свободы» Мицкевичем. Здесь вскрыты не только литературные, но и идейно-политические мотивы популярности Пушкина в Польше.

Почти в каждом из очерков проходит мысль о том, что процесс восприятия в Польше русской литературы вообще и каждого писателя в отдельности, подвергался изменениям, которые во многом были обусловлены политической ситуацией и развитием русско-польских отношений. С другой стороны, спад интереса к творчеству, например, Лермонтова в конце 60-х годов автор (Б. Муха) объясняет не только причинами политического характера (последствием поражения восстания 1863 г.), но и своеобразием литературного процесса того времени, преобладанием как в России, так и в Польше прозаических форм над поэзией.

В ряде очерков и текстов отмечено, что в деле популяризации русской литературы нередко существенную роль играла ориентация на оценки западноевропейской критики и в то же время один из известнейших на западе русских писателей — Гончаров — в Польше тем не менее не переводился до 1914 г. В книге можно найти и другие исключения, которые не столько подтверждают, сколько подвергают сомнению универсальность этого «правила». Очерки и критические материалы еще раз напоминают о больших заслугах Юзефа Игнация Крашевского в деле популяризации русской литературы, в частности, творчества Гоголя и Толстого.

Данная работа показывает, что история восприятия того или иного писателя не сводится лишь к сумме его переводов и опубликованных о нем рецензий и статей. Так, например, Чернышевский, как пишет автор очерка о нем (В. Сливовска), принадлежал к числу тех, о ком в Польше писали очень редко и мало, чьи произведения не переводили. Тем не менее, известно какое большое влияние он оказал на членов кружка З. Сераковского, известно, что его произведения ходили по рукам польских студентов, обучающихся в русских университетах. А в полицейском архиве сохранилась переписка о предпринятой польскими сыльными попытке перевести роман «Что делать?».

Чтобы во всей полноте представить степень популярности в Польше сочинений, скажем, Салтыкова-Щедрина, недостаточно учесть лишь переводы и критические оценки. Его поговорки и афоризмы использовались многими польскими литераторами и публицистами, его читали в оригинале. А обращение читателей, знающих русский язык, к оригиналу вообще не поддается учету, если не сохранились упоминания об этом в корреспонденции или мемуарной литературе. Все это затрудняет создание адекватного, истинного представления о степени не только популярности, но и просто знания,

освоения произведений русской литературы. Значит, и здесь еще возможна дальнейшая работа по поискам новых фактов, новых материалов, подтверждений.

Хронологические рамки работ — от начала XIX в. до 1914 г. Однако публикуемый материал по большей части относится к периоду позитивизма и Молодой Польши. Отражает ли это объективную историю рецензии русской литературы в Польше, особенности ее эволюции, или лишь неодинаковую степень изученности, освоения критического материала разных эпох — этот вопрос пока остается открытым. Следовало бы, вероятно, упомянуть о том, что, к сожалению, не все крупные русские писатели представлены в рецензируемом томе (вне поля зрения оказался Достоевский), если бы автор предисловия не опередил рецензента, объяснив это «чисто техническими» причинами.

Сжатые рамки жанра рецензии не позволяют более подробно реферировать эту работу. Но, как нам представляется, и приведенные примеры убеждают, что новое издание не только «напоминает о наиболее типичных высказываниях польской критики», как скромно определены задачи книги в предисловии, но и является квинтэссенцией восприятия русской литературы в Польше XIX и первой четверти XX в., своеобразной антологией, чрезвычайно полезной для полонистов и специалистов в области литературных взаимосвязей. Это — труд, ценный не только своими источниками, но и сжатыми обобщающими сведениями. Он в какой-то степени завершает большой и важный этап исследований польско-русских литературных связей этого периода. Завершает, но не закрывает.

Так, в основу издания положен принцип подбора критических оценок о наиболее крупных писателях. При таком подходе из поля зрения неизбежно выпадают многие, казалось бы, второстепенные литературные явления, которые тем не менее оказали существенное влияние на процесс литературного развития. Вышедший в 1978 г. новый том материалов и статей «Зеркало прессы» — продолжает и дополняет издание 1975 г. Задача новой книги, как ее определяет автор предисловия Я. Каменка-Страшакова, — выявить те факты, элементы, которые независимо от ранга играли существенную роль в историко-литературном процессе, как польском, так и русском, ибо динамика, закономерности взаимопроникновения в равной мере зависят как от крупных, так и от мелких литературных явлений, если они были популярны, вызывали те или иные эмоции, появлялись в качестве аргумента в полемике, в той или иной степени участвовали в формировании представления о литературной жизни России.

Для исследователя литературных связей периодическая пресса имеет большое значение, и введение в научный обиход этого существенного источника, показывающего как протекал реальный процесс культурного обмена, позволит дополнить картину рецепции русской литературы в Польше.

Каждый из 21 журнала представлен вступительной статьей, которая знакомит с проблематикой восприятия русской литературы в Польше в рамках определенной редакционной программы. Так например, объединившимися вокруг журнала «Паметник науково-литерацки» писателями литература и критика понималась как гражданская трибуна. Их программой стало преобразование действительности. Статьи, опубликованные на страницах этого журнала, особенно интересны для исследователя польско-русских литературных отношений, так как они в большой степени были связаны со взглядами Белинского.

Вводные статьи о журналах, как пишет автор предисловия, не суть полные монографии журналов. Они также не исчерпывают интерпретационных возможностей материалов по русской литературе. Вступление лишь намечает связь между общественно-историческим контекстом и культурной программой редакции в зависимости от которых (если не учитывать, как нам кажется, степени случайности отбора и «корректорской» роли цензуры) находится рецепция русской литературы.

Кроме вступительной статьи по каждому журналу представлена антология избранных критических текстов и библиография переводов русской литературы.

Собранный в этом издании материал позволит во многих случаях углубить, более полно документировать, либо внести коррективы в наши знания истории вопроса. Уже сейчас видно, например, что расширяются хронологические рамки и представление о восприятии творчества Гончарова.

Франтишек Максимилиан Собещанский (1814—1878) в хронике о русской литературе на страницах «Библиотеки вар-

шавской», журнала, которому «в области популяризации русской литературы на польской почве принадлежит достаточно видная роль» (с. 82), выделяет произведения Гончарова и Достоевского. Информация о романе Достоевского «Бедные люди» — первая и одна из немногочисленных в то время в Польше.

Представленные в работе материалы подтверждают мнение о том, что отношение к русской литературе в Польше в XIX в. формировалось более под влиянием отдельных социально-идейных и политических ориентаций, чем чисто художественных программ. Так, например, в период романтизма одним из источников, возбуждающих интерес к русской литературе, было славянофильство. Кстати, на страницах двуязычного периодического органа славянофильской ориентации «Денница» была опубликована единственная в польской прессе заметка-некролог о русском поэте Кольцове: «Он происходил из крестьян! и сам себя образовал чтением, суровой школой нужды и трудных испытаний. Поэзия его отличается действительно народным духом» (1843, ч. 1, в реферируемой книге с. 145).

В «Зеркале прессы» отсутствуют многие журналы, роль которых в оживлении польско-русских контактов была весьма значительной. Связано это, как отмечается во введении, с современным уровнем исследования и подготовки материалов. Более полная и исчерпывающая картина рецепции русской литературы на страницах польской прессы остается задачей дальнейшей работы. Однако настоящее издание, несомненно, не только дает достаточно широкое представление о разнообразии оценок, мнений и программ, богатый документальный материал, но и предоставляет возможности для новых исследований в поистине неисчерпаемой области литературных связей.

В заключение хотелось бы с удовлетворением отметить, что появившиеся солидные труды нового типа представляют собой серьезный вклад в изучение литературных отношений двух братских народов.

Д. С. Прокофьева

«СПЛИТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУГ»

Имя Ивана Луциуса из Трогира — «отца хорватской историографии» — известно широкому кругу историков. Но кто знает Вицко Продича или Павла Андреса? Далматинские литературоведы и историки поставили перед собой необычную задачу — разыскать всех писателей, живших и работавших на протяжении столетий в Сплите, Трогире и на о-ве Брач, перевести их труды и издать массовым тиражом. Так возникла идея серии «Сплитский литературный круг», инициатором которой явилась кафедра литературы Сплитского университета, а дело отбора и редактирования взял на себя «Чакавский сабор» — рабочий кружок по изучению чакавского диалекта.

В 1977 г. был опубликован проспект всего издания. Организаторы объявили о намерении выпустить 66 томов и привлечь к изданию более пятидесяти ученых. В их числе — известные писатели (Н. Дисопра), историки (Г. Новак), искусствоведы (Ц. Фискович, К. Приятель), юристы (А. Цвитанич), архивисты (Д. Божич-Бужанчич), музейные работники (М. Сладе-Шилович, Д. Кечкет). Все предназначенные к выпуску произведения разделены на восемь серий — «Введение», «Свидетельства», «Гуманисты», «Писатели XVII и XVIII вв.», «Литература Возрождения», «Модернизм», «Межвоенная литература», «Современники». В том же 1977 г. первые изящно изданные томики появились на прилавках магазинов.

Знакомство с изданиями средневековых авторов позволяет судить об издательских принципах в целом. Одной из первых книг серии «Свидетельства» является том «Легенды и хроники»¹, подлинное сокровище для медиевистов. Он открывается редким образцом далматинской агиографии — житиями св. Дуйма, небесного покровителя города Сплита, и св. Анастасия. Х. Моревич обстоятельно комментирует оба памятника, предпосылает им вводную статью, сопровождает библиографией и публикует обе дошедшие до нас редакции памятников — латинскую (XI в.) и хорватскую (XV в. по списку XVI). Памятники не первый раз выходят в свет: в XVIII в. латинский текст издал Д. Фарлати, а хорватский был опубликован в 1880 г. в венском «Архиве славянской филологии», но кто знает сейчас эти публикации? По такому же принципу М. Иванович издает и житие трогирского епископа Иоанна Орсини (редакции 1150 и 1203 гг.), причем перевод выверен по списку, хранящемуся в

Научной библиотеке в Задаре. Академик Ц. Фискович публикует житие архиепископа Арнира (Райнерия), убитого, согласно легенде, в Полице во время спора на меже.

Второй раздел тома включает еще более известные источники — две хроники — Михи Мадиева де Барбазанис (вторая половина XIV в.) и анонимного летописца XIV в., несколько сохранившихся страничек из «Описания острова Брач» Дуйма Хранковича (1405) и обширную «Хронику острова Брач», принадлежащую перу Вицко Продича (1662). Каждый текст сопровождается статьей, написанной без излишнего академизма, библиографией, комментарием реалий. Все это составляет не более половины тома, включающего и факсимиле почти всех изданных в томе памятников. Издание, рассчитанное на широкую публику, содержит и все необходимое для исследовательской работы. Воспроизведение четкое, читается легко (исключение составляет лишь готический минускул хроники Михи Мадиева из будапештской Национальной библиотеки) и вполне может служить отправным пунктом для палеографического анализа текста.

Мы намеренно подробно остановились на этом томе, ибо по такому же принципу «Чакавский сабор» выпускает и другие средневековые памятники. Так издана, например, и известнейшая «Historia Salonitana» сплитского хрониста Фомы Архидиакона², только в данном случае опытный публикатор В. Рисмондо опустил латинский текст, в свое время изданный Ф. Рачким, и дал только свой перевод, кстати, тоже уже видевший свет (1960). Отсутствие латинского текста с успехом восполняет факсимиле, в этой книге особенно обширное (220 стр. из 422). Отметим также, что в списке литературы названы и работы советских историков, посвященные Фоме.

О второй серии издания — «Гуманисты» — полное представление дает публикация труда трогирского писателя XV в. Кориолана Чипико «Об азиатской войне» (1475)³ — описание военных действий Венеции против турок. Принцип издания остался прежним, только вместо рукописи в книге приведен текст венецианского издания 1477 г. Наконец, третья серия — «Писатели XVII и XVIII вв.» — представлена пока лишь двумя томами, где исследован обширный труд трогир-

² T o m a A r h i d i a k o n. Kronika. Splitski rukopis. Uredio i preveo Vladimir Rismondo. Split, 1977, 426 s.

³ K o r i o l a n C i p i k o. O azijskom ratu. Petri Mocenici imperatoris gesta. Preveo i uredio Vedran Gligo. Split, 1977, 259 s.

¹ «Legende i kronike», uredili V. Gligo i H. Morović. Split, 1977, 401 s.

ского краеведа Павла Андреяса⁴. П. Андреяс (1610—1686) был не только младшим современником, но и завистливым соперником Ивана Луциуса и его «История Трогира» в девяти книгах написана откровенно в противовес знаменитым «Шести книгам о королевстве Далмация». Конечно, объемное сочинение Андреяса несопоставимо с блестящим исследованием Луциуса: оно мало самостоятельное, не содержит критики источников и проникнуто духом рабения перед венецианцами. Но если книга И. Луциуса является выдающимся образцом эрудитской историографии XVII в., то «История Трогира» представляет средний уровень тогдашней науки и в этом смысле не лишена интереса. А материалы, которые накопил Андреяс, работая в архивах над своим трудом, могут представить дополнительный интерес, и издатели правильно поступили, приведя во втором томе около полуроста страниц этих выписок. Мелкие работы самого Павла Андреяса и его отца Доминика, впер-

вые переведенные на сербо-хорватский язык, завершают этот том.

Итак, публикация начата. Проспект обещает выпуск биографии знаменитых сплитчан, судебных протоколов, нескольких томов, посвященных творчеству выдающегося хорватского поэта XV в. Марка Марулича и его сподвижников. Наконец, читателя ожидает и сам труд Луциуса по трогирской истории. Когда эта огромная работа будет завершена, она несомненно окажется достойной самого обстоятельного разбора. Пока же отметим достоинство серии «Сплитский литературный круг», которые представляют бесспорными уже сейчас: начаты розыск и публикация важных, но полузабытых текстов; на современном научном уровне комментированы сложнейшие тексты далматинского средневековья; исследователям представлены оригинальные образцы латинской и хорватской письменности нескольких столетий. Наконец, принята смелая попытка пропаганды шедевров хорватской литературы среди широких слоев населения. Начато важное дело и ему следует пожелать всяческого успеха.

М. М. Фрейденберг

⁴ Pavao Andreis. Povijest grada Trogira. Storia della città di Traù. Uredili V. Gligo i V. Rismondo. Split, 1977, I, s. 397; 1978, II, 412 s.

И. И. СВИРИДА. Польская художественная жизнь конца XVIII — первой трети XIX в. М., 1978, 272 с.

Монография И. И. Свириды посвящена одному из важных и до сих пор еще недостаточно разработанных аспектов развития польской культуры эпохи перехода от феодализма к капитализму и складывания польской нации. Первое, что бросается в глаза при чтении рецензируемой книги — это комплексный характер исследования и оригинальность постановки вопроса. «Формирование национальной художественной культуры как выражение духовной общности нации, — пишет автор во введении, — это не только развитие самого художественного творчества, становление национальных художественных школ в литературе и искусстве. Это одновременно и принципиальные сдвиги во всех областях художественной жизни, изменение условий, в которых создается и существует произведение искусства, в которых оно находит путь к своему адресату» (с. 6).

Монография И. И. Свириды является результатом длительного и кропотливого изучения обширного фактического материала и значительного круга литературы, и следствием теоретических размышлений автора.

Хронологически избранный автором период обладает определенной цельностью.

Вторая половина XVIII столетия, прошедшая в истории польской общественной мысли и культуры под знаком идей Просвещения, ознаменовалась возникновением качественно новых явлений в духовной жизни, получивших дальнейшее развитие в первой трети XIX в. Относительная цельность этого периода, как справедливо подчеркивает автор, позволяет «выявить то принципиально новое, что принесла в художественную жизнь эпоха формирования польской нации» (с. 7). Следует всемерно поддержать то, что И. И. Свирида анализирует материал вне зависимости от политического разобращения коренной этнической территории, закрепленной разделами Речи Посполитой. Как подчеркивает автор, «сила польской культуры в том и состояла, что, оплодотворенная идеями и героикой национально-освободительной борьбы, вопреки трудным социально-политическим условиям и национальному гнету, она оказалась способной остаться единой национальной культурой, сохранить преемственность развития и выдвинуть своих национальных гениев».

Монография состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе — «Государство, общество, искусство» —

рассматривается художественная жизнь Польши во второй половине XVIII в. и после разделов. На фоне особенностей общественного, политического и духовного развития польского народа эпохи Просвещения автор прослеживает возникновение новых явлений в художественной жизни. В частности, большой интерес представляет показ роли государства в развитии искусства. В этой связи хотелось бы обратить внимание на стремление автора уточнить, а во многом и по-новому осветить роль Станислава Августа и королевского двора в эволюции польской художественной культуры. Отметим, что король вкладывал в начинания в области искусства большие средства и проявлял широкую инициативу, И. И. Свирида показывает как ограниченность его политики в этой сфере, мелочность опеки, сковывавшей творческие возможности художников, так и политическую обусловленность этого процесса. И, не умаляя личных заслуг короля, И. И. Свирида в полном соответствии с развитием той эпохи видит объективные предпосылки его меценатской деятельности, вызванной общественным и культурным подъемом Польши конца XVIII в. (с. 16—19, 33—34). Раскрывая классовые истоки художественной жизни этих десятилетий, автор убедительно прослеживает социальные аспекты меценатских начинаний, связанных с ролью магнатов, шляхты и возрастающим значением мещанства. Вместе с тем, И. И. Свирида далека от упрощения этого сложного и далеко не однозначного процесса. «Искусство нового времени, — подчеркивает она, — вбирало в себя черты, восходящие к творчеству различных сословий. Формирование национальной школы было длительным процессом стирания сословных различий, резко обозначенных и в форме, и в содержании произведений XVIII в. (но присутствующих и в XIX в.), и сложения новой стилистики и идейно-эстетических идеалов как следствия формирующейся национальной культурной общности» (с. 30). Эта последняя мысль получает дальнейшее развитие, когда автор показывает связи между художественным творчеством и национальным самосознанием (с. 35—37). Касаясь польской художественной жизни в период после разделов страны и кратко характеризую социально-экономический и политический фон этого процесса, И. И. Свирида показывает возрастающую роль городов и рождение так называемого коллективного меценатства (с. 64—67). Отмечая, что разделы страны не могли не оказать воздействия на общую жизнь польского общества, автор подчеркивает, что основные тенденции ее развития определялись, в первую очередь, объективным ходом формирования капиталистических отношений и складывания польской нации. Впрочем, нам представляется,

что следовало бы полнее показать черты регионализма, которые в первой трети XIX в. находили (и не могли не находить) проявление в польской художественной жизни и оказывали негативное воздействие на процессы национальной консолидации. Наконец, автор анализирует социальный состав заказчиков и его влияние на развитие польского искусства данного периода, а также отмечает важную роль интеллигенции в развитии единой польской национальной культуры (с. 68—74).

Две последующие главы — «Художник и общество в Польше» и «Искусство и общество» — являются центральными в монографии. О важности их содержания свидетельствует уже круг вопросов, которые здесь рассматриваются. И. И. Свирида характеризует те изменения, которые происходили в польской художественной жизни конца XVIII — первой трети XIX в.: утверждение представлений о художнике не как о слуге богатого мецената, но как о творческой личности, служащей интересам своего народа. Автор вместе с тем отмечает классовое содержание происходивших перемен, обращая внимание на социальный состав деятелей искусства, на соотношение в их среде профессионалов и любителей, прослеживая на примерах биографий М. Плоньского, А. Орловского и Я. Рустема особенности профессиональной карьеры художников конца XVIII — первых десятилетий XIX в., а также характеризуя общее состояние системы художественного образования в это время. Обращаясь к рассмотрению взаимосвязей, существовавших между искусством и обществом, И. И. Свирида анализирует многообразные формы этого процесса — коллекционерскую деятельность, художественные выставки, роль частных салонов и прессы как факторов художественной жизни. Примечательная черта монографии И. И. Свириды, выгодно отличающая ее от многих исследований такого рода, — широкий, многоплановый подход к самому предмету исследования. Мы уже отметили выше ее внимание не только к профессиональному, но и к любительскому творчеству. В главе «Искусство и общество» автор специально останавливается на роли и месте искусства в быту, связывая, впрочем, далеко не всегда равномерно (что, прежде всего, объясняется недостаточной изученностью этих областей культурной жизни), профессиональное и народное творчество. Отчасти этих сюжетов она касается в разделе, посвященном развитию художественного рынка. Все это не только свидетельствует о подлинно комплексном, интердисциплинарном подходе автора к предмету исследования, но и демонстрирует его важные историко-социологические аспекты. Этот подход нельзя не оценивать как в высшей степени плодотворный и перспек-

тивный. С одной стороны, И. И. Свирида трактует развитие художественной жизни в связи с общим социальным и этнокультурным развитием польских земель и, одновременно, с другой стороны, в контексте имманентных закономерностей развития самого искусства. И оба эти аспекта органически увязываются автором с процессами становления и формирования польской нации.

Богатый подбор иллюстративного материала, зачастую воспроизводимого в печати впервые, способствует более полному восприятию наблюдений и выводов автора. Монография И. И. Свириды вызовет, несомненно, значительный интерес не только среди специалистов, но и у всех, кто следит за новыми трудами в области истории культуры.

А. С. Мильников

М. М. ПЕЩАК. *Стиль ділових документів XIV ст.* Київ, 1979, 268 с.
М. М. ПЕЩАК. *Стиль деловых документов XIV в.*

XIV—XV вв. — один из очень важных этапов развития восточнославянской письменности. Считается, что именно в этот период наметилась тенденция к формированию отдельных письменных разновидностей русского, украинского и белорусского языков. Автор рецензируемой работы М. М. Пещак взялась за исследование наиболее развитой в XIV в. восточнославянской письменности и наиболее репрезентированного делового стиля. В основу работы легли тексты 84 грамот, изданных автором в виде сборника¹. Публикация текстов грамот в сборнике сопровождается исчерпывающим библиографическим аппаратом. Два ономастических словарика не только фиксируют соответствующие наименования, но включают большое количество литературы, связанной с интерпретацией ономастических единиц.

Рецензируемая работа является органическим продолжением исследования опубликованных в сборнике грамот. В ней впервые в украинском языковедении применены методы формализованного изучения текстов исторических письменных памятников. Разработанная М. М. Пещак методика относительно проста и вполне применима в дальнейших исследованиях других типов письменных произведений подобного характера. В анализе фактического материала умело сочетаются приемы текстологии, дешифровки, сопоставительного и дистрибутивного методов с элементами математической обработки количественных данных. Помещенные в книге таблицы, схемы и диаграммы способствуют четкости изложения результатов анализа. Автор рецензируемой книги обращает внимание читателя на то, что тексты деловых документов представ-

ляют собой статистически неоднородный материал: их протяженность колеблется в пределах от 85 до 6704 букв. О многостороннем анализе исторического материала свидетельствуют следующие аспекты описания грамот. 1. По конкретному юридическому предназначению выделяется более 30 разновидностей: вкладные, раздельные, жалованные, поручные, присяжные, купчие, договорные, уставные, мирные, льготные, охранные, ярлыки грамоты и т. д. 2. По композиционной структуре текста установлены восемь типов формул, названных в работе структурными подразделениями: а) нестандартизованный текст, в котором излагается основное содержание; б) формула адресанта — указание на лицо, от имени которого издавалась грамота; в) формула даты и места написания грамоты; г) формула перечисления свидетелей и подтверждения достоверности основного содержания документа; д) формула цели с определением юридической силы документа; е) формула зачина; ж) формула заклинания; з) формула наименования писаря. Наличие — отсутствие этих формул в композиционной структуре каждого отдельного документа привело к выделению пяти классов грамот с шестью, пятью, четырьмя, тремя и двумя структурными подразделениями. 3. Длина текста дала основание для третьего сюжета описания. Автор вычисляет среднюю длину текстов грамот и границы их типичной длины (в пределах $X = +0,86$). Описываются особенности композиционной структуры документов, размер которых превышает верхнюю границу типичной длины, а также документов, которые оказываются короче нижней границы типичной длины. Свообразными особенностями структуры текста отличаются документы, находящиеся в пределах типичной длины, но при этом большие или меньшие, чем установленная средняя длина. Каждый из указанных аспектов способствует выявлению

¹ «Грамоты XIV ст. Упорядочение, вступительная статья, комментарии и словари-указатели М. М. Пещак». Київ, 1974.

специфических черт в структурной организации текстов грамот, а сопоставление их используется автором для описания развития делового стиля в целом на протяжении XIV в. Все эти вопросы рассматриваются М. М. Пещак в первой главе — «Общая длина текста — параметр стилиевой характеристики грамот».

Во второй главе — «Структура подразделов и их отношение к композиционному строению грамот» — основное внимание уделяется качественному соотношению формул в одном тексте. Указывается на то, что, кроме наличия — отсутствия тех или иных структурных подразделов в грамоте, существенное влияние на регулирование длины текста документа оказывает вариативность каждой из формул. Интересны соображения автора по поводу структурных подразделов в грамотах разного периодического назначения.

В третьей главе — «Формальные признаки членения текста грамот» — автор впервые в советском языкознании дает обстоятельно аргументированное описание пунктуационной системы восточнославянских письменных памятников. Автору удалось разделить знаки препинания на две группы: а) знаки, которые служат средством смыслового членения текста; б) знаки, разбивающие текст на ритмомелодические такты.

В четвертом разделе книги — «Компонентный состав простых синтагм» — большое внимание уделяется структуре ритмомелодических тактов, названных синтагмами. Анализ синтагм с точки зрения реализации их позиций частями речи и синтаксических связей между ними представляет интересную попытку формализованного анализа текстов исторических памятников. Примененный способ описания раскрывает новые характеристики синтаксической и синтагматической структуры текста. Автор учитывает не только тип синтаксической связи (например, согласование, управление и примыкание), но и порядок расположения подчиняемого и подчиняющего компонентов, а также линейное расстояние между ними.

В пятой главе рассматривается взаимозависимость синтаксических и синтагматических отношений в тексте. В структуре синтагм М. М. Пещак выделяет дистанционные и недистанционные отношения между главами. Синтаксическая связь между словом и сочетанием слов образует *подключе н и е*, а между двумя синтаксическими конструкциями — *о б ъ е д и н е н и е*. Подключения и объединения тоже бывают дистанционными и недистанционными. В книге подробно описываются способы комбинации указанных видов связей. Структурный ряд синтагм в связи с этим представляется как многослитная цепочка текста, спо-

собная расширяться за счет присоединения к ней предшествующих и последующих элементов текста.

Заслуживает внимания шестой раздел книги — «Место ономастической лексики в грамотах XIV в.», — в котором анализируется антропонимическая и топонимическая лексика, особенности ее выражения в разных частях композиционной структуры грамот.

Последняя, седьмая, глава книги — «Стилистическая характеристика грамот как одного из жанров литературного языка XIV в.» — посвящена актуальной в исторической текстологии проблеме — установлению авторства неавторизованных грамот и определению места написания нелокализованных грамот. Эта проблема решается автором на основании показателей индивидуальных черт композиционной и синтагменной структуры текстов грамот, а также на основании связей между совокупностями антропонимов и топонимов, которые представлены каждой грамотой в отдельности. Устанавливаются канцелярии, в которых писались грамоты, принадлежность этих канцелярий адресантам, соотношения упоминающихся в грамотах писарей этих канцелярий, существование нескольких категорий писарей: а) работающих только в канцеляриях и выездных (на места совершения юридических сделок); б) старших по должности, которые пользовались правом подписи на грамотах, и младших, которые составляли или писали текст грамоты (без права подписи).

Выводы, помещенные в последней главе книги, содержат теоретические обобщения о состоянии делового стиля XIV в., о принципах комплексного подхода к атрибуции неавторизованных и нелокализованных грамот, о закономерностях линейного развертывания любого текста. Представляется, что эти выводы целесообразнее было бы дать отдельным разделом, ибо, разбросанные в разных местах седьмой главы, они не дают полного представления о том большом и ценном материале, который всесторонне анализируется в рецензируемой работе. В конце книги дана библиография.

Монография М. М. Пещак «Стиль деловых документов XIV ст.» является новым этапом в системном изучении текстов грамот. Примененный автором метод позволяет более или менее однозначно выявить необходимые для сопоставления факты текста каждого документа и обеспечивает надежную аргументацию соответствующих текстологических выводов. Монография тем самым выходит за пределы исторической тематики — она тесно связана с современными проблемами структурного формализованного анализа любых письменных текстов.

П. Н. Лианец

35-Я ГОДОВЩИНА СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ

3 сентября 1979 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялось заседание Ученого совета, посвященное 35-летию Словацкого национального восстания. В заседании принял участие один из деятелей Словацкого национального восстания, советник по культуре посольства ЧССР в Москве товарищ Михал Грушковиц.

Открыв заседание, директор Института, член-корр. АН СССР Д. Ф. Марков отметил важное значение этого события в истории народов Чехословакии. Словацкое восстание, участниками которого были также представители чешского народа, советские партизаны, представители многих других национальностей, было одним из ярчайших событий антифашистского сопротивления на заключительном этапе второй мировой войны. Как отметил в своей книге Президент ЧССР Г. Гусак, «сотни тысяч людей внесли личный вклад в борьбу за свободу, за ее новое содержание, за ее социалистическое будущее. Так личное слилось с национальным, государственным. Полученная свобода ценна, но завоеванная во сто крат дороже. Как для отдельного человека, так и для народов. Словацкий народ внес свой весомый вклад в борьбу за свою и нашу общую свободу. В борьбе с фашизмом он был ничуть не меньше среди других народов Европы».

С докладом «Словацкое восстание — начало национально-демократической революции» выступила канд. историч. наук Г. П. Мурашко¹.

Далее собравшиеся заслушали доклад канд. филол. наук Ю. В. Богданова «Национальное восстание и развитие современной словацкой литературы». Докладчик охарактеризовал национальное Словацкое восстание как поворотную веху в развитии всей словацкой культуры и прежде всего словацкой литературы, остановившись на таких аспектах проблемы: чем обязана словацкая литература восстанию и каковы, в свою очередь, ее заслуги перед историческим смыслом и заветами восстания.

Для творцов словацкой культуры восстание имело нравственно-очистительный смысл, будучи актом общенародного протеста против политики словацкого государства и его берлинских покровителей. Восстание стало для многих деятелей словацкой культуры важнейшим фактом их личной и творческой биографии, вдохновило их на создание ярких произведений, привело к активному сотрудничеству в повстанческих газетах и журналах, на повстанческом радио.

После 1945 г. литература широко обращается к тематике антифашистской борьбы, причем почти на всех произведениях того времени (вплоть до 1950 г.) лежит печать непосредственности, субъективной взволнованности.

Не совсем правомочны поэтому, по мнению докладчика, упреки позднейшей критики, фиксирующей недостатки и слабости первых книг о восстании: требование уравновешенного синтетизма в тот момент было невыполнимым для писателей, многие из которых были непосредственными участниками событий.

В поэтических книгах, появившихся вскоре после освобождения, нашла выход потребность в героизации событий, их участников, что явилось общей чертой литературы тех лет. Восстание возродило словацкую литературу, стало для нее источником тем, обусловило ее выход за пределы собственного национального коллектива.

С другой стороны, словацкая литература сыграла, — указал в своем докладе Ю. В. Богданов, — свою важную роль в процессе воссоздания сложной, нередко трагически окрашенной картины восстания.

Во второй половине 50-х годов — начале 60-х словацкая литература вновь обращается к событиям Словацкого восстания, переходя от субъективно-романтически окрашенных произведений — к реалистическим, синтетическим полотнам. Произведения А. Беднара, В. Минача, Р. Яшика и др. хорошо известных в СССР писателей помогают воскресить главный завет восстания — сознание важности творческой инициативы каждого для достижения общей высокой цели.

¹ Текст доклада печатается в настоящем номере журнала.

В 70-ые годы эта традиция нашла свое выражение в творчестве писателей младшего поколения, для которых обращение к теме восстания стало важным критерием гражданской и общественной зрелости в пору преодоления последствий общественно-политического кризиса 1968—1970 гг. (В. Шикун, Л. Баллек, И. Габай, В. Швенкова и др.)

В заключение заседания выступил советник по культуре Посольства ЧССР в Москве товарищ Михал Грушковиц, кото-

рый поделился своими личными воспоминаниями о Словацком национальном восстании. Выступавший подчеркнул немеркнущее значение традиций восстания для развития словацкой культуры, рассказал о новых произведениях в области словацкого изобразительного искусства, кинематографии, музыки, в которых в яркой художественной форме была воссоздана эта страница истории народа.

В. М.

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО «ОБЩЕКАРПАТСКОМУ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМУ АТЛАСУ»

С 18 по 22 июня 1979 г. в Москве, в Институте славяноведения и балканистики АН СССР была проведена очередная, VII Международная конференция по «Общекарпатскому диалектологическому атласу» (ОКДА), — теме, включенной в «Долгосрочную программу научного сотрудничества с академиями социалистических стран в области общественных наук». На конференции, посвященной решению принципиальных вопросов работы над ОКДА, были представлены все участвующие в его составлении национальные коллективы. Советская делегация под руководством проф. С. Б. Бернштейна включала сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР и ученых из Кишинева, Ужгорода, Львова, Черновцов, Северодонецка. В работе конференции приняли участие члены национальных коллективов Болгарии (М. Младенов), Венгрии (И. Шипош), Польши (Я. Сятковский, Г. Поповска-Таборская, Я. Ригер, А. Заремба), Чехословакии (П. Ондрус, И. Рипка, А. Вашек, Ю. Кришшакова), Югославии (Д. Петрович).

Конференция рассмотрела ряд вопросов первостепенной важности, в том числе: отчеты национальных коллективов о работе за время, прошедшее с VI Международной конференции (декабрь 1977 г.), составление бланковки атласа, принципы картографирования в ОКДА, транскрипции ОКДА, вопрос об издании атласа, ряд организационных вопросов. В период между VI и VII конференциями по ОКДА главной задачей являлись сбор и первичная обработка диалектного материала, собранного по Вопроснику атласа. Эта работа, согласно докладам руководителей национальных коллективов, полностью закончена по молдавскому ареалу, обследовано более половины пунктов на

украинской, польской, словацкой и болгарской территориях; сбор материала по этим регионам, а также по венгерским и чешским говорам и на территории Югославии будет закончен, в соответствии с планом, в 1979 г.

Я. Ригер (ПНР) и Р. Я. Удлер (СССР) предложили для обсуждения два проекта бланковки. Результаты обсуждения были переданы для доработки Институту славяноведения ПАН; окончательный вариант, выработанный им, будет рассмотрен на следующей, Софийской конференции по ОКДА (декабрь 1979 г.).

С докладом о принятиях картографирования и комментирования выступил Р. Я. Удлер. С дополнениями к этому докладу выступили П. Н. Лизанец, рассматривавший вопрос о знаковых системах, которые могут быть использованы при составлении карт Атласа, и Г. П. Клепикова, предложившая приемы отражения в ОКДА материалов румынских диалектных атласов и, прежде всего, их рекартографирование. Вопросы картографирования были всесторонне обсуждены и принято решение к следующей конференции осуществить пробное картографирование по 10 вопросам Вопросника; к конференции по ОКДА в Братиславе (сентябрь 1980 г.) должны быть картографированы 306 вопросов. Был заслушан и обсужден доклад Г. П. Клепиковой о транскрипции ОКДА.

Обстоятельному обсуждению был подвергнут вопрос об издании ОКДА, в том числе ряда документов VII конференции. Первые выпуски Атласа предполагается издать в СССР (Москва и Кишинев) и в Польше. Первой публикацией по атласу является выпуск — «ОКДА. Вопросник. Транскрипция» (1981).

В. Орел

CONTENTS

<p><i>Murashko G. P.</i> Slovak Revolt — the Beginning of the National-Democratic Revolution. <i>Vyshomirskaja-Kuzminskaja O.</i> Activities of the Polish-Soviet Institute. <i>Grigorjants T.</i> To the Problem of the Treaty System Forming between the USSR and the People's Democratic States of the Central and South-Eastern Europe in 1945—1947. <i>Ojmatov Ch.</i> BCP — the Organizer of the 1st May Campaigns in Bulgarian Country (1930—1934). <i>Bernshtejn S. B.</i> Main Stages of the Bulgarian Migration into Russia in XVIII—XIX c. <i>Kopysski Z. J.</i> New Documents about the Agrarian System in Byelorussia in XVI — First Half of the XVII c. <i>Sholta J.</i> The Marxist-Leninist Conception of the History of Sorbs. <i>Vilinbachov V. B.</i> Modern Historiography of the Problem «Baltic Slavs and Russia». <i>Tverdislova E. S.</i> Methodological and Theoretical Problems of the Modern Polish Comparative Literary Criticism (on the Basis of the Russian-Polish Literary Links of the Second Half of the XIX c.). <i>Azim-zade E. T.</i> To the Comparative Analysis of Slav and Turkic Constellation Names.</p>	3
--	---

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>Pashajeva N. M.</i> Two Autographs of Jan Kollar in the Historical Library.	104
--	-----

REVIEW — ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Nenasheva Z. S.</i> И. В. Чуркина. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. <i>Grigorjan E. A.</i> А. Н. Нерсисян. Борьба болгарского народа против Султанской Турции в 70-х годах XIX в. <i>Steblij F. I.</i> New Research on the History of the Revolution of 1848—1849 in Austria. <i>Isajevitsh J. D.</i> Б. Н. Флоря. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. <i>Gorskiy I. K., Solovjeva A. P.</i> К. И. Ровда. Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур. <i>Prokofjeva D. S.</i> To the Problem of Russian-Polish Literary Links. <i>Freidenberg M. M.</i> «Сплитский литературный круг». <i>Mylnikov A. S.</i> И. И. Свирида. Польская художественная жизнь конца XVIII — первой трети XIX в. <i>Lizanets P. N.</i> М. М. Пещак. Стиль ділових документів XIV ст.</p>	108
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>V. M.</i> Session Dedicated to the 35-th Anniversary of the Slovak National Revolt. <i>Orel V.</i> The VII-th International Conference of the All-Carpathian Dialectological Atlas.	126
--	-----

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.10.79 Подписано к печати 17.12.79 Т-17877 Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 12,4 Бум. л. 4 Тираж 1210 экз. Зак. 2367

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891